

М. В. ПОПОВ

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАЛЕКТИКА

Часть 1

Невинномысск

Издательство Невинномысского института

экономики, управления и права

2012

УДК 101.8

ББК 87.6

П58

Попов М.В. Социальная диалектика. Часть 1. Невинномысск. Изд-во Невинномысского института экономики, управления и права, 2012 – 171с.

ISBN 978-5-94812-104-8

В предлагаемой вниманию читателя книге доктора философских наук профессора кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета М.В.Попова с диалектических позиций представлены важнейшие категории социальной философии, овладение которыми необходимо для глубокого понимания и успешного разрешения проблем развития современной России.

Данная книга ставит одной из своих целей помочь молодым людям стать компетентными в области социальной философии. Поэтому при всей серьезности материала автор стремился к простоте и легкости его восприятия.

Монография будет полезна и специалистам в других областях, поскольку философия есть наука о всеобщем, которое есть во всем. Интересна эта книга будет и тем, кто себя к специалистам не относит, но, исходя из практических или мировоззренческих целей, стремится разобраться в противоречиях общественного развития и определить пути и способы их позитивного разрешения.

УДК 101.8

ББК 87.6

ISBN 978-5-94812-104-8

ВВЕДЕНИЕ

Мы находимся с вами в начале изучения социальной философии. А что такое начало? Начало есть неразвитый результат. Что начинаем, то и есть вначале как начало, а затем оно развертывается в результат. Результат же – это развернутое начало. Начало и результат – парные категории, определяющиеся друг через друга. Это два соотносительных понятия, такие, что одно без другого, как верх – низ, правое – левое, не определить.

Человек, изучивший категории социальной философии, пройдя от начала изучения до результата, будет в социальной философии компетентным, то есть будет в ней разбираться. Компетентный человек – это специалист. Данная книга ставит одной из своих целей помочь молодым людям стать специалистами в области социальной философии. Она будет полезна и специалистам в других областях, поскольку философия есть наука о всеобщем, которое есть во всем. Интересна эта книга будет и тем, кто себя к специалистам не относит, но, исходя из практических или мировоззренческих целей, стремится разобраться в противоречиях общественного развития. Автор приносит свою благодарность М.Ю.Беляеву, И.М.Герасимову, О.А.Мазуру и С.М.Шульженко за помощь в подготовке к печати и изданию книги.

Обратим внимание на то, что любое единичное или особенное содержит в себе всеобщее как свой собственный неперемный момент. Люди очень часто совершают ошибки не потому, что не знают каких-либо конкретностей или особенностей, а потому, что не знают всеобщего, того, что есть во всем. И вот это всеобщее и изучает философия. ***Философия есть наука о всеобщих законах природы, общества и мышления.***

Поскольку философия изучает всеобщее во всем, можно сказанное переформулировать следующим образом: философия изучает всеобщие законы мышления, общества и природы. Здесь на первое место поставлено изучение всеобщих законов как законов мышления, то есть как логических законов, поскольку логика есть наука о мышлении. В этом состоит особенность подхода к изучению всеобщих законов, примененного в данной книге, хотя ко всеобщим законам можно прийти и по-другому, непосредственно изучая, например, природу, что делают естествоиспытатели, или общество, что делают представители гуманитарных наук.

Почему можно подходить к изучению всеобщих законов со стороны логики? Потому что человеческий язык, являясь формой существования и проявления мысли, которая, как говорил Гегель в «Науке логики», проявляется и отлагается прежде всего в языке, вообще сохраняет в себе только общее, повторяющееся миллионы и миллиарды раз, и в нем, в языке сокрыта логическая картина мира, которую нужно только раскрыть.

Если естественные и гуманитарные науки «смотрят» вниз, на природу и общество, то логика смотрит «вверх», на их отражение в человеческом языке и в этом отражении находит законы, являющиеся не только законами логики, но и законами природы и общества. Человеческий язык, движение понятий в котором изучает логика, впитал в себя только то, что является результатом обобщения, которое человечество совершило, создавая и развивая язык как средство общения, причем впитал в себя связи и переходы понятий, являющиеся отражением связей и переходов объективной действительности. Поэтому логические законы являются логическим выражением отраженных в мышлении законов природного и общественного бытия.

В языке мы имеем образ – картину мира в самых общих чертах. То есть во взаимосвязях понятий, во взаимосвязях слов и предложений мы обнаруживаем взаимосвязь, которая имеется в

мире. Поэтому можно изучать действительность не только так, как изучают ее такие науки, как химия, физика и география. Они смотрят «вниз», на материю. А можно смотреть «вверх» – на язык как на отражение объективного мира. Причем это отражение складывалось исторически, поскольку язык имеет большую историю. Речь идет не о конкретном – английском, французском и т.п. языке, а о человеческом языке как таковом. Можно переводить с одного языка на другой, но все равно эта связь понятий, которая есть в языке, останется. Вот мы будем изучать логику языка, и, изучая связи понятий, будем обнаруживать всеобщие законы мышления, природы и общества. Такой, можно сказать, экзотический путь, но, с другой стороны, рафинированный, поскольку уже история отобрала, что в языке оставить, а что не оставить. Язык вообще в себя что угодно не примет. Или примет, но временно, а потом выкинет или переделает. Например, русский язык принял английское слово *utility* (полезность), а превратил его – в «утиль». Старое, непригодное для прежнего использования, но полезное как вторичное сырье – это утиль. Это уже не новое, но годится, например, как сэкондхэнд. Что такое сэкондхэнд – это старье. А элитный сэкондхэнд или суперсэкондхэнд – это суперстарье. Продаваемые за полцены залежавшиеся последние экземпляры распроданных партий товаров называют стоком. Висят рекламные объявления: Сток Европы. То есть из Европы стекает сюда всякое суперстарье и залежалые товары, а вы бегите, берите, собирайте. Язык – он все ставит на место, важно только вдуматься в смысл того, что говорят.

Всего имеется две известных человечеству логики. По крайней мере, до Горбачева, смехотворно претендовавшего на «новое мышление для нашей страны и для всего мира», было известно две.

Первая – формальная, её законы разработал Аристотель, древнегреческий философ, всем вроде известный. Всем, да не всем. Есть такой анекдот. У нас долго висела реклама бытовой техники –

«Аристон». Студента на экзамене просят назвать какого-либо философа. Тот говорит: «Платон». – А ещё: «Аристон». На счастье студента был-таки и философ Аристон. Но это не Аристотель. Аристотель – великий философ, а Аристон – менее известный философ. Так вот Аристотель разработал формальную логику. Тот, кто возьмет книги Аристотеля и почитает, почувствует, как его трудно понимать.

Другой великий философ Георг Вильгельм Фридрих Гегель разработал диалектическую логику, его тоже трудно понимать, но не так трудно, как Аристотеля. Впрочем, вообще все серьезное в науке требует большой умственной работы. Маркс об этом писал так: «В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достичь её сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по её каменистым тропам».

Иногда говорят про серьезную, глубокую научную книгу, что в ней непонятно написано. Однако если сразу все понятно, то это, видимо, скорей всего, плохая книжка. В этой связи давайте зададимся вопросом не общественным, а физическим – можно ли загорать под луной? Грамотный ответ такой – конечно, можно, потому что луна не имеет собственного света, а лишь отражает солнечный свет, под солнечным же светом загорать можно. Поэтому берите коврики, берите фуфайки, берите нагреватели, спокойно загорайте, и годам к 50 – 60 вы получите хороший ровный загар. Примерно так же происходит с теми, кто читает плохонькие книжки. Эти книжки очень понятны. В них так все понятно изложено! Так, например, пишут, что определение – это совокупность признаков, свойств предмета, то есть мешок, в который свалены все признаки и свойства. А если вы откроете Гегеля, прочтете в «Науке логики» в Учении о бытии, что *определение – качество, которое есть в себе в простом нечто и сущностно находится в единстве с другим моментом данного нечто – с в-нем-бытием*, то это сразу не понять. А там понятно

было. Или, допустим, в высшей математике в математическом анализе разве сразу понятно определение предела последовательности? В свое время Гегель хвалил и Ньютона, и Лейбница за то, что они открыли дифференциальное исчисление, но критиковал за то, что не вполне строго изложили, а ведь именно теория пределов отделяет элементарную математику от высшей, с теории пределов начинается высшая математика. Порядок теперь наведен. Теперь при наведенном порядке определение предела последовательности выглядит гораздо менее понятным, чем у Ньютона и Лейбница.

То есть мы не можем настраиваться на то, что, дескать, если это просто, то это хорошо, а если это сложно, то, значит, это нехорошо. *Сложное – это сложенное из простых.* Почти так прямо и говорится: сложенное. Поэтому если мы хотим что-то крупное, серьезное узнать, надо настроиться на то, что оно сложное. А если мы хотим только на элементарном уровне оставаться, на уровне простого, мы простаками так и останемся. Кто такие простаки? Они что, ничего не знают? Знают – только простое знают. А что такое читать не гениальные книги, а просто хорошие, это что такое? Это значит загорать под луной. Ведь даже если задаться целью прочесть все гениальные книги, то разве за жизнь успеем? Нет. Как же тогда мы можем отвлекаться на какие-то простые книжки, когда гениальные не прочитаны. Пример. Вот многие хотят овладеть ораторским искусством, поскольку в истории оно сыграло выдающуюся роль. И есть всякие руководства по ораторскому искусству. Их чаще всего пишут люди, которые не умеют говорить, про которых не слыхано, не видано, чтобы они где-нибудь выступили и произнесли какую-нибудь выдающуюся речь, куда-нибудь повели за собой массы, зато эти люди пишут, как надо говорить. Нередко получают за это деньги. А другие люди их творения изучают и думают, что так они научатся выступать. А как должно к этому подойти научно? Ведь было такое время в истории,

когда от того, как человек выступит, зависели жизнь и смерть людей, решение судьбоносных вопросов. Так было, например, в Древнем Риме. Поэтому и надо брать для изучения книги великих римских ораторов. Например, книгу Цицерона «Три трактата об ораторском искусстве». Это само по себе интересное произведение, с эстетической точки зрения написано блестяще, прекрасны язык и манера изложения. Советы, которым должен следовать каждый, кто берется выступать перед аудиторией, не навязываются, а как бы подаются. Речь желательно написать, разумеется, самому, но не читать. Написать надо, чтобы не было провалов, а то иногда стоит на трибуне человек, молчит и не знает, что говорить дальше. Но ни в коем случае не стоит зачитывать. А то будет, как у Н.С. Хрущева, который, если отступал от текста, нес ахинею, хотя и то, что он зачитывал, слушать было стыдно. Начинать речь можно с чего-нибудь, не относящегося к делу, а когда все затихнет, выставить сильные аргументы. Более слабые поместить в середину речи. А в конце у вас должен быть «экспромт», который вы заранее продумали, и очень сильный. А то может получиться, что начал человек хорошо, а кончил ничем, тропинка оборвалась, живой ручеек его речи тек, тек и, как в пустыне, высох. Короче, тот, кто не хочет загорать под луной, может взять «Три трактата об ораторском искусстве» Цицерона и почитать. Заодно он узнает, что для оратора важно не только, что вы говорите, но и насколько убедительно по форме, по звучанию.

С большой внимательностью нужно подходить к выбору книг. Конечно, нужно накопить определенный материал, но не надо барахло-то накапливать. Не нужно делать помойку в голове. У нас интернет для этого есть. Только в нем, в отличие от обычной помойки, любую выброшенную и получившую номер «консервную банку» можно вытащить к себе в компьютер. К счастью, там есть и хорошие, и замечательные вещи. Можно выудить и такое, и такое. Это хорошо, что все пронумеровано, надо только уметь отличать,

где там что полезное, а где просто мусор. Этому помогает знание о всеобщем.

Не надо также подменять серьезные научные произведения словарями. Почему? Кто пишет словари? За исключением филологической науки, в других науках крупный ученый, который написал словарь, – большая редкость. Ведь наука – это система знаний, а всякий словарь связи между понятиями обрывает. Связи разве по алфавиту идут? Не по алфавиту. А тут по алфавиту. Взяли живую ткань действительности, разрезали ее на мелкие кусочки и эти кусочки по алфавиту расположили. Вместо живой действительности получили расставленные по алфавиту ее части. А еще Энгельс говорил, что части лишь у трупа. Кое-какие сведения получить можно. Но без претензий на то, что это наука. Поэтому, вообще говоря, я бы не советовал пользоваться словарями. Откройте серьезную книгу и найдите там ответ на имеющийся вопрос, в том числе и с помощью интернета. Набрали ключевые слова, по этим словам нашли серьезную книгу, открыли и прочитали, что серьезные люди думают по этому поводу.

Хочу привести пример с интернетовской энциклопедией «Википедия», куда каждый несведущий может вставлять свое. В ней латинское слово «компендий» трактуется как краткое содержание, тогда как в переводе с латинского «компендий» означает «кратчайший путь, прямая дорога». Именно в этом последнем смысле следует понимать слово «компендий» в известном положении Энгельса о том, что в «Науке логики» Гегеля имеется единственный компендий диалектики. Большая разница – просто краткое содержание или кратчайший путь, прямая дорога, которой Энгельс предлагает в изучении диалектики пойти.

Итак, кроме логики формальной – трудной, есть другая трудная – диалектическая логика. О ней в дальнейшем мы будем вести речь весьма обстоятельно, а кратко на вопрос, что такое диалектика, можно ответить в форме анекдота. Приехал в деревню философ.

Его дед встречает, а дед такой непростой, спрашивает: Ты кто такой? – Я философ. А чем занимаешься? – Диалектикой. А что такое диалектика? – Ну, дед, ну, что вы спрашиваете. А дед: Нет, дорогой товарищ, ты должен нам объяснить. Во-первых, мы грамотные, учились, во-вторых, мы газеты читаем, телевизор смотрим, радио слушаем, а ты как человек образованный обязан нам объяснить. Философу делать нечего – Ну ладно, дед, объясню. Вот баня у вас есть в деревне? Тот говорит: есть. – Ну, вот, идем мы с тобой в баню. Ты грязный, я чистый. Кому мыться? Дед говорит: Чего тут думать, я грязный, мне надо мыться. – Нет, дед, мне надо мыться. Мне чистоту поддерживать надо, а тебе чего мыться, ты все равно грязный. Понял дед? – Да понял я, говорит дед, какая у вас диалектика. – Но это, дед, тезис. Это ещё не все. Второй раз мы идем с тобой в баню. Ты грязный, я чистый. Кому мыться? – Да понял я вашу диалектику. Ты чистый, тебе чистоту поддерживать надо, а мне-то чего мыться, я все равно грязный. – Что ты мелешь, дед. Посмотри на себя, ты весь грязный. Тебе надо мыться. А мне-то чего мыться, видишь, я чистый. Понял дед? Тот говорит: «Понял». – Вот дед – это антитезис. Антитезис – запомни. Но, дед, еще не все на этом. Третий раз мы идем с тобой в баню. Ты грязный, я чистый. Кому мыться? Дед говорит: «Ничего не понимаю». – Вот, дед, это и есть диалектика – синтезис.

И вот от этого шуточного рассказа перейдем к более серьезному объяснению того, что есть диалектика, двигаясь пока еще не систематически, потому что мы должны были бы с самого простого начинать, но начнем с самого понятного, с того, что каждому известно. Если речь идет об изучении общественной жизни, то какую жизнь мы будем изучать – мертвую или живую? Живую. Мертвую жизнь изучают где? В анатомическом театре. Там тоже, кстати, факты изучают. Это такая-то кость, это печень, это селезенка и т. д. Совсем не плохо, когда медики-студенты берут скальпель и начинают резать трупы. Кто бы захотел попасть к

врачу-хирургу, который трупы не резал, а сразу режет живого человека. Уж пусть сначала 25 трупов порежет, а потом будет меня резать. Я думаю, никто бы не захотел попасть к хирургу, который до вас даже трупы не резал. Так вот мы с вами, обществоведы, или, как в шутку говорят, душелюбы и людovedы, изучаем живую жизнь, а все живое находится в изменении. Не говоря уже о том, что и вся неживая природа тоже находится в изменении.

Нет ничего, что не изменяется. Это всеобщий закон. Все находится в изменении. Другое дело, что не все знают, что такое изменение. Когда мы изменяемся, мы равны самому себе? Да, ведь по-прежнему это мы. Но раз мы изменяемся, значит, мы одновременно и не равны самому себе. Кажется, что такую элементарную вещь мы затронули, но ключевую, характеризующую диалектику. То есть надо и то, и другое сказать. Надо высказать об одном и том же два прямо противоположных утверждения. Прямо противоположные, иначе изменение логически не выразить. И это применимо ко всему. Всеобщие категории к чему применимы? Всеобщие – ко всему. Пример про реку. Еще известный древнегреческий диалектик Гераклит писал, что, когда вы входите в реку, вы входите в реку ту же и одновременно уже не в ту. Тот, кто диалектику не понимает, говорит, что Гераклит писал якобы, будто нельзя войти два раза в одну и ту же реку. Звучит вроде красиво, а фраза получается глупая. Только в одну и ту же реку и можно войти два раза. А если я в разные реки вхожу, так я не два раза вошел, а по одному разу вошел в каждую из двух рек. Но когда я вхожу в одну и ту же реку, надо, с одной стороны, увидеть и признать ее равенство с собой и, с другой стороны, увидеть и признать ее неравенство с собой. Если нет равенства с собой, то нет того, что изменяется. Если есть только равенство нечто с собой, то оно не изменяется.

Изменение – это очень важная категория. В дальнейшем мы снова к ней вернемся. А сейчас хотелось бы обратить внимание на

то, что с точки зрения законов формальной логики изменение объяснить нельзя. Почему? Потому, что в формальной логике действует закон исключенного третьего: А равно либо А, либо не А, третьего не дано. И на этом законе формальной логики строятся все науки, которые используют только формальную логику. Но не науки об обществе. В то же время науки об обществе используют и формальную логику, поскольку диалектическая логика включает в себя формальную. Но она не только допускает, она предполагает высказывание об одном и том же двух прямо противоположных утверждений. Более того, она требует этого.

Например, если я хочу высказаться о хороших людях. Понятие «хорошие люди» ведь не означает не имеющие недостатков. А недостатки в чем проявляются, в положительных действиях или в отрицательных? В отрицательных с точки зрения общественных интересов, то есть в антиобщественных действиях. Значит, правильно будет сказать, что все хорошие люди в те или иные моменты своей жизни совершают антиобщественные действия. А если человек был хороший, хороший, но вдруг недостатки перевесили его достоинства, такого разве не может быть? Тогда говорят, что человек переродился. А у плохого человека хорошие качества есть? Да, и он с помощью этих качеств втирается в доверие к хорошим людям. Вот деятельность финансовых пирамид типа МММ и других фирм, которые людей обманывают, на чем строится? На злоупотреблении доверием, что считается преступлением, предусмотренным статьей 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, и называется мошенничеством.

Приведу пример злоупотребления доверием. В одной из петербургских газет корреспондентка расписывает, что, дескать, сейчас нужно установить счетчики на все, что есть закон об энергосбережении и что будто бы согласно этому закону не установившие счетчики граждане будут подвергаться разного рода наказаниям. А установка счетчика стоит денег и немалых.

Например, газовый счетчик стоит около 5 тысяч рублей, а с установкой все 15 тысяч. А еще электрический счетчик в замену имеющегося, срок годности которого якобы истек. Счетчики холодной и горячей воды – по числу стояков. О, у вас еще и батареи есть. На каждый стояк отопительных батарей по счетчику. Тепло надо считать. Все надо считать. Ну, и, самое главное, говорится в статье, кто этого не сделает в течение года, к нему придут судебные приставы, и этот приход судебных приставов несчастному жильцу также придется оплатить. Прочитав эту статью и проникнувшись недоверием к ее автору, поскольку твердо знаю, что судебные приставы свои функции выполняют за счет государства, я открыл тогда этот самый интернет, в котором есть не только плохое, но и хорошее, и обнаружил, что никакого петербургского закона об энергосбережении вообще нет, хотя название статьи – «Петербуржцев поставили на счетчик». Есть закон федеральный, и ничего в этом законе насчет того, чтобы обязать всех ставить счетчики, нет. Был проект постановления правительства поднять тарифы тем, кто счетчики не установит. Проект выброшен, отменен другим постановлением правительства. Законом не предполагается ни взыскание штрафов, ни применение каких бы то ни было мер к тем, кто счетчики не поставит. Дескать, кому выгодно, те и ставят. А кому выгодно? Вот если посчитать на семью, приобретение счетчиков с их установкой потянет на 20 тыс. рублей. Сколько семей у нас в Петербурге? Примерно миллион. Миллион если умножить на 20 тыс., получаем 20 миллиардов. Вот она выгода для тех, кто навязывает населению установку счетчиков. А потому и статьи соответствующие публикуются в интересах тех, кто злоупотребляет доверием граждан. Мошенники. Жителей пугают, что вот-вот придут приставы, наверное, с автоматами и в масках. А у вас счетчиков нет. Хотя ясно, что вести учет должен прежде всего тот, кто что-нибудь продает, ведь вы не ходите в магазин со своими весами.

Как избежать злоупотребления доверием? Самое верное средство – знание. Знание – сила, и этой силы мы должны набираться. А что касается хороших людей, то у всех у них имеются недостатки. Есть такая притча. Идет однажды Христос и видит, что евреи камнями побивают грешницу Марию Магдалину за ее грехи. Христос возгласил: «Кто без греха, тот пусть бросит в нее камень». Все перестали бросать. И вдруг откуда-то сзади летит камень. Христос поворачивается и говорит: «Мамочка, ну, сколько раз я тебя просил: когда я работаю, не надо мне мешать».

Шутки шутками, но сказанное о диалектике применимо и к более серьезной проблематике. Никто не будет настаивать на том, что в органах КГБ работники основательно знали диалектику. Ведь до последнего времени диалектику учили не по Гегелю. Я вот все время пропагандирую, чтобы учили по Гегелю, но нет, говорят, мы учим не по Гегелю. И вот работнику КГБ доносят, что человек совершил антисоветское действие. О чем это говорит, что из этого следует? Что он антисоветчик? И вот вызывают человека, начинают допрашивать, и оказывается, что и другие совершают такие же действия, и третьи. Так вас уже целая группа. А за групповое дается больше. И пошло, пошло, пошло. Хотя надо стоять на том, что положительный человек – это не тот, который не совершает отрицательных действий, а тот, для которого положительные действия являются определяющими. Соответственно антиобщественным элементом можно считать только того, для которого антиобщественные действия являются определяющими его как целое

Или вот рассказывают, что при коллективизации нередко раскулачивали и ссылали тех, кто не являлся кулаками. До сих пор неграмотные в политической экономике люди считают кулаками просто зажиточных людей. О, вот он увидел зажиточного крестьянина. У него две лошади и корова. Даром, что в семье

восемь сыновей, тогда же не по одному ребенку было. А у другого было восемь дочерей, ему с первым не соревноваться, он не зажиточный. А зажиточные прикупили у незажиточных землю или арендовали. И лошади у них есть, и свиней много. И корова есть, и куры, и гуси. И вот не вполне подготовленный товарищ приходит с револьвером. Так, говорит: Зажиточный? Зажиточный. Значит, кулак. Большинство, увы, и сегодня считает, что зажиточный значит кулак. А с чего вы взяли, что он кулак? Где вы такое определение вычитали? Кто его вам дал, такое определение? Так кто такой кулак? Разбираемся. Какие группы есть в деревне? Крестьяне – это сословие феодального общества или это класс буржуазного общества? Крестьянин – это понятие, характеризующее сословие в феодальном обществе, а мы хотим разобраться в классовой структуре деревни в буржуазном обществе. Кто там есть? Разве мы не знаем, какие в деревне есть классы? Какие вообще есть в буржуазном обществе классы? Во-первых, рабочий класс. Как он в деревне представлен, как называется рабочий деревни? Батрак. А кулак – это человек, который живет своим трудом или чужим? Тот, кто живет чужим трудом, – это сельский буржуа, то есть кулак. А вот если у меня восемь сыновей – здоровых мужиков, и мы еще эксплуатируем троих работников – я кулак или нет? Что характеризует меня? Я живу своим трудом или чужим, если чужого труда присваиваю лишь 20% от всего затраченного труда? Ну, на 20% я эксплуатирую, а 80% присваиваю своего труда, а вы меня раз – и в кулаки записали. В соответствии с научной методологией, если я присваиваю чужого труда менее 50 % всего присвоенного труда, значит, я не кулак. А вот если 51%, то тогда я сельский буржуа, то есть кулак. А те крестьяне, которые не относятся ни к сельским наемным рабочим, ни к сельским буржуа, на политико-экономическом языке называются мелкими буржуа. *Мелкий буржуа – это мелкий хозяйчик, работающий на рынок.* А чтобы

знать, что такое рынок, надо знать, что такое деньги. Потому, что *рынок это сфера обмена товаров на деньги и денег на товары, сфера купли-продажи. Деньги – это товар-эквивалент, обладающий свойством всеобщей обмениваемости.* А товар что такое? *Товар – это продукт, производимый для обмена.* А что такое обмен, это понятно? **Понять, согласно диалектике, значит выразить в понятиях.** Вот если я чувствую, что такое обмен, но выразить в понятиях не могу, это значит, что я не понимаю. *Обмен – это взаимная и взаимообусловленная передача чего-либо принадлежащего двум субъектам.* Взаимная и взаимообусловленная. Вот если ты мне сделал подарок и я тебе, это не обмен, поскольку тут нет взаимообусловленности, а есть лишь взаимность. Чтобы говорить об обмене, надо говорить о взаимообусловленном движении того, что принадлежит взаимодействующим субъектам. Поэтому можно взять другое, аналогичное определение, которое есть в Советском энциклопедическом словаре. Там другими словами выражено то же самое отношение: *«Взаимное отчуждение продуктов труда и иных объектов собственности на основе свободного договора или соглашения».* А что значит на основе свободного договора? Что никто меня не принудил что-то кому-то передавать. Допустим, у монополии есть два предприятия. Одно в России, другое в Америке. И они встречные перевозки осуществляют, эти предприятия. Тут есть обмен? Нет. Тут нет никакого отчуждения, все в рамках одной собственности совершается. Так что в пределах фабрики, в пределах монополии никакого обмена нет. А если у меня одна фирма, а у вас другая, я вам свое отдаю под условием, что вы мне ваше отдаете, а вы мне свое отдаете, если я вам свое отдаю, и у нас происходит взаимное и взаимообусловленное отчуждение продуктов труда или иных объектов собственности, тогда имеет место обмен. Так вот кто такой мелкий буржуа: это человек, который своими средствами производства работает,

трудящийся, но трудящийся с целью обмена. То есть он производит для обмена, при этом возможно его эксплуатируют. Как его можно эксплуатировать? Кто устанавливает цены на хлеб? Те, кто продает его или те, кто его покупает? Фактически те, кто покупает, устанавливают монопольно низкие цены. Мелкие буржуа, в том числе крестьяне, они ведь распылены, как они установят цену? И если в хлебе заключено 8 часов труда, а крестьянину на рынке удалось выручить только 6, то два часа кто присвоил? А тот, кто у него по заниженной цене купил. Это получается эксплуатация, поскольку эксплуатация – это присвоение чужого неоплаченного труда. Кто эксплуатировал? Тот, кто у крестьянина, пусть зажиточного, купил этот хлеб.

То есть надо научно во всем разбираться, и с этим мы возвращаемся к вопросу об изменяющемся нечто. **Чтобы выразить изменение, мы должны высказать два прямо противоположных утверждения: равенство нечто с собой и его неравенство с собой.** Если имеет место только равенство с собой, нет никакого изменения. А если только неравенство с собой, также нет никакого изменения, просто все время разные нечто: не это, не это, не это, а надо, чтобы одно и то же нечто было тем же самым и не тем же самым в одно и то же время. Вот только тогда мы получим истинное изображение изменения.

Мы еще будем на этом останавливаться. Нам сейчас важно подчеркнуть разницу диалектического подхода и формально логического. Если речь идет о гуманитарных науках, таких, например, как история, здесь для познания истины без диалектического подхода не обойтись. И вот особенность того, как мы будем изучать категории в этом курсе – мы главный акцент сделаем как раз на изменении и, более конкретно, на развитии. **Развитие – это движение низшего к высшему, простого к сложному.** Развитие противоречиво. В нем есть и прогресс, и регресс. **Такое движение в развитии, которое совпадает с**

направлением развития, называется прогрессом. А такое движение в развитии, которое противоположно его направлению, есть регресс. Прогресс и регресс – это противоположные моменты развития.

Нам нужно настроиться на изучение изменяющегося, развивающегося, становящегося. Это не просто, поскольку с детства мы с вами учим только формальную логику. Математика построена только на формальной логике. Там есть даже доказательство от противного: предположим, что данное утверждение верно, но если логически придем к противоречию, надо отбросить предпосылку о верности сделанного предположения. Диалектика же различает противоречия во всем. При этом в диалектическом рассуждении, когда речь идет об одной стороне противоречия, строго соблюдаются законы формальной логики. В диалектике мы изначально берем противоречивое, от противоположных сторон идем к следующей категории и, если мы правильно рассуждаем, не сделаем формально логических ошибок, мы снова придем к противоречию. И затем пойдем дальше. То есть тут другой путь, другая дорога. Как называется этот метод? Этот метод называется диалектическим. Единственный компендий или компендиум диалектики имеется в «Науке логики» Гегеля.

Мы будем для изучения социальных проблем применять диалектику и с диалектической точки зрения все рассматривать. С диалектической точки зрения всякий предмет сначала рассматривается как простое бытие – он просто есть. Потом берется с отрицанием, и в нем рассматривается то, что его отрицает. А потом рассматривается отрицание этого отрицания. И получается возвращение к исходному бытию, но уже не как непосредственно равному самому себе, а как равному самому себе через отрицание своего отрицания. Соответственно, хороший человек – это не тот, у которого нет недостатков, а тот, который держит свои недостатки в узде и их преодолевает. Он не просто пассивно принимает их бытие

как бытие своего собственного отрицания, а борется с ними, что характеризует его как положительного человека, отрицающего в себе свое отрицание.

Мы говорим «диалектический метод». А что такое метод? Если вы откроете какой-нибудь словарь, там написано – метод это способ. А способ? Это метод. А метод – это средство. И так ходят туда-сюда. Как про метод пишет Гегель: **«Метод – это осознание формы внутреннего самодвижения содержания изучаемого предмета»**. Если вы какой-нибудь предмет изучаете, в данном случае некое общественное явление, исторически изменяющийся объект, так что вы должны делать? Надо освоить содержание предмета и понять, какое у него самодвижение, а не приписывать ему то, что в голову взбредет. Я, видите ли, предположил. Да мало ли что я предположил. Я могу предположить, что до Луны 6 км. Могу? Могу. Кто мне может запретить предположить? Это же просто мнение. Я высказал его и все. Мы будем изучать сущность предмета или приписывать предмету то, что нам взбредет на ум? Мы будем мнение возвышать до знания или знание опускать до мнения? Правда, когда мнение возвысишь до знания, получается только одно мнение, то есть знание, а знание одно, потому что истина одна. **Истина же есть соответствие понятия и объекта.** Очень простая формулировка. Её можно и нужно запомнить навсегда. Удалось вам добиться соответствия понятия объекту или объекта его понятию, значит, вы добились истины. А не удалось, – значит, не добыли пока истины, не приблизились к ней или отдалились от нее. И поскольку истина одна, постольку, когда вы возвышаете мнение до знания, все другие мнения снимаются. И это некоторым не нравится. Например, в передачах радио «Эхо Москвы», равно как и «Эхо Петербурга», особым изыском считается особое мнение. Так нам что – особое мнение надо или знание истины?

Если я предлагаю вам свою книгу, дорогие читатели, так вам нужно мое особое мнение или знание? Что касается меня как автора, то я свои особые мнения оставляю в стороне и буду стараться излагать здесь знания. Потому, что вам эти особые мнения, собственно говоря, особо и не нужны. А знания – это то, что не зависит от того, кто их добывает и излагает.

И вот эту задачу мы будем решать – возвышения мнения до знания. То есть согласно диалектическому методу мы должны знать, в чем внутреннее самодвижение содержания предмета. Внутреннее – это его собственное движение, самодвижение. Не то, что я ему приписал, а то, что на самом деле происходит. А самодвижение в чем имеет свой источник – в противоречиях. Поэтому надо найти те противоречия, которые есть в содержании предмета и понять, как они развиваются и разрешаются. То есть надо внутреннее самодвижение осознать. А чтобы осуществить это, надо накопить материал: поизучать, походить, почитать, посмотреть. Вот эти самые факты набрать, о которых мы говорили, мы снова приходим к этому, но уже как к положительному. Конечно, факты нужны. Что без фактов поймешь? Прежде чем разберешься в самодвижении, надо вникнуть в содержание предмета и по фактам искать противоречия его самодвижения. Конечно, нужно иметь какие-то твердо установленные факты, которые характеризует это самодвижение. И, наконец, кажется, что я вроде бы осознал форму внутреннего самодвижения содержания изучаемого предмета. А выразил в понятиях? Нет? Если не выразил, то, значит, еще не осознал, поскольку еще не понял. То есть надо выразить в понятиях форму этого самодвижения – вот это и будет применение диалектического метода как осознания формы внутреннего самодвижения содержания изучаемого предмета.

Диалектический метод, как мы видим, неотрывен от содержания, это содержательный метод. А вот если я пришел с лопатой, а мне нужно увидеть инфузорию туфельку, то это не

получится. И в то же время микроскоп – плохой инструмент для забивания гвоздей. Метод есть логическое развертывание содержания. У каждой науки в этом смысле свой метод. Не в том смысле, что она не использует всеобщие категории. Использует. Но если вы какой-либо предмет изучаете, то вам нужно пойти за движением этого предмета. Именно за движением, а не за мертвечиной. Это трудно сделать, но не невозможно.

На одной из лекций по философии истории я спросил историков-пятикурсников: «Что вы изучаете?» А они мне отвечают: «Мы изучаем то, что было». Выходит, – говорю я – вы изучаете то, чего нет. И кому нужны люди, которые изучают то, чего нет? Диалектически истинно же будет сказать, что мы изучаем современность как результат предшествующего развития человечества. Если мы рассматриваем современность как продукт предшествующего исторического развития, оно живое, оно в нас. Вся история человечества в нас есть. Надо, чтобы мы изучали исторические моменты как живые. А для этого надо осознать форму внутреннего самодвижения исторического содержания. Собственно изложение есть форма. Если я правильно опишу только одну сторону живого противоречия, это будет мертвечина. Если только равенство с собой – мертвечина. Если только неравенство с собой – тоже мертвечина. Если мы не будем осуществлять диалектическое требование рассматривать движение содержания в единстве и борьбе его противоположных сторон, то не сможем решить задачи, которые возлагаются на историка и любого другого обществоведа. Посему нам очень важно изучать диалектический метод, и я по мере сил, именно потому, что этот метод сложно изучать, на его применении буду останавливаться.

С диалектической точки зрения время и пространство – это характеристики изменяющейся материи. Нет отдельного от материи времени, нет отдельного от материи пространства, есть только материя. Материя изменяется, и ее неравенство с собой

выражает категория времени. А равенство материи с собой, протяженность, выражается категорией пространства.

Итак, материя изменяется. А религиозные люди настаивают на том, что бог не изменяется. Поскольку бог – это фантастический образ, придуманный людьми на ранних этапах осознания земной жизни, то можно его считать и неизменным. Для фантазий пределов нет. По определению религия – это фантастическое отражение имеющегося мира. И если человек говорит, что не хочет постигать научное знание, а желает просто верить, то как тогда можно с ним спорить? В науке догматизм осуждается, а в религии сплошь догматы, и отход от них осуждается или даже карается. То есть в науке и религии прямо противоположный подход. В науке совершается движение к истине, а в религии надо просто заучить и строго придерживаться того, что содержится в святом писании. Вера в бога реакционна по отношению к науке, но в свое время переход к единобожию был большим прогрессом. Можно верить ведь не только в бога. На более ранних этапах развития человечества существовало многобожие, обожествляли солнце, ветер и другие силы природы. Но то, что является прогрессом для человеческого детства, превратилось в подавляющую человека и тормозящую развитие человечества силу.

Но формально логически опровергнуть религию, равно как и ее рафинированную и онаученную форму – абсолютный идеализм, невозможно. Дело в том, что ни одну философскую систему доказать формально логически невозможно. То есть приходится выбирать – быть материалистом или идеалистом. С точки зрения материалистов бога нет, а с точки зрения идеалистов бог есть. Вот Гегель – он идеалист. Ленин писал в «Философских тетрадах», что умный идеалист лучше глупого материалиста. Если вы возьмете не философскую систему Гегеля в целом, а систему категорий его «Науки логики», там ничего специфически идеалистического нет, по той простой причине, что начинает он с бытия и лишь трактует в

дальнейшем идеалистически то, что легче поддается материалистической трактовке. Система категорий «Науки логики» остается той же самой, независимо от того, толкуете вы ее идеалистически или истолковываете материалистически. И все же примечательно, что система диалектики, осознанная Гегелем и выраженная в понятиях, начинается с бытия, а не с идеи. Ленин в своем конспекте «Науки логики» по поводу мысли Гегеля о том, что «то, что есть первое в науке, должно было оказаться и исторически первым», заметил: «Звучит весьма материалистично!»

Материя изменяется и все время остается материей. Она причина самой себя. Когда мы берем конкретные материальные вещи или явления, мы ищем их причины. Но когда берем первопричину всего, то ее причину искать нет нужды, материя причина самой себя, она вечна и бесконечна. Человек есть высшая форма развития материи, это такая материя, которая обладает сознанием, то есть свойством отражать материю. Материя познаваема. При этом возможность познания абсолютна, а результат человеческого познания, хотя и содержит в себе абсолютные истины, в целом относителен. Научная картина материального мира еще и потому всегда неполна, что мир все время изменяется. Если бы на сегодня мы имели полную картину мира, то все равно уже через мгновение в мире появилось бы то, что не отражено нашим познанием, что мы еще не знаем. При этом в процессе познания мы сущность материального мира познаем все глубже и глубже.

Первое систематическое изложение диалектики, которое остается единственным и непревзойденным, дал Гегель двести лет назад – в 1812 году. Более чем через 2 тысячи лет после возникновения философии. За это время было накоплено немало философских знаний. Но многочисленные разрозненные знания еще не дают науки. Наука – это система знаний или знания, приведенные в систему. Философия стала наукой не сразу. Любовь

к мудрости, как буквально переводится слово философия, – это одно дело, а наука – другое. И вот действительно научную систему диалектической логики создал Гегель. Его прямой предшественник Иммануил Кант поставил великие философские вопросы, но разрешил их Гегель. И он очень просто разделался с вроде бы непостижимой кантовской вещью в себе. Если это такая выдаваемая за изысканную вещь, о которой ничего узнать нельзя, значит, это пустая неживая абстракция. Недаром Энгельс советовал учить диалектику не по Канту, а по Гегелю. Хотя кантовская философия – это необходимый этап в движении к системе диалектической логики. Не было бы Канта, не было бы Гегеля. Так и в других науках. Вот ньютоновская физика – это научная система, соединившая в стройное целое накопленные до Ньютона физические знания. А более высокой научной системой явилась физика Эйнштейна, и лучшей систематизации в физике пока нет.

Итак, наука – это система знаний, или знания, приведенные в систему. То есть если вы собираете всякие медицинские сведения, такое-то лекарство принять, если голова болит, это от горла, это от насморка, перцовый пластырь сюда приложить, если заболит поясница и так далее, это что будет наука? Нет. А ведь есть народные целители. Они на самом деле целители, ну не все, конечно, некоторые жулики, которые только называются так, но деньги собирают исправно. Есть действительно люди, которые накопили какой-то опыт, какие-то знания, набор сведений, и соответственно лечат. А рецепты сейчас сыплются, как из рога изобилия. И заметьте: мелким шрифтом указывают: есть противопоказания, причем нередко страшные противопоказания. Но в целом современная медицина достигла очень больших высот. Про медицину своего времени Гегель писал, что медицина – не наука. Некоторые могли понять это как оскорбление медицины. А он говорил, что медицина – это настолько сложный предмет, что пока не удалось систематизировать знания. Не удалось, хотя для

менее сложных предметов: математики и физики знания об их предметах были систематизированы.

А что такое система знаний? Это знания, приведенные в систему, в которой есть начало и результат, причем результат есть развернутое начало. Естественно, начинать надо с простого и идти к более сложному. И мы начнем с относительно простого – с материи и форм ее движения.

СОЦИАЛЬНАЯ ФОРМА ДВИЖЕНИЯ МАТЕРИИ

Начнем с простого. То единое, что есть, как называется? На этот вопрос разные философы отвечают по-разному.

Гегель считал, что то единое, что есть – это абсолютная идея. Ничего нет, кроме абсолютной идеи, все что есть, – это только формы ее проявления. И вот эта абсолютная идея, противореча сама себе, сама себе противопоставляясь, развивается в материю. Материя развивается в свою высшую форму – человека. Эта высшая форма материи, обладающая сознанием, познает материю, а через материю познает и абсолютную идею. Тем самым абсолютная идея приходит сама к себе. Эта философская система называется системой объективного идеализма.

Другие философы говорят: все что есть – это мои ощущения, ведь все, что я получаю, я получаю через свои органы чувств и могу поэтому считать, что есть только я и мои ощущения. А вы? Вас нет. То есть вы есть только как мои ощущения. Это система субъективного идеализма. Субъективный идеализм в такой самой острой и строгой форме называется *солипсизмом*. В силу своей экстравагантности эта система субъективного идеализма широкого распространения не получила. Наиболее последовательно её излагал епископ Беркли. Если встать на ту позицию, что ничего нет, кроме моих ощущений, то логически ее опровергнуть невозможно. Вы будете меня опровергать, а я буду говорить, что и вы, и все ваши опровержения – это только мои ощущения. Поэтому как вы логически сможете опровергнуть солипсизм? Никак.

Последовательно проведенный объективный идеализм, гегелевский прежде всего, будил мысль тех, кто его изучал, и

прямо подводил к тому, чтобы через его усовершенствование прийти к материализму, взяв ядро гегелевской философии и отбросив ненужную предпосылку об абсолютной идее. Согласно Фейербаху, Марксу и Энгельсу, *то единое, что есть, – это материя*, которая развилась до человека, человек познает материю и тем самым материя приходит сама к себе. Отбрасывается идея, что получаем? Получаем систему материализма. И если сохраняем диалектику, получаем систему диалектического материализма.

Есть только материя со своими свойствами. Материя вся обладает свойством отражения. И вот человек как высшая форма развития материи, обладающая сознанием как свойством высокоорганизованной материи, отражает материю в развитой форме и проверяет практикой, правильно ли он ее отражает, поскольку у него есть способность сознательно преобразовывать материю с помощью труда.

Материализм рациональней объективного идеализма и наиболее пригоден для всех практических нужд. Все те научные задачи, которые решаются в рамках системы объективного идеализма, решаются и в рамках системы диалектического материализма без посредства пресловутой самой себя порождающей абсолютной идеи. Вот почему содержание «Науки логики» Гегеля, двухсотлетие выхода в свет которой исполняется в 2012 году, вполне может быть истолковано материалистически, одновременно благодаря и вопреки ее гениальному автору. Ну, а с точки зрения практической, все естествоиспытатели стихийно придерживаются материалистической точки зрения, и, что бы они ни заявляли, в своих исследованиях они материалисты.

То есть система материализма обобщает историческую практику человеческого познания и преобразования материи и есть ее выражение. Но формально логически, если кто-нибудь встанет на такую позицию, что все есть выражение абсолютной идеи, его не опровергнуть. Что же касается философского знания, то оно

прирастало и за счет исследований философов-материалистов, и за счет разработок философов-идеалистов.

В том определении материи, которое дано, а именно *материя – это то единое, что есть*, содержится мысль не только о бытии. Тут больше сказано: то *единое*, что есть. Ведь есть бытие объектов, а есть бытие мысли. Но *мысли принадлежат сознанию как свойству высокоорганизованной материи*, относятся к отражению материи самой материей и поэтому за пределы материи не выходят, которая есть то *единое*, что есть. Мысли у нас, конечно, есть, но это не значит, что мысли материальны и являются частями или элементами материи. Хотя в истории философии такая точка зрения тоже имела место. Были такие философы Бюхнер, Фогт и Молешотт, которые считали, что мозг вырабатывает мысль, как печень желчь, что и мысли тоже материальны. Выходит, плохие мысли – это плохая материя, хорошие мысли – хорошая материя. Но последовательный материализм стоит на том, что идеи и мысли сами по себе не есть материя. *То единое, что есть, – это материя, кроме материи ничего нет. А сознание есть только свойство высокоорганизованной материи.* Свойство. Свойство есть, но оно есть не рядом с высокоорганизованной материей, а есть лишь как ее свойство. Точно так же, как наши рост и вес не рядом с нами, а наши характеристики. Они не существуют рядом с нами, не находятся рядом с нами. Материю надо рассматривать как то единое, что есть. А вот материя сама может иметь и имеет различные атрибуты или свойства. И сознание – одно из свойств материи, один из ее атрибутов, и то не всей материи, а лишь высокоорганизованной. Вся материя обладает свойством отражения, а наиболее развитая часть материи, которая называется человеком, обладает таким свойством, которое называется сознанием. Сознание есть свойство высокоорганизованной материи.

При таком понимании нет никакого удвоения или раздвоения материи. *Материя едина, а идеи и мысли суть характеристики той части материи, которая называется человеком. Человек же определяется как животное общественное, трудящееся, говорящее и разумное.*

Определенностью человека, которая выделяет его из всего животного мира, можно считать наличие у него мочки на ушах. Но неправильно было бы эту определенность посчитать за определение человека, хотя и нет больше таких животных, у которых есть мочка на ушах. Наличие мочки на ушах – это отличительный признак человека. Но, лишившись по каким-либо причинам этого признака, вы не перестанете быть человеком. Согласно Гегелю, человек – это мыслящий разум, а Энгельс развил это определение, показав, что *человек – это животное общественное, трудящееся, говорящее и разумное.*

Гегель в своей «Феноменологии духа» показал, что есть три формы постижения мира:

Первая – религиозная. То есть постижение в фантастической форме. То, что люди видят на земле, фантастически изображают находящимся на небе. Выдающихся служителей церкви называют преподобными. Однако если А подобно Б, то Б подобно А. Поэтому можно считать, что фантастические фигуры тех, кто якобы обитает на небе, подобны тем, кто обитает на земле. И они удивительно похожи, то есть преподобны. Кстати, инопланетян тоже рисуют похожими на людей. То есть фантастические образы близки к прообразам, поэтому можно говорить о религиозном постижении мира. У церкви – догматы. Это в науке догматики осуждаются. А в религии осуждаются еретики. Если вы догматы не признаете, вас могут изгнать, а то и сжечь. Вот Джордано Бруно разошелся с догматами церкви, стал утверждать, что Земля не стоит в центре мироздания, а вращается вокруг Солнца, и его сожгли.

Вторая форма постижения мира – это постижение в образах, то есть художественное постижение мира. Вот вы пошли в филармонию, и вас буквально потрясло. Потрясающий был концерт, породивший бурю чувств. А какие у вас мысли были? У каждого свои, у всех разные, возможно, даже не связанные никак с художественной программой исполняемого произведения. Музыка навеивает грусть или веселье безо всяких слов. Но если даже мы возьмем театр или художественную литературу, где слова присутствуют в изобилии, их значение и смысл лишь в том, чтобы передать художественный образ, создать настроение, впечатление, воздействовать на чувства людей.

И, наконец, *высшая форма постижения мира – это научное познание, то есть постижение в понятиях. Понять – значит выразить в понятиях.* Если я выразил какое-то содержание в понятиях, значит, я могу это свое понимание вам передать. Если вы восприняли это в понятиях, вы можете другому передать. А если в понятиях содержание мы не выразили, а просто заверяем друг друга: «Ты ж понимаешь!», то никто ничего никому не может передать. И я вам не передам, и вы никому не передадите. Понять – это значит выразить в человеческой форме, сформулировать в понятиях то, что мы хотим постигнуть.

Это очень важная формулировка – *понять значит выразить в понятиях.* Не тривиальная. Мы должны рассматривать слова как средство для выражения действительного. Поэтому нужно не просто повторять или заучивать слова, а осознавать их смысл. Попугай может повторить сказанное человеком, но смысла сказанного он не понимает.

Мы говорим, что человек есть общественное животное. Чтобы понять это высказывание, надо знать, что такое жизнь, что такое животное и что такое общество. Этого попугай не скажет. *Жизнь – это способ существования белковых тел, осуществляющих и регулирующих обмен веществ с природой.* Животные, в отличие

от растений, не могут путем фотосинтеза создавать белки из неорганических материалов, они перерабатывают одни белки в другие – более высокого уровня. Человек же отличается от других животных тем, что он в процессе коллективного труда, путем целесообразной деятельности не инстинктивно, а сознательно преобразует обстоятельства своей жизни и на этой основе и самого себя. ***Общество – это люди вместе с их отношениями.***

Отношения между людьми складываются прежде всего в ходе трудовой деятельности. Человек есть животное трудящееся. Чтобы понять смысл этого высказывания, надо знать, что такое труд. ***Труд – это целесообразная деятельность по созданию материальных благ, это обмен веществ между человеком и природой, в ходе которого человек приспособляет вещество природы для удовлетворения своих потребностей.***

В ходе совместного коллективного труда появилась потребность с помощью звуковых сигналов побудить друг друга к определенным согласованным действиям, возник и развился язык. Поэтому можно сказать, что человек – это говорящее животное.

Наконец, слова – это только форма выражения мыслей, которые люди сообщают друг другу и совместно в понятиях постигают мир, становясь тем самым разумными животными. Человек, говорил Гегель, – это мыслящий разум.

Попугай тоже может произнести слова: человек есть животное общественное, трудящееся, говорящее и разумное. Это он может повторить сколько угодно раз. Но он не скажет ни что такое труд, ни что такое речь, ни что такое общество, ни что такое разум.

Мы должны двигаться от простого к сложному. Сейчас мы для себя должны зафиксировать, что такое материя. Материя – это то единое, что есть. Мысли тоже есть, но нельзя сваливать в кучу мысли и вещи. То единое, что есть, это материя, а вот уже материя обладает таким свойством, которое называется сознанием. Сознание соотносится с материей как ее свойство. Энгельс писал,

что единство мира в его материальности. Всякое иное бытие не самостоятельно, а является атрибутом материи. *Есть только материя с ее атрибутами, с ее свойствами, и больше ничего нет.* Больше ничего. Только материя. Например, душа не является материальной. Душа – это характеристика сознания, а сознание, в свою очередь, – это свойство высокоорганизованной материи отражать материю. Душа – это не строго научное понятие. Можно сказать, что я душой, а можно сказать сердцем, что-либо принимаю или не принимаю. Если что-то нам нравится, мы говорим, что это нам по душе, то есть соответствует нашему душевному состоянию. Когда человек сильно испугался, говорят, что душа в пятки ушла. В истории были попытки рассматривать душу как нечто материальное и даже попытки определить вес души, взвесив умирающего человека непосредственно перед смертью, затем сразу после смерти и отняв от первой величины вторую, поскольку умерших, согласно религиозному учению, души покидают. Но душа не материальна, будучи характеристикой сознания, которое само по себе тоже не материально, а есть лишь свойство высокоорганизованной материи. Нельзя сказать что сознание, мысль материальны. Мысль – это характеристика сознания.

Одни категории непосредственно характеризуют бытие материи, а другие непосредственно характеризуют сознание как свойство высокоорганизованной материи. Характеристики сознания сами по себе не материальны, но они не существуют в отрыве от материи. Возьмем любовь и ненависть. Это реакция человека на других людей. Одних я люблю, других ненавижу. Это моя реакция. Я как материя реагирую. Один ненаглядный, я на него никак не могу наглядеться, другого ненавижу, то есть даже видеть не хочу. А слова очень близкие, отражающие тот факт, что от любви до ненависти один шаг.

А вот Бюхнер, Фогт и Молешотт, как выше было отмечено, считали сами мысли материальными, только они якобы мозгом

вырабатываются. На самом деле *мысли – это форма отражения материи материей же, но высокоорганизованной. Это реакция высокоорганизованной материи на другие материальные объекты.* Причем свойством отражения обладает вся материя. Бросьте мячик в стенку, и мячик отскочит, стенка среагирует и отразит его. Одна армия отражает нападение другой, одна страна отражает агрессию другой и т.д.

Так что материя – это то единое, что есть. Усвоив эту категорию в ее абстрактном виде, мы можем теперь переходить к уровням и формам ее организации. Существуют разные уровни ее организации и, соответственно, разные формы. Но прежде, чем мы перейдем к этим уровням организации материи, мы должны подчеркнуть, что *материя есть только как движущаяся. Недвижущейся материи нет.* Хотя мы почти не замечаем, что Земля не только вращается, но и несется по орбите вокруг Солнца, что во всем живом идут процессы обмена веществ, все время что-то возникает и исчезает, изменяется, развивается и так далее. Вся материя находится в движении. Человек, например, пока живет, не может не моргать, не может не дышать, не может не двигаться. Попробуйте долго не моргать. Что будет? Слезы потекут. А если человек десять минут не дышит, что будет с ним? Никто так еще не покончил с собой, начинается такое движение в организме, которое буквально вынуждает организм вздохнуть.

Никакой другой материи, кроме движущейся, нет. Материя постоянно преобразует себя, существует лишь как движущаяся, а *движение – это способ существования материи.* Различают следующие формы движения материи и соответственно уровни ее организации. Это:

- а) механическое движение как движение тел;
- б) физическое движение как движение на атомном и субатомном уровне, движение полей;

в) химическое движение как движение на молекулярном уровне;

г) биологическое движение и соответственно биологический уровень организации материи, и, наконец,

д) социальная форма движения материи и социальный уровень ее организации.

Что такое общество? Надо взять людей вместе с их отношениями, тогда получим общество. *Отношения, в которые люди вступают друг с другом в процессе своей жизни, называются общественными отношениями.* Для общества употребляется еще слово социум, и общественные отношения соответственно называют социальными. Неправильно будет сказать: «социальные и экономические отношения», поскольку экономические отношения – это тоже социальные, но не все социальные отношения являются экономическими. Экономические, то есть производственные отношения – это часть социальных отношений. В социальные отношения входят еще политические, юридические и другие. Точно так же логически неправильно будет сказать: «яблоки и фрукты», правильно сказать яблоки и другие фрукты. К сожалению, в литературе сплошь и рядом пишут: «экономические и социальные отношения». Были даже планы экономического и социального развития. Как это может быть? Разве «экономическое» – это не социальное? Экономические – это основные социальные отношения, поскольку экономика – основа общества. Правильно будет сказать: экономические и другие социальные отношения, иначе получается нелепость.

Более высокие, более сложные формы движения материи включают в себя более низкие, более простые. Общество состоит из людей. Человек, будучи социальным существом, не перестал быть биологическим организмом, в его организме идут химические и физические процессы и его движение как физического тела

подчиняется законом механики. Нередко можно встретить утверждение, что человек – биосоциальное существо. **Человек, будучи социальным существом, в то же время является и биологическим, но сущность его социальная.** Он относится к высшей форме движения и организации материи, и если перечислять все более низкие формы движения и организации материи, человека можно было бы изобразить социо-био-химико-физико-механическим существом, но в таком нелепом изображении нет нужды, поскольку высшая форма движения и организации материи, как матрешка, включает в себя все более низкие. Поэтому достаточно сказать, что человек – существо социальное. Все остальное включается в понятие человека. Человек, будучи социальным существом, есть, конечно, при этом и животное, это ясно. Но что хотят сказать те, кто хочет еще раз подчеркнуть, что мы животные? Это уже оскорбительно звучит. Что значит человек – биосоциальное существо? Мы думали социальное, а его опять вниз, вниз – животное. Топтать его. Ишь он какой, выскочил из животного мира. Да он не только био, он химио. А еще ему надо напомнить, чтобы не задавался, что он физико и даже механико, вот так его надо опустить. Точное и строгое употребление понятий – это принципиальный момент в достижении истины.

Подведем итог рассмотренному. Материя – это то единое, что есть. Она имеет разные уровни организации: механический, физический, химический, биологический и социальный. И каждому уровню соответствует своя форма движения. Есть механическое движение, есть физическое движение. Есть движение химическое. Есть биологическое. И есть движение социальное. Общество находится в движении, изменяется, развивается.

Высшую форму развития материи характеризует наличие сознания. Можно говорить об общественном сознании, а не только о мышлении или сознании отдельного человека. **В общественное сознание входят мысли всех членов общества.** Процесс

становления индивидуального сознания включает в себя и освоение мыслей и форм общественного сознания. Генетически они в отдельном человеке не заключены. Предпосылки для усвоения духовного богатства, накопленного человечеством, передаются генетически, но само **духовное богатство передается исключительно общественным путем**. История знает немало примеров, когда маленькие дети попадали к зверям, и если они так просуществуют до пяти лет, то людьми они уже стать не могут. Пропущен начальный период освоения элементов общественного сознания, без которого человеком стать нельзя. Иногда говорят по отношению к отдельным людям о процессе социализации. Причем говорят про взрослых людей. А что, до этого они разве не были людьми? Социализация начинается с грудного возраста, с рождения. Ведь в обществе родился ребенок? В обществе. Что значит потом идет процесс социализации? Вот он и идет с самого начала, поскольку человек рождается как член общества, в социуме. И не случайно государство с момента регистрации ребенка относится к нему, как к гражданину.

В отношении вообще материи и сознания ясно, что первична материя, а сознание вторично. Именно так решают материалисты так называемый основной вопрос философии о соотношении материи и сознания – что первично, что вторично. Однако общественное сознание – это особая сфера и она получает известную независимость от отдельного человека. С одной стороны, она от людей зависит, причем не только от живущих ныне, но и от всех, кто внес вклад в ее становление и развитие. С другой стороны, по отношению ко всякому человеку, вновь приходящему в мир, общественное сознание выступает больше как определяющее, чем как определяемое. **Духовная культура общества – это духовные богатства, накопленные им за всю свою историю**. Культура общества включает культуру и духовную, и материальную. Получается, что новые поколения приходят в мир,

который создан предыдущими поколениями, и получают в наследство от них производительные силы и другие **богатства, материальные и духовные, объединяемые понятием «культура»**. То есть мы приходим в тот мир, который создан другими людьми, мы на него влияем своим трудом и другими своими действиями, преобразовываем его и таким образом образуется связь в человеческой истории. И в этой связи поколений мы присутствуем в качестве живых, а все предшествующие поколения – в своих деяниях, материальных и духовных. И в этом смысле человечество бесконечно и вечно, а каждый отдельный человек бесконечен и вечен в результатах своих деяний. В том, что мы делаем для общества, и состоит наша вечность. Именно поэтому **людей исторически оценивают по тому, что они сделали**. Что сделаем, то и останется, а что не сделаем, то, естественно, и не останется.

Как мы уже отмечали, **в плане общего соотношения материи и сознания материалисты отвечают на основной вопрос философии о соотношении бытия и сознания таким образом, что материя, бытие первично, а сознание вторично**. А как в отношении общественного бытия и общественного сознания? Сначала надо разобраться, что такое общественное бытие? **Под общественным бытием понимается материальное производство**. Материальное производство в широком смысле – это производство действительной жизни и включает в себя как производство людей, так и производство вещей. На ранних этапах человеческой истории решающим было производство людей и связанные с ним кровнородственные отношения. В дальнейшем, как показано в замечательной работе Ф.Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», решающую роль стало играть производство материальных благ.

Общественное бытие – это материальное производство. В узком смысле это производство материальных благ. К.Маркс определял его как **процесс присвоения предметов природы в**

рамках определенной формы общества и посредством нее.

Процесс – это изменяющееся во времени явление, когда мы говорим о процессах, время здесь обязательно присутствует.

Присвоение – это превращение в свою жизнедеятельность.

Форма общества – это система общественных отношений. Не следует такое сложное понятие, как производство, путать с довольно элементарным понятием труда, который есть целесообразная деятельность по обмену веществ между человеком и природой, в ходе которой человек приспособляет вещество природы для удовлетворения своих потребностей. Это определение труда в политико-экономическом смысле. В широком смысле любая общественно полезная деятельность есть труд. Но можно ли объявить труд производством? Понятие производства не сводится только к труду. В отдельные периоды производство может идти и без приложения труда, как, например, производство озимых в период от окончания посева, осенью, и до уборки в следующем году. Если озимые посеяны и не погибли во время суровой зимы, они растут, и производство озимых совершается в течение длительного периода без приложения труда. Почему урожай озимых больше чем яровых? Потому, что и зимой идет процесс производства зерна. То же и в производстве вина. Как делают вино? Изготовили сусло виноградное, залили в бочки дубовые и поставили выдерживать в погреба. И ценится выше вино большей выдержки, у которого период вызревания практически без применения труда, когда оно выдерживалось в погребах, был дольше. Да и люди проявили большую выдержку, не притронувшись к вину в течение стольких лет. Поэтому не будем отождествлять время производства и время труда. Отсюда уже ясно, что труд и производство – это не тождественные понятия. А еще более важное отличие в том, что труд отвлекается от общественной формы производства, тогда как для понятия производства форма общественных отношений существенна.

Производство есть процесс присвоения предметов природы в рамках определенной формы общества и посредством нее. Остановимся на понятии присвоения. Как выше было определено, присвоение – это превращение в процесс своей жизнедеятельности. Понятие присвоения очень важное, потому что оно связано не только с обыденными вещами: взял да и присвоил что-нибудь. Скажем, приватизация, это что такое? Это присвоение. Чего? Государственной собственности. Присвоение отдельными физическими или юридическими лицами государственной собственности. Если государственная собственность является формой общественной собственности, как при социализме, то приватизация означает уничтожение общественной собственности и переход к частной. Если же приватизация идет при капитализме, то какие-то объекты, находившиеся в общей собственности класса капиталистов, передаются из частной собственности класса капиталистов в частную собственность отдельных фирм или лиц.

Категория присвоения позволяет установить связь производства и собственности, поскольку ***собственность определяется как отношение субъекта к объективным условиям производства как к своим*** и тоже является присвоением, но не ограничивается присвоением через производство, производственные отношения составляют экономическое содержание собственности.

Итак, ***производство есть процесс присвоения предметов природы в рамках определенной формы общества и посредством нее.*** А какие бывают формы общества? Для ответа на этот вопрос нам надо остановиться на целом ряде экономических понятий, без которых мы социальное бытие разобрать не можем. Это прежде всего понятие способа производства.

Способ производства – это единство производительных сил и производственных отношений, характеризующееся определенным типом производственных отношений. Обратим

внимание на как бы неравноправность производительных сил и производственных отношений. Производительные силы абсолютно подвижны, динамичны. А производственные отношения, изменяясь, могут более или менее сохранять свое качество, свою форму долгое время, не меняясь в корне, не меняясь по существу. И вот это единство двух составляющих способа производства – производительных сил и производственных отношений, – характеризуется именно формой производственных отношений, типом производственных отношений.

Производственные отношения – это объективно необходимые, от воли людей не зависящие отношения, в которые люди вступают, чтобы производить. А что такое производительные силы? **Главной производительной силой является рабочий, трудящийся.** Непосредственные производители материальных благ – это активная производительная сила. Если рабочий не приведет в движение станки, машины, оборудование и т.п., то есть средства производства, производство совершаться не будет. Выше мы отмечали, что какое-то время производство может совершаться и без приложения труда, но вообще без труда производство совершаться не может. Рабочий – это субъективный фактор производства, а средства производства – объективный.

Средства производства на начальных этапах развития человечества выступали как орудия труда, такие, как каменные ножи, луки, стрелы и т.п., ну, а в дальнейшем появились механизмы, затем были изобретены машины, которые состоят из многих механизмов и какого-то устройства, которое приводит их в движение. Орудия, инструменты, механизмы, машины, то есть **средства труда, – это активные средства производства.** К пассивным средствам производства относятся прежде всего **предметы труда, то есть материалы, из которых изготавливаются продукты труда.** Например, ткани, из которых

шьют платье, – это предмет труда, тогда как швейные машины – это средства труда. К пассивным средствам производства относятся здания, сооружения, мосты, дороги и т.п., то есть производственная инфраструктура. Железная дорога – это пассивное средство производства, а поезда, которые по ней ходят – это активные средства производства.

Таким образом, мы определили все необходимые составляющие производительных сил, и вот, когда в рамках и посредством определенных производственных отношений соединяются рабочие со средствами производства, совершается производство.

Всего наукой обнаружено **пять типов производственных отношений и соответственно пять способов производства.**

Десятки тысяч лет человечество прожило при первобытнообщинном коммунизме, основанном на первобытнообщинном коммунистическом способе производства. Почему говорится «коммунистический»? Коммунистический – от какого слова? От латинского слова коммунис. Что означает коммунис? **Коммунис значит общий. Общие средства производства, общий труд и общий продукт, который потом распределяется сообща. Вот, что такое коммунизм.** Больше ничего в понятии «коммунизм» так таковым не содержится. Кому-то это может нравиться, кому-то – не нравиться, но это просто факт, коммунис. Тем более, что производные от этого слова, такие как коммунальное хозяйство, коммунальные платежи, коммунальщики, имеющиеся в языке, отражают явления, существующие и при капитализме, и они говорят о том, что, кроме того, что вы имеете, например, приватизированную квартиру, есть какие-то общие нужды, которые нужно удовлетворять сообща, хотите вы этого или не хотите. Даже если у всех квартиры приватизированы, остаются подвалы, в которых нежелательно, чтобы крысы бегали, крыша, которая лучше бы не текла, лестница,

которую, не дай бог, кто-нибудь приватизирует, натянет веревочку и будет брать деньги с жильцов за проход через его лестницу к их квартирам. Спрашивается, кто будет общей, неприватизированной частью управлять? Законом предложили жильцам дома на собрании выбрать: или сами будете управлять сообществом, или создадите товарищество собственников жилья (ТСЖ), или наймете управляющую компанию. Как вы думаете, управляющая компания из-за любви к жильцам стала управлять или из любви к деньгам, которые хочет из жильцов выжать? Короче говоря, управляющие компании эту любовь уже реализуют на практике в трогательном единстве с государством, которое постоянно повышает тарифы на услуги жилищно-коммунального хозяйства. Причем все время идут ссылки на рост затрат. Хотя тот, кто экономическую сторону немножко знает, легко ответит на вопрос, затраты у нас растут или падают? Затраты чего имеются в виду, что имеется в виду, когда говорят о затратах? Не о бумажках же идет речь. Бумажки всегда можно напечатать в большом количестве. Что имеется в виду под затратами? Под затратами имеются в виду затраты труда. Скажите пожалуйста, с развитием человечества затраты труда на единицу продукции падают или увеличиваются? Быстрее сейчас ткнут, чем триста лет назад? Хлеб быстрее убирают комбайнами, чем когда убирали серпами? Быстрее? Вообще ***все развитие производительных сил человечества к чему сводится? Оно сводится к развитию производительной силы труда.*** Это всем известно, даже тем, кто не делает вытекающих отсюда выводов.

Таким образом, совершенствование средств производства и умелости рабочих приводит к развитию производительной силы труда, что выражается в росте производительности труда. ***А в чем выражается рост производительности труда? В том, что одно и то же количество продукции, той же самой, делается за меньшее время.*** Следовательно, в единице продукции содержится все меньше и меньше затрат труда. Так? Это что закон

первобытнообщинного строя, рабовладения, феодализма, капитализма, коммунизма или это всеобщий социологический закон? Он действует лишь при этом или том президенте, или он действует всегда? Всегда действует. Поэтому **общая тенденция какая? К постоянному и неуклонному снижению затрат труда на производство продукции.** Когда капитализм был капитализм свободной конкуренции, то есть когда рынок регулировал его, параллельно со снижением затрат снижались и цены. Сейчас некоторые тоже говорят, что рынок регулирует, но нельзя им верить, мы же видим, кто регулирует. Какой рынок? Пусть попробует бабушка продать семечки дешевле, чем положено, тут сразу ей объяснят, что если ты, бабушка, хочешь чтобы у тебя внук остался живым, то ниже такой-то величины цену не ставь. Капитализм еще в начале XX века перешел в монополистическую стадию своего развития, характеризующуюся монополистическим регулированием цен в интересах монополий. Цветочки вы можете купить по цене ниже, чем установили монополизировавшие их продажу в Петербурге голландские монополии? Однажды совхоз «Детскосельский» (теперь он ОАО или ЗАО) привез цветы в два раза дешевле, но его быстро вытеснили и опять продают те же самые голландские цветы по единой для всех пунктов продажи цене. У нас какой сейчас капитализм? Капитализм свободной конкуренции или монополистический? Монополистический. Если мне надо с вас деньги взять, я с вас их возьму. А для этого я вам объясню: на все выросли затраты. Давайте деньги. Вот и вся музыка. Причем с легкой руки английского экономиста Джона Мейнарда Кейнса введена практика государственно-монополистического регулирования, включающая постоянное понижение курса денежной единицы, обеспечивающая постоянную **инфляцию, то есть повышение цен на все товары, кроме товара рабочая сила.** Монополии же выигрывают и за счет снижения затрат труда под воздействием научно-технического прогресса,

узурпируя его результаты, и за счет повышения цен, то есть понижения жизненного уровня потребителей.

Причем повышение цен и тарифов прикрывается разговорами про нововведения и модернизацию, которые должны состоять, как известно, в первую очередь в снижении затрат. Может, у нас действительно «постиндустриальное» общество, то есть промышленность разрушена, и мы переходим к изготовлению продуктов вручную? А может «информационное» общество, то есть информации о нововведениях много, а снижения затрат нет. Вот это уж действительно нововведение: вопреки общесоциологическому закону понижения затрат с ростом производительной силы общества достигнуто повышение затрат. Вот уж, действительно, не видано, не слыхано. Это пример того, когда ходячие представления, усиленно навязываемые обывателю, в корне расходятся с научной истиной, с фактами действительной жизни. Сказки про то, что за несколько лет в несколько раз выросли расходы на услуги ЖКХ, прикрывают сказочный рост доходов в этой сфере.

В других сферах такая же картина. В период кризиса, начавшегося в 2008 году, сколько слез пролили наши миллиардеры и те, кто ими собрался стать, о том, как им в кризис было тяжело, а по итогам кризиса число долларовых миллиардеров в России увеличилось вдвое, выросли и богатства самых богатых. Долларовый миллиардер Лисин, который до кризиса имел 18 миллиардов долларов, после кризиса стал обладателем 24. А писали: «Время тяжелое, подтяните животы», потому что, как оказалось, не хватает на покупку островов. Вот и Сбербанк бодро доложил, что возвращается к докризисной практике выплаты ежемесячных бонусов членам правления по несколько миллионов рублей каждому. Газета деловых людей «Коммерсантъ» сообщала, что в 2008 году каждый из двадцати членов правления Сбербанка получал ежемесячно зарплаты и бонусов по 3 миллиона 700 тыс.

рублей (каждый!). В 2009 году в правление пришлось еще троих взять, наверное, чтобы подкормились в тяжелое время, стало двадцать три члена правления Сбербанка, в который все старушки относят сбережения, и снизились выплачиваемые членам правления суммы. Каждый стал получать ежемесячно только три миллиона 400 тыс. Представляете, как эти люди плакали, как они говорили, какой тяжелый кризис. Ведь каждый из них потерял по 300 тысяч рублей в месяц!

Ничего этого не видят люди, путь которым к истине закрывает так называемый здравый смысл. Что значит «здравый смысл»? Это слепая уверенность в том, что можно обойтись без науки. Вот человек посмотрел и безо всякой науки, вместо того, чтобы изучать философию, историю и другие науки, посмотрел и все увидел – солнце встает на Востоке и идет на Запад. Ну, так что: Солнце ходит вокруг Земли или Земля вокруг Солнца? Да всякий здравый человек посмотрит и увидит – Солнце ходит вокруг Земли. Джордано Бруно стал доказывать, что наоборот, Земля вращается вокруг Солнца. Сторонники здравого смысла повели его на костер и сожгли. Сейчас вроде церковь извиняется за это. Вас сожгут, а потом через двести или четыреста лет будут извиняться и вам как-то приятно будет, если на небо улетела ваша душа. Почему в серьезных, глубоких вопросах нельзя руководствоваться так называемым здравым смыслом, базирующимся на некритическом восприятии остатков умерших философских систем или обрывках университетских курсов. Потому, что истина непосредственно не дана, и чтобы проникнуть в сущность рассматриваемых явлений или процессов, недостаточно поверхностных наблюдений или представлений. Для этого нужна наука.

К.Марксом в «Капитале» доказано, что *с развитием средств труда и других средств производства, производительная сила труда увеличивается, и, значит, затраты труда на единицу продукции, на все продукты сокращаются*. Такова тенденция. И

это совершенно однозначно выраженная тенденция. С этим научным положением, кстати, никто и не спорит, просто до сущностного уровня рассмотрения чаще всего не доходят. Говорят: «А посмотрите, цены на нефть выросли». Потом: «на бензин выросли». А на бензин выросли потому, что на нефть цены подняли. А на бензине работают машины, которые везут хлеб. «Видите, мы ничего не можем сделать. Надо повысить цену на хлеб». И так можно накручивать бесконечно, механизм этот очень прост. Его в свое время и придумал английский экономист Джон Мейнард Кейнс. В связи с кризисом, кстати. После кризиса 1929 – 1930 годов, более мощного, чем последний. От лица буржуазной экономической науки Кейнс признал, что капитализм без кризисов существовать не может, но, чтобы они были не такими сильными, Кейнс предложил применять меры государственного регулирования, такие, как регулирование нормы процента, налоги, а также он рекомендовал для понижения реального содержания заработной платы рабочих не понижать на капиталистических предприятиях номинальную заработную плату, что будет порождать множество конфликтов, а использовать такой рычаг государственного регулирования, как инфляция. И вот с тех пор этот рычаг очень широко применяется. То есть вам выдали номинально вроде бы неплохие деньги, но затем с помощью инфляции забрали назад столько, на сколько выросли цены. Поэтому в условиях государственно-монополистического капитализма мы должны **различать динамику номинальной зарплаты и динамику ее реального содержания**. Скажем, номинальная заработная плата может время от времени повышаться, а реальное содержание ее при этом сокращается, если индекс инфляции выше, чем темп роста номинальной зарплаты. Людям говорят: «Идите, сдавайте деньги в Сбербанк, получите 7%». Целых 7%, если на целый год положите. А инфляция больше 7 процентов. Вам на ваш вклад прибавят 7%, а инфляция 9%,

например. И какой результат? Вам прибавили или с вас сняли? Что больше: 9 или 7?

Правительство, вроде бы, сокрушается: не можем, дескать, обуздать инфляцию. Однако сложилась определенная процедура организации инфляции. Делается это так. В начале года выступают представители так называемых естественных монополий (как будто естественно монополизировать народные богатства), хозяева нефтяных и газовых компаний и говорят: «О, тяжелые условия, идем все дальше, глубже зарываемся в землю. Затраты выросли несказанно. Нужно на 30% повысить цены на энергоносители – продукцию естественных монополий» Идут с этим куда? В Думу. Думцы говорят: «Да вы что, очумели. Народ нас всех разгонит. Никто не выберет. Наша партия «Единая Россия» в Думе думает о народе и не позволит вам повысить цены на 30%. Нет, только на 25%». Затем идут к Путину, он лидер «Единой России», хотя и не член партии, он просто быстро идет впереди, а они за ним не успевают, поэтому он и лидер, а заодно и автор новой политической конструкции, поскольку в случае чего не несет ответственности за ошибки пошедшей за ним партии, потому что он не член партии. В данном случае он как лидер партии говорит: «Да вы что – на 25%. Да ни за что! Только на 15%». Но у нас еще и президент есть, тоже народный заступник: «Как же это так, скоро президентские выборы, а вы хотите повысить на 15%. Нельзя на 15%». И ну давай сразу с народом совещаться, как по закону о полиции. «Мы приняли во внимание ваши мнения и в экономический прогноз запишем 8,5%», в конце концов, это же прогноз, это же не план. Прогноз можно и не выполнять. Дескать, думали, как лучше, а получилось, как всегда. Как с погодой. Думали, что будет у нас тепло, а у нас холодно. Ну, что делать. Прогноз есть прогноз. Думали, что инфляция будет 8,5%, а получается 9%, а, может, будет 10%. Дело понижения реального содержания зарплаты сделано, и вроде никто не виноват.

Чтобы разбираться в формах общества, основанных на типах производственных отношений, надо понимать, что такое собственность. Это тоже секрет из секретов. Но не так уж сложно рассекретить это дело. Что можно услышать или прочитать в плохих книжках? Собственность это, якобы, отношение по поводу вещей. Вроде бы как мы из-за какой-то вещи подрались, так вот эта драка и есть собственность. Дополняют, что собственность проявляется в пользовании, распоряжении и потреблении. Понятно, что если это моя собственность, то я ею пользуюсь. ***Что такое пользоваться? Потреблять объект собственности, извлекать из него пользу. Распоряжаться объектами собственности значит принимать решения, как их использовать. Владение – это фактическое господство над вещью.*** Если уже имеется фактическое господство над вещью, как превратить владение в собственность? Для собственности нужно не просто владение, а общественное опосредствование этого владения, общественное закрепление. Будет это – будет и собственность, а нет, то останется просто владение. На луне собственность есть? Нет. В Антарктиде пока тоже нет собственности на сплошь покрытую льдом антарктическую сушу. А владение имеет место. Есть у вас корабль? Снаряжайте корабль, высаживайтесь на лед, бурите лед, может, там чего и найдете. Если у вас бур хороший, то вы добуритесь до грунта антарктического, можете там землянку сделать и владеть ей. Короче говоря, приезжают исследователи, ставят свои приборы, делают станции, и, естественно, оборудование станций есть объект чей-то собственности, но не территория Антарктиды. Людей там пока мало и вопрос, ваш это лед или не ваш, пока не стоит. Но в перспективе может встать, тогда придется выяснять, кто первый каким участком завладел, чтобы добиться общественного признания и общественного опосредствования этого владения. Когда пришли колонизаторы в США, так собственность на землю была у этих колонизаторов? Она у индейцев была. Говорят, самая

демократическая страна. Что первое сделали будущие демократические демократы – пользуясь достижениями техники, отстреляли местное население. Второе, что сделали, – привезли негров из Африки. Причем полтора миллиона погибло при перевозке, задохнулись в трюмах. Вот говорят: «У нас демократические основы есть, глубокие». Я всегда с этим соглашаюсь, у нас такого нет. У нас к моменту, когда там отменялось рабовладение, уже крепостное право было отменено. Учитесь у демократов!!! Нас многие учат. Вот немцы приезжают: «У нас демократия». Конечно, у вас демократия, у вас традиции демократии. Вот только мы никогда не делали абажуры из человеческой кожи, у нас традиций таких нет. Сразу перестают учить. Нас все учат, русских якобы дураков, приезжают и учат. Вас не учили, что у нас плохая демократия? Сейчас говорят: «Честные выборы». А бывают честные выборы? Ну, абсолютно честные, бывают такие выборы, чтобы было все честно? Хоть одни где-нибудь были? Вот в Америке, говорят, честные. Тот кандидат в президенты, кто в свой избирательный фонд больше денег собрал, того и выбрали. Очень все честно: кто больше сдал денег, тот президентом и управляет. Это проливает свет на то, как вопросы, лежащие на поверхности, соотносятся с глубинными процессами, связанными с бытием, социальным бытием. Социальное же бытие – это производство.

Чтобы разбираться в формах производства, надо твердо знать определение собственности, к которому мы подошли. Субъектом собственности может быть кто угодно – отдельное лицо, группа людей, общество в целом, государство и т.д. ***Собственность есть отношение субъекта к объективным условиям производства как к своим.*** К объективным условиям производства отношение как к своим не может быть естественным, как к своей руке или ноге, только общественным. Вот и получается, что собственность – это общественно опосредствованное владение. А как вы думаете,

после того, как отстреляли индейцев, как создавали собственность на землю в США? Как? Сначала ставили столбики. Не заходи за столбик мой, иначе застрелю!!! И тот, кто первый выстрелил и попал, тот и становился собственником. Так осуществлялось общественное опосредствование изначально, теперь же чаще через куплю-продажу. Постепенно все уже привыкают за мои столбики или забор не заходить – и так закрепляется собственность на ранчо.

Таким образом, глубокое и точное определение собственности следующее. *Собственность – это отношение субъекта к объективным условиям производства как к своим.* Такое определение собственности дал Маркс. Пользуясь таким определением, легко определить, какая собственность общественная, а какая – частная. *Если общество – субъект собственности, то, соответственно, собственность общественная. Если часть общества является субъектом, то это частная собственность.* Часть общества. Даже если это собственность 99 процентов членов общества, то это частная собственность, а когда всего общества – это общественная. А государственная собственность в условиях капитализма? Это частная собственность класса капиталистов. Что такое государственные налоги? А куда эти налоги попадут? В общую казну класса капиталистов. И кто заказы получит из этой общей казны? Ну, те, кто туда и складывал, но прежде всего те, у кого капитал больше, те капиталисты, которые крупнее.

А если государство является государством рабочего класса, то интересы государственные как интересы наиболее передового рабочего класса являются общественными. Тогда подчинение производства этим интересам это и есть господство общества, общественно опосредствованное владение общества. Получается, что собственность государства рабочего класса есть форма общественной собственности. Отсюда вывод, что, начиная с XXII съезда КПСС, состоявшегося в 1961 году и объявившего, что

государство в СССР больше не является государством рабочего класса, государственная собственность в СССР перестала быть формой общественной. А какой она стала? Частной. Собственностью тех, кто непосредственно распоряжается этой собственностью, то есть партийно-государственной номенклатуры, которая и стала субъектом этой собственности. Ей удалось у общества собственность отнять и осталось только поделить. Большевики после Великой Октябрьской социалистической революции отняли крупную частную собственность и с помощью государства рабочего класса соединили в общественную. А в 1961 году под лозунгом перехода от государства диктатуры пролетариата к доселе нигде не виданному и науке не известному общенародному государству у общества была отнята собственность, которую затем в начале 90-х годов поделили под лозунгом приватизации. Хотя попытки превратить общественную собственность в частную были и раньше. Вот если государственный чиновник едет на черной «волге» в общественных интересах, это какая собственность? Это общественная. А если он на черной «волге» едет на рынок в своих частных интересах? Неважно, что там написано на борту «волги», что государством выделен водитель, что есть мигалка. Это все внешние факторы. А суть дела в том, что чиновник использует общественную собственность как свою частную, употребляя марксово выражение, – как свое удлиненное тело, как свое продолжение в объективности, относясь к объектам общественной собственности как к объектам своей частной. Разъясняя определение собственности, Маркс указывал на то, что применительно к объективным условиям производства вы не можете относиться к ним как к своим естественным, природным образом, подобно тому, как мы относимся к своей руке или голове. Объективные условия производства могут стать своими для какого-либо субъекта только общественным путем. Даже мои ручка, пальто или чемодан не

могут быть моими естественным, природным образом. Тем более завод не может естественным, а не общественным образом, стать моим удлинённым телом, моим продолжением в объективности. А вот собственности на голову у нас нет, потому что голова – моя собственная природным, естественным образом, без всякой категории собственности. Не является она и объективным условием производства, поэтому собственности на нее так же не может быть, как и на руку. Рука моя и так моя без всякой собственности. Ведь собственность, вдумаясь в определение собственности, в котором каждое слово имеет смысл, – это отношение субъекта не к тому, что является своим по природе, а *к объективным условиям производства*.

Подчеркнем, что собственность есть отношение к объективным условиям производства, а не просто неизвестно к каким вещам, тем более не к идеям, не к мыслям. Другое дело, что при капитализме все продается. Поэтому и к идеям относятся как к объекту купли-продажи. Но на самом деле большая разница между идеей и объективными условиями производства. Если я какую-нибудь вещь вам отдал, у меня теперь ее не будет. А если я вам определение собственности дал, оно что исчезло у меня из головы? Расстаюсь я с этой идеей, когда я вам ее передаю? А как же интеллектуальная собственность? Да вот так – нет интеллектуальной собственности, но оформить ее можно. Это называется иррациональная форма. Например, земля девственная, которую никто никогда не обрабатывал, она стоимость имеет? Нет. А цену, которая по определению есть денежное выражение стоимости, на эту землю устанавливают? Да запросто, и продают. На все можно установить цену. Но если вы установили цену, а под ней соответствующей экономической основы нет – это иррациональная форма. Кроме присущих форм, бывают и иррациональные формы. Лев Толстой позаботился о том, чтобы никто из его родственников не брал денег за разрешение на публикацию его произведений. И это в немалой

степени способствовало распространению его произведений. Или возьмем компьютерные программы. Кто делает эти программы? Я вот учился на матмехе и около половины тех, кто там учился, уехали в Америку, потому что здесь в 90-е годы очень трудно было жить. Скажем, доктор наук профессор получал две тысячи рублей, а если старший научный сотрудник в Научно-исследовательском институте математики и механики, то 200 рублей, хотя такого же ранга доктор наук. Ну, вот уехали они, и многие там делают программы для «Майкрософт», которая одну и ту же идею стремится продавать бесконечно. Вот от преподавателей постоянно требуют, чтобы мы давали что-то новое, тем более в науке. Если я делаю научную работу, я что должен делать: то, что уже сделано или то, что еще никто не делал? Научная работа в чем состоит? Новое давать или старое за новое выдавать? Новое давать. Ну, так и делайте новые программы. Нет, они хотят за распространение старого продолжать деньги получать. В итоге «Майкрософт» добивается ограничения распространения передовых идей и не случайно в мире идет работа по созданию альтернативного программного обеспечения, пользование которым было бы бесплатным.

Поэтому мы, конечно, должны различать внутреннее, так сказать, сущность, глубинное и внешние формы проявления. Любое хорошее, ценное, глубокое, правильное и истинное может принять иррациональную форму. Вот собственность на руку есть у нас? Но просят у девушки руки, имея в виду предложение ей выйти замуж. Но есть и общественное закрепление создания семьи – оформление брака, то есть общественное закрепление брачного союза любящих друг друга. А некоторые любят, а живут гражданским браком, не оформляя его, дескать, сегодня люблю, а завтра передумал и ушел. Или она передумала – «надоел ты мне» и ушла. И все это не так страшно, если бы не страдали дети. Поэтому нормой является общественное закрепление брака. Это препятствует случайному

расторжению брачного союза. Разве бывают такие семейные пары, которые не конфликтуют? Разве бывает жизнь, в том числе семейная, без противоречий? Поэтому общественная защита брака и семьи от случайного расторжения и распада очень важна.

Собственность – это отношение субъекта к объективным условиям производства как к своим. И поэтому про собственность можно сказать «присвоение», но общественно опосредствованное. Из этого следует, что ***производственные отношения как отношения присвоения суть важнейшие экономические отношения собственности. Производственные отношения составляют экономическое содержание собственности.*** Производственные отношения – это те отношения, которые опосредствуют, закрепляют и воспроизводят собственность, то есть присвоение. Собственность, взятая не в своем юридическом выражении, а в своем экономическом содержании – это производственные отношения. А исчерпывается ли собственность производственными отношениями? Нет, потому что имеются еще отношения наследства и другие юридические отношения собственности. С одной стороны, мы различаем понятия собственности и производственных отношений. А, с другой стороны, мы видим, что когда совершается производство, то при помощи производства можно собственность нарастить. В чем смысл капиталистического производства? В самовозрастании капитала. И хотя рост капиталистической собственности обеспечивают рабочие, у которых капиталисты забирают прибавочную стоимость, видимость такова, что стоимость капитала самовозрастает.

Итак, будем считать усвоенным, что такое социальное бытие. ***Общественное бытие – это производство.*** Производство воспроизводит, закрепляет, изменяет, перераспределяет, а в воспроизводстве участвуют также обмен, распределение и потребление. В процессе потребления рабочих и

членов их семей воспроизводится рабочая сила. *Рабочая сила – способность к труду, а более конкретно – совокупность физических и духовных потенций, которые всякий раз пускаются в ход при производстве материальных благ.* Это и другие данные выше определения важны, чтобы конкретно понимать, что есть социальное бытие, производство. *А общественное бытие, как доказано К.Марксом и Ф.Энгельсом, определяет общественное сознание, в обществе господствуют мысли господствующего класса.* В работе Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» это важнейшее положение материализма применительно к истории прослежено наиболее последовательно и выражено особенно ярко. Эта книга недавно была снова переиздана и доступна. В ней Энгельс сформулировал положение о том, что *определяющим в человеческой истории является производство и воспроизводство действительной жизни.* Он показывает, что вначале самым главным производством было производство людей. Производство материальных благ было не развитым, сводилось к собиранию диких плодов и охоте. Поскольку основным было производство человека, постольку и основными отношениями в обществе, определяющими всю жизнь людей, были отношения семейные или кровнородственные, имея в виду, что семья была совсем не такая, как сейчас. И сейчас родственные отношения играют значительную роль в экономике и даже в политике. Вот говорят «клановость», а что такое клановость? Клан – это родственники. Но с развитием производства материальных благ оно вышло на первое место и стало решающим фактором, который стал определять историческое развитие. Но это не означает, что кровнородственные отношения перестали являться фактором, влияющим на развитие, они продолжают оставаться элементом бытия, но решающим стало производство и воспроизводство материальных благ. И вот это *величайшее открытие Энгельса и*

Маркса, состоящее в том, что решающим и определяющим в человеческой истории является производство и воспроизводство действительной жизни, является основным положением не вообще материализма, а материализма в применении к истории, то есть исторического материализма.

Ясное дело, что всякое научное положение предполагает достаточную развитость тех, кто его воспринимает. Некоторые думают, что то, что является определяющим, является единственным фактором, от которого все зависит. Это совершенно не верно. То, что происходит на поверхности исторической жизни, зависит от сотен, тысяч и даже миллионов факторов. Поэтому сказать, что все зависит только от производства, конечно, неверно. ***Есть взаимодействие общественного бытия и общественного сознания, и в этом взаимодействии определяющим, ведущим фактором является общественное бытие.***

А что такое общественное сознание? Мы выяснили, что вообще сознание – это свойство высокоорганизованной материи, ее способность познавать действительность. ***А что такое общественное сознание? Это мысли общества.*** Маркс и Энгельс показали, что господствуют в обществе мысли господствующего класса. ***Тот, кто господствует в экономике, тот получает господство и в общественном сознании. Господствуют мысли господствующего класса.*** И это очень важное положение, не очевидное и не очень легко воспринимаемое.

Например, все время товарищи обсуждают у нас вопрос выборов, кто победит на выборах. Как правильно сформулировать этот вопрос, поставить эту тему, чтобы все было ясно. Кто победит на выборах? У нас какой экономический строй? Капитализм. Какой класс у нас находится в положении господствующего класса? Буржуазный. Спрашивается, какая партия победит на выборах: буржуазная, мелкобуржуазная или рабочего класса? Во-первых, среди участвующих на выборах партий партии рабочего класса у

нас не просматривается. Про какую партию можно сказать, что она – авангард рабочего класса, что рабочий класс за ней идет? Ведь вообще всякая *политическая партия – это авангард класса*. А авангард класса – это такая группа людей, за которой класс идет. Ну, и за какой партией рабочий класс идет? А вот партию, за которой идет буржуазия, можем назвать, – это «Единая Россия». Кто победит на выборах, какой класс, зависит от того, как будут голосовать избиратели. А как они будут голосовать, зависит от того, какие мысли у них в головах. А какие мысли, какие идеи господствуют? Те, что распространяли по телевидению и радио в течение длительного времени. А кто держит в руках радио, телевидение, газеты, журналы и другие определители воли избирателей? Буржуазия. В буржуазном обществе кто-нибудь когда-нибудь на выборах выигрывал, кроме буржуазии? Вот при феодализме было все прозрачно и честно. Там никаких вообще выборов не было. Там было все ясно: если вы дворянин, то вы будете у власти. А если не дворянин, то не будете у власти, за редчайшими исключениями. Что тут непонятного? Никаких выборов, есть правящий дворянский класс. А какие красивые здания построили крестьяне под руководством дворян: Исаакиевский собор, Смольный собор, великолепные дворцы. Крестьянина можно было продать и купить с землей и без земли, с семьей и без семьи, но крестьянин после работы на барщине сам решал, что и как ему производить. Рабочие при капитализме, которые свободны от средств производства и живут продажей своей рабочей силы, на производстве сейчас ничего не решают. И что у нас красивого построили при буржуазном строе? Если разваливается здание, то новое, если не разваливается, то старое. Таврический дворец – это тот, что Екатерина II подарила Потемкину. Там сейчас располагается Парламентская ассамблея стран СНГ. При феодализме не было выборов, а теперь устраивают выборы, чтобы в очередной раз убедиться, какие мысли в обществе

господствуют и в очередной раз подтвердить основной тезис исторического материализма, гласящий, что *общественное бытие определяет общественное сознание*. Раз в пять лет проводится голосование, чтобы проверить, действительно ли в обществе господствуют те мысли, которые насаждались. Надо это очень честно проверить, а для этого и нужны честные выборы. Это очень просто и понятно, но некоторые смотрят и думают, чем закончатся выборы. Да разве когда-нибудь на выборах при буржуазном строе избрали противоположный буржуазии класс? Никогда, нигде. Не было такого случая и в Чили, где президентом избрали руководителя социалистической партии Сальвадора Альенде. Ни социалистическая партия, ни Альенде не были представителями рабочего класса. В большой статье, опубликованной у нас в журнале «За рубежом» Альенде заявлял, что он за социализм без диктатуры пролетариата, а социализм без диктатуры пролетариата – это все равно, что капитализм без диктатуры буржуазии. Тот, кто против диктатуры пролетариата, помогает установлению и упрочению диктатуры буржуазии, что бы он при этом ни говорил. История это вполне подтвердила. Действительно, почему бы не избрать социализм без диктатуры пролетариата, не посмотреть, что будет? И вот этому Альенде, партия которого получила большинство при выборах в чилийский парламент, правящий буржуазный класс позволил провести буржуазную земельную реформу, прогнать помещиков и землю превратить в товар, что очень нужно для развития капитализма. После этого Альенде стал больше не нужен, его уничтожили, в стране воцарился фашизм. Потому что в руках у буржуазии была, во-первых, армия, во-вторых, корпус карабинеров, полиция, суды, чиновничество – все основные институты государственной власти.

Давайте теперь в качестве примера возьмем Россию в 1917 году. У нас в 1917 году были официальные выборы в Учредительное собрание. Большевики участвовали в этом? Да. И

что, победили? Нет. А еще куда были выборы? В той же самой стране в то же самое время были выборы в Советы. Были? Были. Участвовали в них большевики? Участвовали. Победили? Тоже нет. Во всех Советах в целом большевики победили? Нет. Они победили где? В Петербурге, в Москве и войсках Северного фронта. Вот есть такая статья у Ленина «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» (том 40 полного собрания сочинений), очень интересная статья, можно сказать ключевая, посвященная данной проблеме. В ней специально рассматривается вопрос о том, может ли рабочий класс с помощью выборов взять власть или нет? В ней Ленин пишет, что мы не сумасшедшие, мы понимаем, что удержать власть без того, чтобы на твоей стороне было большинство народа, нельзя, но вот настоящие сумасшедшие те, которые думают, что выборами можно установит власть рабочего класса при господстве противоположного класса, когда все определители воли находятся у него в руках. Да никогда такого не может быть! Нет, говорит Ленин, мы сейчас, опираясь на то, что на выборах в Советы большевики выиграла в войсках Северного фронта, в Москве и Петрограде, берем власть. И что делаем? А дальше с помощью этой власти привлекаем на свою сторону большинство народа. Что для этого делаем? Объявляем мир народам. Передаем землю крестьянам. Большевики какую земельную программу реализовали? Свою или эсеровскую? Эсеровскую, поскольку за нее выступало большинство крестьян. Но они, конечно, понимали и разъясняли, к чему это приведет. У нас к 1928 году опять появились бедняки, середняки и кулаки, потому что в 1917 году просто взяли землю и разделили и только потом пришли к общему хозяйствованию на общей земле. Карикатурный раздел провел в 90-е годы Чубайс: взял и дал всем по ваучеру. К чему это привело – у одних мешки с ваучерами, на которые они приобрели заводы, а у других мешки под глазами, и все. Это же понятно – мелкобуржуазная программа разделизма ни к

чему хорошему для народа сама по себе не приводит. Ее, кстати, приписывают большевикам, хотя это была эсеровская программа – землю разделить по едокам. Словом, ни на какие выборы никакой надежды большевики не возлагали, поэтому они и пришли к власти. И наоборот, те представители оппозиционного класса, которые возлагали надежды на выборы, путем выборов хоть в какой-нибудь стране пришли к власти? Нет. Другое дело – иные представители того же самого господствующего класса, они постоянно сменяют друг друга и подтверждают замечание Маркса о том, что буржуазия позволяет представителям угнетенного класса один раз в пять лет решать, кто из представителей угнетающего класса будет представлять и подавлять их в парламенте. Поэтому, строго говоря, никаких революций не произошло ни в Киргизии, ни в Египте, сменились просто кланы, выполняющие волю буржуазии. Говорят: даешь честные выборы. Политики все время обманывают, какие могут быть честные выборы? Как могут без обмана большинства прожить те, кто составляет меньшинство? Если у меня меньшинство, а у вас большинство, как я могу над вами господствовать? Прежде всего путем обмана. Не случайно Ленин предупреждал, что тот, кто в политике или экономике верит на слово, тот круглый дурак или идиот. Ведь самые честные выборы кому дают политическое господство какому классу? Тому, который у власти. А для обмана народа буржуазией лучше сделать пару партий. Вот, например, в Америке какие две партии? Демократическая и Республиканская. Или демократы победят, и правящий класс, американская буржуазия, будет править с помощью демократов. Или республиканцы победят, тогда американская буржуазия будет править с помощью республиканцев. Или осел или слон, одно из двух. Демократическая партия – это партия, которая была партией рабовладельцев или партией буржуазии в период войны за независимость? Рабовладельцев. Поэтому и называется демократической. А

республиканцы тогда были партией передовой американской буржуазии, которая выступила против рабовладения. Теперь обе эти партии, сменяя друг друга, обеспечивают господство буржуазии.

Глубокое положение о том, что *общественное бытие определяет общественное сознание*, конечно, не всеми усваивается или не сразу усваивается, или его значения люди не понимают, но общественное бытие тем не менее действительно определяет общественное сознание. Другое дело, что нельзя это понимать грубо, антидиалектически и не в соответствии с этим положением. То есть если у меня бытие, скажем, капиталиста, у меня какое сознание? Сознание отдельного человека определяется не его бытием, а обстоятельствами и воспитанием. Но когда речь идет о массах, тогда уже речь идет об общественном сознании, о том, какие мысли в обществе господствуют, это определяется общественным бытием. Рабовладельческое общество – рабовладельческое сознание. Феодальное общество – феодальное сознание. Буржуазное общество – буржуазное сознание. Ну, чьи мысли господствуют в рабовладельческом обществе – рабов или рабовладельцев? Рабовладельцев, которые создали рабовладельческую демократию, не допуская к ней никого, кроме свободных граждан. Рабов не считали за людей. И меньшинство рабовладельцев все вопросы решало по большинству голосов. Так общественное бытие оказалось определяющим для общественного сознания, или идеология Спартака победила? Или вот идеология, которая была у Пугачева? Какая у него была идеология – добрый царь. Это идеология феодальная. А Степан Разин хотел сделать демократическую республику? Или хотел сделать республику Советов рабочих и крестьянских депутатов? Он пришел дать волю! А что будет в итоге этой воли? Никакой позитивной программы, кроме той, что будет другой царь. Царь бывает добрый и царь

бывает злой. Вы за какого царя, за доброго или злого? Мы за доброго! Давайте к нам.

То есть на самом деле, если по крупному поставить вопрос, мы видим, что в истории определяющим является производство материальных благ, общественное бытие определяет общественное сознание. Но то, что верно по отношению к обществу в целом, неверно по отношению к отдельному человеку. То есть по отношению к каждому отдельному человеку неверно, что его бытие определяет его сознание. Вот Энгельс, например. У него какое бытие? Кто он по социальному положению? Папа кто? Папа – фабрикант. А потом, когда Энгельс доделывал «Капитал», Маркс уже умер, а Энгельс кто был тогда? Фабрикант. Буржуа. Может быть, поэтому в Петербурге проспект Маркса переименовали, а проспект Энгельса нет? Так что если кто-то полагает, что если Энгельс фабрикант, то мысли у него фабрикантские – ничего общего с наукой это не имеет. У него мысли пролетарские. Он же вождь рабочего класса, идеолог. Ну, а кто Маркс? По его бытию – буржуазный интеллигент. Жил в капиталистическом обществе, писал «Капитал», Энгельс ему помогал материально, иначе бы ему не дописать. У него что – буржуазно-интеллигентские мысли? Нет, он тоже идеолог рабочего класса. А Ленин? Ну, кто был Ленин? В шестнадцать лет стал дворянином, мама за него ходатайствовала, когда его исключили из Казанского университета, сидел в тюрьме, потом в ссылку попал, но там ему выплачивали пособие как дворянину, жил он лучше, чем другие ссыльные, и писал книгу «Развитие капитализма в России». Или Ленин рабочим был? Нет, конечно. Сдав экстерном экзамены в Петербургском университете, он получил специальность юриста, немного поработал помощником присяжного поверенного и стал профессиональным революционером. А рабочее положение гарантирует рабочему пролетарскую идеологию? Нет. Ленин писал, что рабочий класс по условиям своей жизни не в состоянии самостоятельно

выработать пролетарскую идеологию. Пролетарская идеология коренится в положении рабочего класса, выражает это положение, но она может явиться лишь как результат развития науки. Маркс какую науку изучал и развивал дальше? Буржуазную. Взять и написать неизвестно откуда выскочившею какую-то идеологию рабочего класса – такого не может быть. Точно так же по отношению к новациям в культуре Ленин всегда говорил, что он их не понимает, ведь культура – это накопленный опыт материальный и духовный, она не может ниоткуда выскочить, она является только как дальнейшее развитие предшествовавшей культуры.

Когда выше речь шла вообще о материализме, мы отмечали, что есть материализм грубый, вульгарный как у Фогта, Бюхнера и Молешотта. Дескать, мозг выделяет мысль, как печень выделяет желчь. Но это ничего общего с диалектическим материализмом не имеет. Теперь у нас речь идет об историческом материализме. Однако если исторический материализм не диалектический, он тоже становится грубым, вульгарным или глупым, про носителей которого Ленин писал, что умный идеалист лучше, чем глупый материалист. Если так примитивно понимать материализм в применении к истории, что от вашего положения материального или от того, чего и сколько вы едите, зависит, какие у вас будут мысли – это совершенно не так. Это противоречит всему тому, что мы наблюдаем в истории – насколько велика роль сознания и воли отдельных личностей. Мы можем взять один из тезисов Маркса о Фейербахе, где он подчеркивает, что **человек есть продукт обстоятельств и воспитания**. Если мы хотим понять, почему человек занимает такую позицию, а не другую, мы должны учесть, где он родился, в каких условиях жил, кто его воспитывал, какие люди на него повлияли, какие книги он читал и т.п. И очень часто бывает, что то, каким человек становится, в определяющей степени зависит не от того, в какой семье он родился и как он воспитывался, а зависит от того, что он читал, какие события, какие

люди повлияли на его судьбу и жизнь. Поэтому тезис о том, что социальное, общественное бытие определяет *общественное* сознание абсолютно не применим к отдельным людям. Наоборот, очень часто люди определяют, поскольку мы знаем о роли выдающихся личностей в истории, – люди определяют в значительной мере ход событий. Политические партии определяют в значительной степени ход событий. И эта вот связь глубинная с производством, не относится к отдельному человеку. Отдельные люди часто или даже всю жизнь действуют вопреки своему положению в общественном производстве. Скажем, во всех политических партиях, которые являются авангардами соответствующего класса, имеются идеологи. Эти идеологи кто такие по положению? Интеллигенты. Во всех партиях в руководстве есть интеллигенты. А кто такие интеллигенты? Интеллигент – это носитель знаний. Известно, что *когда какая-нибудь идея овладевает массами, она становится материальной силой*, и это совсем не обязательно идея господствующего класса. Идеи господствующего класса могут быть и бывают, когда он перестает быть прогрессивным и идет к своему закату, отсталыми, отжившими, реакционными, а идеи прогрессивного класса могут быть в меньшинстве голов, но истинными.

Вообще истина всегда рождается не в большинстве, а в меньшинстве голов. Чаще всего даже вообще в одной голове своего первооткрывателя. А вот чтобы открытие одной и той же истины произошло одновременно, в тот же час, – такие примеры неизвестны. Вот, например, неевклидова геометрия. Кто открыл? Лобачевский. Но был такой венгр, у которого отец был математиком, Бойяи, который тоже занимался проблемой прямых, параллельных данной и проходящих через одну и ту же точку. Почти две тысячи лет математики пытались опровергнуть тезис о том, что через одну точку можно провести сколько угодно прямых,

параллельных данной, и вот Бойяи пришла мысль сделать это аксиомой, заменив аксиому о том, что через одну точку можно провести только одну прямую, параллельную данной, и построить новую геометрию. Он опубликовал статью об этом в сборнике своего отца. Но как же он был разочарован и опечален, узнав, что за месяц до этого русский математик Лобачевский в развернутой форме уже опубликовал неевклидову геометрию, которая теперь зовется, по имени ее первооткрывателя, геометрией Лобачевского. Для науки типично, что истина рождается в немногих головах, а чаще в одной. Причем для истины неважно, на какой должности находился тот, кто к ней пришел и какое звание он имел. Столь же типично, что новое в науке и вообще в жизни с трудом и не сразу пробивает себе дорогу.

В силу важности вопроса остановимся на диалектике борьбы нового со старым. Под новым будем здесь понимать прогрессивное, передовое. Когда новое рождается, оно сильнее старого или слабее? Слабее. А в борьбе, как известно, побеждает сильнейший. Так что поначалу новое, передовое будет проигрывать, и надо быть к этому готовым. Но поскольку это действительно передовое, оно на своих поражениях будет учиться, укрепляться, усиливаться и постепенно начнет теснить старое, а потом и систематически побеждать его. Ура! Так и хочется восславить это новое, передовое, но появляется новое, по отношению к которому это новое наше, которое уже все побеждает, является старым, и оно побеждает то новое, которое родилось. Это при каком строе? При любом. А при полном коммунизме? И при полном коммунизме будут трагедии. И в будущем возможны ситуации, что вас не поняли. Вы хорошее, светлое сказали, а вас не поняли. Но рано или поздно поймут. Иногда бывает после смерти. Такое тоже бывает, да? Говорят, солнце взойдет, наши победят, правда меня уже не будет, но наши вас победят. Сплошь и рядом в истории это бывает. Поэтому никакого примитива тут быть не может. Поэтому сразу после того,

как мы вот этот фундаментальный тезис исторического материализма сформулировали о том, что *социальное бытие является определяющим по отношению к социальному сознанию*, мы должны обратиться к его более глубокому диалектическому пониманию. Поэтому несмотря на то, что мы зашли уже очень далеко, подошли к весьма конкретным вещам, мы сейчас перейдем к категориям совсем простым, чтобы упрочить наши позиции, и начнем тему «Социальное становление», уж такую простую, что проще ее диалектической темы и быть не может.

СОЦИАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ

Мы уже говорили в самом начале, что материю следует понимать только как движущуюся. Теперь следует поставить вопрос о том, какое бывает движение. Начнем с самого простого социального движения – с социального становления. А чтобы понять, что такое социальное становление, надо понять, что такое просто становление, становление как таковое.

Чтобы познать, что такое становление, надо с чего-то начать. С чего надо начинать – с простого или сложного? Люди, мало-мальски поднаторевшие в диалектике, знают – с простого. Почему? Потому, что сложное – это сложенное из простых, с простого и надо начать. Начать надо с простого и идти потом к сложному.

Что самое простое? Самое простое – это то, о чем можно сказать только одно – что оно есть. Давайте с этого и начнем. Раз оно есть, значит, оно *бытие*. А какое бытие, если о нем можно сказать только то, что оно есть? *Чистое*. Давайте, следовательно, начнем с *чистого бытия*. Это самое простое начало. Проще простого усвоить, что такое *чистое бытие*. Если спросят: «Что вы знаете про чистое бытие?», надо гордо ответить: «Я знаю, что оно есть». Разве мало знать, что оно есть? Разве мала разница между наличием или отсутствием чего-либо? Разве безразлично, есть у вас в кармане деньги или нет, или есть средства на пропитание или нет? Разве это не существенно? Разве нам все равно, есть мы сегодня или нас уже нет? Конечно, тех, кто спрашивал: «Что вы знаете об этом?» ответ: «Я знаю, что оно есть», может не удовлетворить, и они, скорее всего, начнут спрашивать: «А что вы еще знаете об этом предмете?» Но мы можем сказать, что это уже другой вопрос, а на поставленный вопрос ответ дан. Если, например, на зачете на вопрос о том, что я знаю о данном предмете, мы ответим, что он

есть, экзаменатор должен поставить зачет. А если он не удовлетворится этим ответом и будет спрашивать, что мы еще об этом предмете знаем, надо тактично напомнить ему, что ведь мы договаривались, что задан будет только один вопрос. Поэтому чтобы человек, изучивший и усвоивший категорию «чистое бытие», не сдал зачет, такого просто не может быть. Про него же нельзя сказать, что он ничего не знает. Если вы придете сдавать зачет и заявите: «Я ничего не знаю», тут уж экзаменатор ничего поделывать не может и должен поставить вам незачет. А вот если на вопрос, что вы об этом знаете, человек сказал, что знает, что оно есть, то нельзя же сказать, что он ничего не знает. Поэтому экзаменатор вправе поставить ему зачет.

Итак, *чистое бытие* – это самая первая категория диалектики. Если мы откроем «Науку логики» Гегеля, ту фундаментальную и единственную книгу, где систематически изложена диалектика, то увидим, что с чего бы мы ни пытались начать, это сводится к тому, чтобы начать изложение с *чистого бытия*. Вы, доказывает Гегель, начать можете с чего хотите, но поскольку вначале мы с самой первой категорией впервые имеем дело и пока еще не успели с ней ближе познакомиться, то пока она для нас оказалась лишь *бытием*. Каким? *Чистым бытием*. И так, какое бы начало ни взять. Вот Фихте начал с Я. Я вроде бы как все знают. Да? Давайте начнем с Я. Ведь свое Я вы знаете лучше, чем что-либо другое. Вот вы начинаете с Я. И что вы в начале рассмотрения можете сказать про Я? То, что оно есть. Оно есть, и вначале оно поэтому пока никакое не Я, а просто бытие. А какое бытие? Чистое, потому что в начале изложения мы еще ничего про него не сказали и не можем сказать, кроме того, что оно есть. А просто бытие это что? Это чистое бытие.

Таким образом, с чего бы мы ни начали, все равно это будет вначале чистое бытие. Чем это хорошо? Тем, что мы всё знаем про чистое бытие. Наконец-то мы нашли такую науку, а в ней такую

категорию, про которую мы знаем все до конца. А что тут не знать, – есть и все. Это же хорошо. Ранее нам объясняли, что мы будем познавать абсолютную истину, будем к ней двигаться, но все время довольствоваться истиной относительной, а тут у нас в руках абсолютная истина, поскольку мы имеем категорию, про которую знаем все.

Что характерно для логики? На каждом этапе логического рассуждения нужно обдумывать то, что у нас есть, и выяснять, к чему это приведет. К каким мыслям приводит обдумывание чистого бытия? Что про него можно сказать? Во-первых, что оно есть. А еще что можно сказать? Что в нем нечего созерцать, нечего различать, что оно не неравно в себе и не соотносится ни с чем. То есть про чистое бытие, кроме того, что оно есть, вообще нечего сказать. Не то, что мы не можем, что у нас ум слаб, дескать, кто-то может, а я не могу, нет, дело не в этом, а дело в том, что про чистое бытие именно потому, что оно *чистое*, нечего больше сказать. Мы к этой мысли приходим необходимо или нет? Мы приходим необходимо к этой мысли, если это чистое бытие. Если бы это не было чистое бытие, тогда можно было что-то еще сказать. А тут деваться некуда, тут, если перед нашим умственным взором чистое бытие, то, кроме того, что оно есть, про него просто *ничего* больше сказать нельзя. Н и ч е г о. И к какой мысли мы пришли? Мы пришли к мысли о *ничто*.

Вот так в диалектической логике: думал, думал о чистом бытии, и пришла мысль о том, что это уже не бытие, а ничто. Вот так хамелеон сменяет окраску, раз – и уже другая. Получается, что невозможно удержать в голове долго чистое бытие. Как только мы начинаем его обдумывать, в результате этого обдумывания получается движение. Сначала мысль о том, что оно есть, потом что нечего больше о нем сказать. А раз нечего, то мы пришли к мысли о ничто. В диалектической логике это выражается так, что *чистое бытие переходит в ничто*. В какое ничто? Тут о каком

ничто идет речь – о конкретном ничто, о ничто какого-нибудь нечто или просто о ничто, об абстрактном ничто вообще, то есть о ничто чистом. Это какое ничто – конкретное или чистое? *Чистое*. Значит, чистое бытие переходит во что? В *чистое ничто*. Чистое бытие переходит в чистое ничто.

В порядке шутки можно было бы для изучения этих категорий учредить научно-исследовательский институт. Назвать его институтом чистого бытия. Получив бюджетное финансирование на первый год работы, что бы мы написали в отчете? Мы бы написали, что в результате длительных исследований с применением всех современных средств пришли к выводу, что чистое бытие есть. Мы убедились, проверили все – есть. Это первое. И второе: что оно не просто есть, оно оказалось не неподвижной категорией, оно в движении и переходит в чистое ничто. Вот какой вывод мы получили. В связи с этим просим на следующий год выделить средства для исследования чистого ничто. Логично? Тех, кто разбирается в чистом бытии, поставили управлять изучением чистого ничто. Как всегда и бывает. И вот мы изучаем чистое ничто. Как вы думаете, что будет написано в отчете? Что прежде всего нужно написать про то, о чем мы вроде ничего и не знаем? Что оно есть. Раз мы его исследуем, то оно есть хотя бы как предмет нашего исследования, то есть что оно бытие. Пишем в отчете, что в результате длительной работы всего коллектива в течение года было установлено, что чистое ничто – это бытие. Но это звучит не диалектически. А диалектически как будет звучать? Что *чистое ничто переходит в бытие*. Раз вы берете чистое ничто и обнаруживаете, что оно бытие, это что значит? Что чистое ничто переходит в бытие. И тут бы и остановиться на этом, но мы отчет уже пишем – в результате длительных напряженных исследований было выяснено, что чистое ничто не только переходит, но и перешло в бытие. Так что, круг замкнулся и исследование прекращаем, а институт закрываем? Не

тут-то было. Чистое ничто перешло в бытие, но бытие-то, как мы знаем, переходит в ничто, одно переходит в другое, и мы имеем *движение исчезновения бытия в ничто и ничто в бытии*. Тут уже шуточки в сторону – с выражающей это движение категорией в рамках формальной логики мы дело никогда не имели и надо с ней разобраться серьезно.

Что же получается? Давайте вспомним ход проделанного логического движения. Мы взяли чистое бытие, и оно перешло в чистое ничто. Чистое ничто, как только мы его взяли для рассмотрения, оказалось, что оно *есть*, следовательно, чистое ничто прямо у нас на глазах превратилось в *бытие*. А бытие-то уже, как мы знаем, переходит и перешло в ничто. Значит, мысль наша остановиться не может. И что у нас получается – *движение исчезновения бытия в ничто, а ничто в бытии*. И мы даже можем это с помощью Гегеля, конечно, сформулировать теперь научно. Собственно говоря, движение исчезновения бытия в ничто и ничто в бытии, к которому мы пришли логически, нужно только назвать. Причем, обратите внимание, что про ничто и бытие мы уже не говорим, что они чистые. Какие же они чистые, если каждое может быть охарактеризовано тем, что из одного выходит другое. Одно в другое переходит, причем непрерывно и вне времени. Время тут совсем ни при чем. Помните, в русской сказке царевна загадывала загадку: что быстрее всего? Оказалось, что мысль. Приходили добрые молодцы, но метафизики, не угадали, что быстрее всего, поэтому не смогли добиться ее руки. А вот добрый молодец-диалектик сказал, что быстрее всего мысль, и добился руки царевны.

Так как же назвать категорию, выражающую *движение исчезновения бытия в ничто и ничто в бытии*? Обратите внимание на ту ситуацию, которая у нас сейчас сложилась, так бывает в истории, так бывает в жизни. Скажите, пожалуйста, человек сначала рождается или сначала дают ему имя, а потом он

рождается? Сначала человек рождается, а потом начинают спорить родители, бабушки, дедушки, зачем вы такое имя даете, называть надо не так, а вот так, а ребенок тем временем, он или она, в это время кричит, человек уже растет, полтора месяца иногда обсуждают, потом наконец дают имя и регистрируют. Аналогичная ситуация у нас: мы уже имеем то, что надо назвать, но еще не знаем, как назвать. Категория уже родилась, и теперь нужно ее назвать. Так в диалектической логике, в математике не так. В математике, в формальной логике, *треугольник – это...*, или *функция – это...*, или сначала формулируем теорему, а потом начинаем ее доказывать.

Откуда берутся наименования категорий диалектической логики? Задача не в том, чтобы взять их и придумать. Гениальность Гегеля не в том, что он взял и придумал наименования категорий, любой может столько названий напридумывать за день, столько определений, что их за неделю будет выучить трудно. Разве в этом задача? Не в этом. Наоборот, надо сделать так, чтобы ненужных слов, не соответствующих языку и, следовательно, не отражающих действительность, не появлялось. Наименования категорий Гегель брал, исходя из того, что до него уже было сделано в философии, и новые наименования стремился давать лишь для тех категорий, которые введены им впервые. Для наименования родившейся в нашем логическом рассуждении категории Гегель употребил известное слово *становление*. ***Движение исчезновения бытия в ничто и ничто в бытии называется становлением.***

Что изучает философия? Философия изучает всеобщее. Не в том смысле, что она не знает ничего, кроме всеобщего, она знает также и особенное, и единичное. Но она эти особенные и единичные рассматривает в единстве со всеобщим. Категория становления всеобщая. И если я беру всеобщую категорию, то она и к обществу применима, и к каждой личности. Становление личности начинается с младенчества. Постигание мира только что

родившийся ребенок начинает с чистого бытия, про которое мы можем сказать, что это то же самое, что чистое ничто. И свое отношение к миру он также выражает очень просто: он или спокоен или кричит, причем одно состояние постоянно переходит в противоположное. Если ребенок плачет, то значит ему плохо, а если ребенок не плачет, то ему хорошо. Но становление личности не завершается в детстве и, можно сказать, продолжается всю жизнь. Про любого студента можно сказать, что это соответствующий специалист в становлении, про аспиранта – что он кандидат наук в становлении, про докторанта – что он доктор наук в становлении, про учащегося профессионально-технического училища – что он мастер своего дела, но в становлении, в единстве бытия и ничто. Но все, кто находятся в становлении, не хотят только оставаться в становлении, а хотят стать *ставшими*. Но это уже следующая категория.

Применительно к человеку в любой момент мы находимся в становлении. Мы вдохнули? Зачем мы вдохнули? Чтобы жизнь наша могла продолжаться. Если не вдохнем, мы превратимся в ничто человека. Потому и говорят, что будут верны делу до последнего вздоха. Углекислый газ в нас накапливается, организм отравляется. Мы все время находимся в становлении, между жизнью и смертью, обратите внимание. Но нас постоянно спасает то, что мы вдыхаем, даже если сознательно пытаемся не вдыхать. Один йог попробовал не вдыхать, и что, думаете, получилось? Не получилось, не получилось никому так покончить жизнь самоубийством, настолько сопротивляется наш организм. Поэтому это наше становление продолжится.

Становление – это всеобщая категория, применимая к любому объекту. Даже бревно, камень – и те находятся в становлении, тем более общество. Если я знаю, что такое становление, то я тогда могу понять и что такое социальное становление. Всякое общество находится в становлении. С одной стороны, в нем есть тенденция

превратиться в ничто, и некоторые люди только эту тенденцию и видят. С другой стороны, ничто общества постоянно переходит в его бытие, и это видят далеко не все. Вот иногда читаешь в газетах, что наша экономика окончательно разрушена. Ну, раз окончательно, газету надо закрыть. Какой смысл ее издавать, делать призывы, подавать советы по подъему экономики, если и в самом деле экономика разрушена окончательно. Или пишут, что ничего у нас не получится в России. А чего вы тогда живете в России, ну и поезжайте туда, где получится. Почему не едете? Да здесь народ эксплуатировать легче, здесь можно больше получить прибыли, потому здесь и околачиваемся. Будем за счет России богатеть и ее же ругать.

Когда мы берем бытие, ничто, становление, на первый взгляд может показаться, что мы берем пустые категории. На самом деле мы берем не пустые категории, а всеобщие. Ведь они от чего абстрагированы? *От всего*. Значит, связаны со всем и поэтому они и самые богатые в этом смысле. Не только они самые простые, но и самые богатые в том смысле, что применимы ко всему и все с помощью этих категорий можно отражать. Что лучше, изобразить историю в становлении или изобразить общество мертвым, изобразить его неподвижным? Мы зачем изучаем исторические факты? Чтобы понять движение общества. А можно в понятиях выразить движение общества без категории становления? Можно понять без становления движение? Нет, нельзя.

Итак, мы уже знаем три простейшие категории диалектической логики. Много это или мало? Лучше три категории знать, чем три тысячи не знать. Здесь мы рассматриваем философию применительно к развитию общества. В истории же ни один момент, ни один поворот не обходится без перехода от того, что было, к тому, чего не было, и от того, чего не было, к тому, что теперь стало. Было и не стало, не было и стало – вся история идет таким путем. И если мы это движение не берем, то берутся тогда

мертвые факты, кости, мертвечина. Правда, есть археологи, они копают, чтобы найти хотя бы мертвые следы прошедшей жизни, но именно для того, чтобы помочь теоретически воссоздать прошлую жизнь, а не остановиться на ее останках.

Категория становления, поскольку она применима ко всему, постольку применима и к истории в целом, и к отдельным социальным процессам. Поэтому мы и говорим о социальном становлении. Давайте присмотримся к категории становления ближе. В становлении мы имеем два в одном, причем не такие два в одном примитивные, которыми нас душит реклама, что просто два вида жидкости налиты в один флакон. Нет, в становлении имеются два движения в одном, *два противоположных движения в одном движении*. Как их назвать? Есть два противоположных движения в одном движении. Когда побеждает прогресс, в период прогресса разве никаких реакционных движений нет? Или, наоборот, в период регресса, в годы реакции ничего прогрессивного не рождается? Рождается. То есть вообще всякое движение предполагает и включает противоположное движение. Как назвать противоположные движения в одном движении? Какие есть предложения? Предложение поступило от Гегеля. В его «Науке логики» показано, что ***неотделимые друг от друга противоположные движения в одном движении – это моменты.***

Моменты. Это очень интересная категория. Очень слабо и плохо применяемая в социальных исследованиях. Что применяется? Части, куски, элементы. Как будто у вас топор и надо разрубить говяжью тушу на мясо: толстый край, тонкий край, филей и т.п. Так чаще всего поступают и с общественным телом, это тело общества разрубается на куски, элементы. Один этот кусок изучает, другой – другой кусок, я вот этот период исследую, он – другой период. Вместо того, чтобы изучать современность как продукт предшествующего развития, вместо того, чтобы проследить за

движением живого целого, допускают, чтобы то, что на самом деле соединено и что находится в противодвижении, то, что неразрывно и представляет собой целостность, все это распалось на куски, на элементы, механически соединенные некой мертвой, лишенной живых противоречий структурой. В экономике, например, не видят борьбы противоположностей и ищут некий хозяйственный механизм. Вместо диалектического метода исследования общества упор делают на анализ без синтеза, что сводится к одностороннему разложению целого на части. В лучшем случае затем добавляют к анализу синтез, превратно понимаемый как способ механического соединения частей. А ведь анализ и синтез – лишь моменты единого диалектического метода.

Общество надо рассматривать и исследовать как целостность. Для этого надо брать не куски, не части, не элементы. А что надо брать? Брать надо *моменты*. Даже в душах людей борются противоположные моменты. А если мы не будем брать это противоречивое движение, а будем куски вырезать, хоть из человека, хоть из общества, например, только хорошие, вырежем и на выставку поставим, а плохое выбросим на улицу, они никому не нужны, пусть собаки едят, то никакой истины мы не достигнем. Так нельзя обращаться ни с обществом, ни с человеком. Негативный момент единого целого – это не аппендицит. Аппендицит можно вырезать, а недостаток нельзя. Начали вырезать у меня недостаток, и все, конец мне. Потому, что этот недостаток оказался неразрывно связан с достоинством и даже есть продолжение его. Ничего не получится. Однако если вы возьмете социальные исследования, то в 99% работ вы слово *моменты* не найдете. Все время только элементы, структура, структура, элементы. То есть вместо живых человека и общества лишь их элементы и структура, их части, череп и кости.

Итак, *моменты – это неотделимые друг от друга противоположные движения в одном движении.* И вот в

движении общества, в истории мы наблюдаем всегда и одно направление, и противоположное одновременно. Но в каждый момент времени одно является господствующим – или движение превращения ничто в бытие или бытия в ничто. Вот говорят: 90-е годы – это лихие годы, ураганные. А что значит лихие, ураганные? Движение куда шло? Лихо вперед или ураганно назад? На подъем наша экономика шла или на спуск? Всем ясно, что производство резко падало. Упало в два раза. Некоторые говорят, что у нас постиндустриальная экономика, я с ними не согласен. Ну, если хоть половина индустрии осталась, то это значит, что не вся индустрия еще разрушена. Половина-то осталась. Но станкостроение почти все разрушено, машиностроение очень слабым стало. В космос наши ракеты возят пока, и американцев в том числе, на международную космическую станцию. Но вот лучшие в мире легковые автомобили, говорят, мы не можем сделать. А почему не можем? Да потому, что не ставится такой задачи, поэтому и не можем. Была бы задача и финансирование – сделали бы. Ну что мы в России не можем сделать, скажите, пожалуйста? Космос мы можем освоить, а вот это не можем? Смешно.

Теперь мы вооружились понятием *моменты*. Можно ли отдельно определить один момент? Нельзя. Ножницы все видели? Ножницу одну можно определить? Нет. Только ножницы. Так и моменты. Нельзя определить момент. Моменты только во взаимосвязи друг с другом определяются. Но мы различаем два противоположных момента. У нас теперь задача какая? Дать наименования этим противоположным моментам. Один момент – переход бытия в ничто. Как мы его назовем? Это момент, он не изолирован от противоположного движения, он в единстве с ним. В единстве с ним находится переход бытия в ничто, как мы назовем этот момент? Назовем моменты становления так, как назвал их Гегель.

Переход бытия в ничто называется прехождением.

Представим себе, что я стал старцем и удалился в пустынь. А вы через год ко мне приходите и рассказываете – цены выросли, жить стало невозможно, коррупция жуткая. А я что должен сказать по этому поводу? Если я мудрец, то я говорю: «Это все преходяще». И поехали вы обратно. Вдруг инфляция снизилась, жить стало легче, коррупционеров стали прижимать. И вот вы на радостях ко мне приехали, рассказали. И что я вам скажу? А я как мудрец вам опять скажу: «Это все преходяще». И действительно, вы приехали – все вернулось на круги своя: цены резко поползли вверх, жить стало снова невмоготу, коррупция вовсю разгулялась. Так что вы выставите против этого тезиса, что все преходяще? Согласны, что это всеобщий тезис? Вот государство было Римское? Государство сильное и что? А Древнегреческое, могучее? А Советский Союз был? Где Советский Союз? Ну, это государства. А люди? Тот, кто родился – умрет. Тот, кто не хочет умереть, тот не рождается. Правильно? То есть и люди преходящи. Да и знания преходящи – если ими не пользуешься, они забываются. А что не преходяще? Вы знаете что-нибудь, не подвластное прехождению? Что в истории не преходяще? Вот построили завод, а потом смотрят на завод – что с ним стало. Возьмем Кировский завод. Это флагман, можно сказать, отечественного машиностроения. Это наша история. И танки там делали, и турбины, и трактора, чего там только ни делали. Какая теперь у Кировского завода задача, как определило ее собрание акционеров? Сдача помещений и земли в аренду. Это о чем говорит? Что завод находится в процессе прехождения. Другое, противоположное движение там тоже есть, но тенденция прехождения налицо. Прехождение как момент становления есть во всяком становлении, а становление есть во всем.

Таким образом, переход бытия в ничто в становлении называется прехождением. Кто название придумал? Я уже говорил

кто: Гегель придумал, на него надо ссылаться, чтобы не выдавать гегелевское за свое. Был такой заведующий кафедрой политэкономии в Московском университете, Цаголов Николай Александрович, он выступал на большой конференции всесоюзной, а ему говорят: «Так это же Маркс говорил». А он: «Да, Маркс тоже был умным человеком». И если вам скажут, что это же Гегель говорил, вы можете ответить, что Гегель был тоже умный человек.

Ну, вот, теперь давайте рассмотрим другой момент. Какой? Ничто переходит в бытие. Это можно усмотреть в любом движении, в любом движении можно увидеть наряду с прехождением еще и переход ничто в бытие. Ну, Россия как-то встает с колен? Или нет? Грузию победила уже, Японии уже не отдает острова. Все это уже безвозвратно и даже разговаривать не будем. Можете в бинокль смотреть, можете вокруг летать. Но только не залетайте к нам на территорию. Как только залетите, вас встретят истребители, там наши уже подымались истребители когда сопровождали Медведева. Он решил посмотреть, почему там долго ничего не строят, – потому что решался вопрос. А теперь все. Японцы себя плохо вели, нехорошо. Флаг наш топтали и не извинились, так не пойдет. Если вы флаг топчете, это теперь земля наша, навечно. Можно было и по-другому сказать: «Вообще-то итоги Второй мировой войны пересмотру не подлежат». Таким образом, есть движение перехода ничто в бытие в становлении? Есть. Как назовем? У Гегеля этот момент называется *возникновением*. Для обозначения моментов становления употребляются довольно простые слова. Правда, прехождение не очень широко употребительное слово. Тем легче запомнить, что *все преходяще*. А уж слово *возникновение* употребляется очень широко. И в общем логически правильно понимается, только не всегда точно выражается как переход ничто в бытие. А прехождение, может, и не случайно редко употребляли. В период, обманно названный периодом развитого социализма, страна разваливалась,

но слово прехождение почти не употреблялось. Оно как-то не гармонировало с ревизионистской концепцией развитого социализма. Зато много говорилось, да и сегодня говорится о возникновении нового. Возникает, дескать, поистине новое. А что новое? Много всего нового. Коррупции много, например. Новые законы. Теперь не будут сажать за коррупцию, а только деньги за нее брать. Вот вы взяли, например, сто раз взятку, а один раз вас поймали и с вас в десятикратном по отношению к величине взятки размере оштрафуют. Это борьба со взяткой по-новому. А раньше бы за взяточничество конфисковали имущество и посадили в тюрьму. А еще раньше расстреляли бы. Так что некоторые нововведения облегчают прехождение. Все террористы, все убийцы теперь знают, что их к смертной казни не приговорят. Есть хоть один террорист, который в этом сомневается? В этом не сомневаются и те, кто их ловит, поэтому они стараются ликвидировать предполагаемых преступников в ходе поимки. Дескать, подозреваемых в терроризме мы убили, личности подозреваемых выясняются. И при этом провозглашена презумпция невиновности. А если бы работник правоохранительных органов террориста поймал и в ходе поимки не убил, тот бы начал доказывать, что он вовсе не виноват, причем при поддержке целого хора ориентированных на Запад правозащитников. Человек сейчас не знает, убьют его бандиты при выходе с работы, не убьют, а бандит точно знает, что его за убийство не убьют. Как вы думаете, будет у нас при этом преступность сокращаться или расти? То, что убийства и другие преступления не исчезнут мгновенно, это всем ясно. Вот в Китае расстреливают за коррупцию, но разве там исчезла коррупция? Нет. Там исчезают коррупционеры, коррупция остается. А у нас коррупционеры занимают важные посты. Все выше и выше. А коррупция не просто остается, а нарастает. Это тоже

возникновение, оно может всякое быть. Хорошее – не было и стало. Плохое – не было и стало.

Без использования категорий возникновения и прехождения и их единства – становления невозможно плодотворно вести социальные исследования. Без них невозможно изобразить как живую ту борьбу, которая шла и идет в обществе.

Итак, в становлении есть два момента – прехождение и возникновение. А куда делись бытие и ничто? Они что, куда-то пропали? В диалектике может что-нибудь пропасть бесследно? Нет. Действительно, прехождение есть *бытие*, переходящее в ничто. Как сейчас говорят молодые люди, – короче. Бытие переходящее в ничто, как короче? Бытие. А *ничто*, переходящее в бытие, как будет короче? Ничто. Значит прехождение это что? Это бытие в становлении. А возникновение? Это ничто в становлении. Обратим внимание, что бытие присутствует в становлении, как теперь выяснилось, только как прехождение. Прехождение – это и есть бытие. Никакого другого бытия в нашей жизни, товарищи, и в прошлой жизни, и в будущей, кроме как переходящего в ничто, не было, нет и не будет. А возникновение – это то самое ничто, которое, взятое абстрактно, изолированно от бытия, нам не нравилось своей показной пустотой. Оно теперь красиво смотрится. Ничто теперь – это что такое? Это возникновение. Нет никакого ничто, которое бы было просто ничто и все, а есть только ничто, переходящее в бытие. Это даже красиво звучит – кто был ничем, тот станет всем.

То есть с переходом к становлению не потерялись бытие и ничто, они просто из неподвижных категорий стали подвижными. В становлении бытие есть, оно не пропало. Но оно есть лишь как прехождение. И ничто в становлении есть, но лишь как возникновение. Возникновение – это ничто в становлении. Это такое ничто, из которого обязательно появляется бытие. То есть в становлении бытие и ничто как живые, переходящие друг в друга.

Давайте теперь задумаемся о том, благодаря чему есть становление. Становление есть благодаря *разности* бытия и ничто, то есть благодаря тому, что они *разные*. Только благодаря разности бытия и ничто они могут переходить друг в друга. Если бы они не были *разными*, не было бы никакого становления. Бытие бы не переходило в ничто, ничто бы не переходило в бытие. И вообще движения никакого бы не было. Движение становления неразрывно связано с тем, что бытие и ничто разные. Но из-за того, что бытие переходит в ничто, а ничто переходит в бытие, их разность в становлении исчезает. А становление есть только благодаря этой разности. Значит, что происходит со становлением? *Становление* добытое нашим непосильным умственным трудом, тоже *исчезает*. Как не хочется в это верить, но деваться некуда. Логика тут безупречна: *становление есть благодаря разности бытия и ничто, эта разность в становлении исчезает. Значит, становление исчезает.*

Становление исчезает. Поэтому хотим мы или не хотим, но мы должны рассмотреть результат этого исчезания. Поверить в то, что оно бесследно исчезнет, мы, конечно, не можем. Дух диалектики, которым мы, надеюсь, заразились, подсказывает нам, что становление не просто исчезнет, а перейдет во что-то другое. Надо лишь выяснить, во что оно перейдет. Для этого надо в целом осознать, что такое становление. В целом становление – это *беспокойное единство бытия и ничто*. Становление исчезает. Значит, исчезает беспокойное единство бытия и ничто. А раз оно исчезает, то оно отрицает себя, правильно? А что является отрицанием беспокойного единства? Отрицанием беспокойного является спокойное. А отрицанием единства? Единство предполагает единство многих, по крайней мере, двух, различение тех, которые находятся в единстве. А если нет этого различения, то и единства тоже нет. *Отрицание единства* это что означает?

Значит, в наличии имеется не то, что содержит многое и даже не то, что содержит какие-либо два момента, а *что-то простое*.

Например, когда говорят о единстве партии, то имеют в виду единство взглядов и действий многих ее членов. В армии единство действий обязательно, что воплощается в военной дисциплине. А если имеет место отрицание единства, то это что? *Отрицание единства* – это не просто отсутствие чего-либо, не ничто, а *отрицание сложности, то есть простота*. Вывод, следовательно, таков: исчезание становления – это становление, которое стало спокойной простотой. Было беспокойное единство, а теперь имеется становление, ставшее спокойной простотой.

Что мы знаем про это спокойное и простое? Что *оно есть*. А раз оно есть, *оно, следовательно, бытие*. Если бы его не было, оно было бы ничто, а оно есть, значит, оно бытие. Какое? Чистое? Нет. Какое же оно чистое, если оно вышло из становления путем его отрицания. Это в начале было чистое бытие, а мы уже далеко не в начале: были чистое бытие, которое переходит в чистое ничто, чистое ничто, которое переходит в бытие, обнаружилось движение исчезновения одного в другом, бытия в ничто и ничто в бытии – становление, в становлении мы различили возникновение и прехождение как его моменты, как ничто и бытие в становлении, отметили их разность, исчезновение этой разности, следовательно, исчезновение становления, в результате чего *становление стало спокойной простотой*. Следовательно, это бытие мы уже никак не можем называть чистым. А какое оно? Какое? Название можно вывести? Нет. Поэтому открываем книгу «Наука логики» и видим, что бытие, полученное как результат отрицания становления называется ставшим или **наличным бытием**. То есть какое это бытие? Наличное. То, которое есть налицо в результате отрицания становления. Наличное бытие. То есть логически что произошло? Было становление, а теперь у нас бытие. Какое? Наличное. Наличное бытие есть результат отрицания становления.

Таким образом, мы имеем наличное бытие как результат отрицания становления. Но обратим внимание на то, что если оно результат отрицания, значит, диалектическое отрицание есть такое отрицание, в результате которого появляется что-то новое. То есть не зряшное отрицание, не растаптывание, не абстрактное уничтожение, а отрицание как способ порождения нового бытия. В результате отрицания становления появилось новое бытие. То есть такое отрицание связано с утверждением нового, в котором в то же время сохраняется и удерживается старое, поскольку путем отрицания из этого старого получается новое. Не отталкивание просто, не отбрасывание старого содержания, а *отрицание с удержанием*, как говорит Гегель. Или удержание в отрицании. И вот такое *отрицание с удержанием* само по себе является очень важной категорией и называется эта категория *снятием*. ***Снятие – это отрицание с удержанием. Наличное бытие есть результат снятия становления.***

Теперь можно обратиться к примерам. Мы знаем пять способов производства – первобытнообщинный коммунизм, рабовладельческий способ производства, феодальный способ производства, капиталистический способ производства и коммунистический способ производства. Социалистического способа производства нет. Никакого отдельного социализма нет, это просто низшая фаза коммунизма. Это можно прочесть в работе «Критика Готской программы» Маркса, или у Ленина в книге «Государство и революция». К сожалению, обнаружилось, что многие члены КПСС, которые проходили партийную учебу, почему-то этого не знали. Соответственно, когда изучали становление социализма, учили, что есть пять укладов в переходный период – патриархальный, мелкобуржуазный, частнокапиталистический, госкапиталистический и социалистический. А у Ленина в работе «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» пятый уклад называется

коммунистическим. Потому что способ производства, который становится, идя на смену капитализму, и соответствующая ему формация коммунистические, а не социалистические. Социализм – это незрелый коммунизм. Соответственно, когда речь идет о переходе от капитализма как одной формации к другой, более высокой, от капиталистического способа производства к другому, более высокому, можно сказать, что коммунизм есть снятие капитализма, и это снятие происходит в переходный период от капитализма к коммунизму. Когда, следовательно, в нашей стране коммунизм был построен, в какие примерно годы он стал ставшим, стал не одним из укладов, как это было в переходный период, а стал наличным бытием? Известно, что социализм в СССР был построен к середине 30-х годов. Но что значит социализм был построен? Социализм – это ведь не отдельная формация, а лишь низшая фаза коммунизма или, можно сказать, что это коммунизм в его низшей фазе. Поэтому можно сказать, что в середине 30-х годов в СССР наступил коммунизм, поскольку с завершением коллективизации собственность на все основные средства производства стала общественной. Правда, известный своим ревизионизмом Н.С.Хрущев, будучи первым секретарем ЦК КПСС, в связи с принятием новой, антиленинской Программы партии на XXII съезде КПСС, в 1961 году рассказывал нам, что через десять лет после него у нас будет коммунизм. А оказалось, что в результате отказа от главного в марксизме – учения о диктатуре пролетариата и последовательного проведения ренегатской политики через двадцать лет появился капитализм.

Что такое коммунизм? Это снятие капитализма, происходившее в переходный период от капитализма к коммунизму. А коммунизм был в переходный период? Был. Как что? Как момент переходной экономики, то есть как коммунистический уклад. А были еще капиталистический уклад, патриархальный, мелкобуржуазный и госкапиталистический. Как уклад, как момент переходной

экономики, коммунизм возник сразу после национализации основных средств производства, но наличным бытием он стал по окончании переходного периода. А окончание переходного периода чем определяется? Уничтожением частной собственности. Поэтому коммунизм и может быть выражен одной фразой – уничтожение частной собственности. Некоторые люди, которые не знают диалектики, понимают это как разрушение частной собственности. Однако разве так надо понимать уничтожение? Уничтожение – это превращение в ничто. А что значит превратить частную собственность в ничто? Это значит перейти к общественной собственности. А не сломать и не разбить объекты, находившиеся ранее в частной собственности, как в свое время луддиты ломали машины. Вот поэтому интересно отметить, что даже Интернационал не вполне диалектически поют некоторые товарищи – «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим». В более раннем переводе стояло – «Весь мир насилья мы разроем, до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим». И более диалектически и с соблюдением рифмы: «разроем – построим». Ведь созданная при капитализме крупная машинная индустрия – это материальная основа социализма? Разве надо уничтожать эту машинную индустрию? Диалектический метод обязывает подчеркнуть, что ничто бесследно не исчезает и не уничтожается бесследно. Об уничтожении можно говорить лишь в смысле снятия.

Таким образом, уничтожение понимается не только как отрицание, но и как удержание. Диалектическое отрицание – это всегда снятие. В этом смысле рабовладение отрицало первобытнообщинный коммунизм – и это в целом было прогрессом, шагом вперед. Развитие человечества при имевшемся в то время уровне производительных сил означало, что только представители нетрудящегося класса занимались наукой и культурой, а трудящиеся, рабы, только добывали хлеб насущный.

Следы рабовладельческой идеологии наблюдаются и в наши дни. Как остроумно отмечал профессор СПбГУ Б.Р.Рященко, один из зачинателей социального планирования, есть такая любопытная концепция любимой работы. Вот я люблю быть дирижером. А вы любите быть дояром. И дети мои будут дирижерами и дети детей, а ваши – доярами. С таким ведущим к загниванию порабощающим людей разделением труда боролся даже Петр I, введя институт служилого дворянства, чтобы те, кто себя проявил на службе Отечеству, мог получить звание дворянства за свои заслуги, хотя и не был дворянином по крови.

Итак, к чему мы пришли в результате рассмотрения категории становления? Мы пришли, во-первых, к тому, что эта категория выражает беспокойное единство бытия и ничто, борьбу возникновения и прехождения как моментов становления. Эта категория, являясь всеобщей, относится ко всему и, конечно, применима и ко всем социальным процессам. Ведь социальное становление – это становление, но в общественной форме, применительно к обществу. Вот что такое социальное становление. Во-вторых, мы разобрались, как успокаивается это беспокойное единство, что выражается категорией наличного бытия. Давайте теперь выясним, когда оно успокоилось, и имеет место наличное бытие, пропало ли совсем становление? Пропало или нет? Для ответа на этот вопрос берем наличное бытие и смотрим. Оно есть. Причем оно есть как результат снятия становления. Значит, для того чтобы понять, что такое наличное бытие, надо вспомнить его становление. Становление есть в наличном бытии, в нем, в содержании этой категории. Как в каждом человеке есть его родители, а он есть результат их снятия. Более того, в том новом что родилось, содержится все предыдущее. В каждом из нас есть вся история. Как что? Как становление. И хотя в становлении есть и бытие и ничто, в наличном бытии налицо только бытие. В истории человечества в качестве такого наличного бытия может выступать

или рассматриваться государство, общество, основанное на том или ином способе производства, тот или иной исторический деятель и тому подобное. И в каждом таком наличном бытии есть становление, а в становлении есть ничто. Поскольку наличное бытие есть результат снятия становления, а в становлении есть не только бытие, но и ничто, в наличном бытии есть ничто, хотя оно и не налицо. И вот это *ничто в наличном бытии называется небытием*. И это верно, разумеется, по отношению ко всякому социальному наличному бытию.

Еще раз воспроизведем логику наших рассуждений. Мы рассматривали становление. Становление оказалось единством бытия и ничто. Но каким единством? Беспокойным единством бытия и ничто. И вот в силу того что разность бытия и ничто в становлении исчезает, а становление только и есть благодаря этой разности, становление исчезает. То есть исчезает беспокойное единство бытия и ничто. Раз беспокойное исчезает, что получается? *Спокойное*. А поскольку единство тоже исчезает, получается простота. Не единство неких составляющих это единство, а *простое*. Вот это спокойное и простое называется, как мы с вами уже знаем, наличное бытие. Наличное бытие как результат снятия становления. Результатом снятия становления является бытие, которое не является тем чистым бытием, с которым мы имели дело в начале. Мы должны называть его по-другому, и оно называется наличным бытием. Оно не только называется наличным бытием, но и по смыслу является таковым – налицо только бытие. И эта односторонность и абстрактность не может не вызвать некоторого подозрения у тех, кто освоил хотя бы азы диалектики. Мы подозреваем, что не бывает такого бытия, чтобы в нем каким-либо образом не было бы запрятано ничто. Мы уже предполагаем, что если с виду есть что-нибудь только хорошее, значит, жди какого-нибудь подвоха. То есть как диалектики, изучившие хотя бы только категорию становления, мы должны все время размышлять, искать,

нет ли в рассматриваемом положительном отрицания, как и наоборот, нет ли в отрицательном чего-нибудь положительного. Но налицо что у нас? Бытие. Наличное бытие. Что мы тогда делаем? Мы начинаем разбираться в этом бытии. Как мы можем в нем разбираться? Что мы знаем про наличное бытие? Ничего мы не знаем, кроме того, из чего оно произошло. Обратим внимание на то, что это исторический подход, в его наичистейшем виде – в философском. Самый чистый исторический подход. То есть если вы хотите понять какое-либо наличное бытие, что нужно сделать? Обратиться к истории его возникновения. Откуда взялось это самое наличное бытие? Оно результат снятия становления. А снятие это что такое? Это отрицание с удержанием. Раз наличное бытие – это результат снятия становления, значит, в наличном бытии, в содержании этой категории есть становление, а с ним и ничто. Ничто. Почему? Потому что в становлении есть ничто. Вывод: в наличном бытии есть ничто. Но это не такое ничто, которое было в становлении. В становлении они на равных были – бытие и ничто. Бытие переходило в ничто, ничто переходило в бытие, одно превращалось в другое. А здесь спокойное и простое бытие. Значит, это ничто не налицо, а **в** этом спокойном и простом. Можно о нем узнать, но оно не налицо. Нельзя его увидеть, но мы его нашли. И вот **такое ничто, которое в наличном бытии, называется небытием.**

Небытие не следует путать с *ничто*. Есть люди, философски необразованные, но очень бойкие, которые беспорядочно употребляют философские понятия, им все равно, что ничто, что небытие, что определение, что определенность. Им важно, чтобы видна была их ученость. Это про них один из чеховских героев говорил: «Они свою ученость хотят показать». Но мы с вами преследуем другую цель – не показать ученость, а получить ученость. И то, что в наличном бытии есть небытие, мы зафиксировали.

Позвольте сделать здесь философскую остановку и вернуться к социально-историческим вопросам. Зафиксируем, когда в СССР, России закончился переходный период от капитализма к коммунизму и коммунизм стал наличным бытием. В середине 30-х годов XX века. Что является критерием? Комунист значит общий. Для того чтобы можно было сказать, что способ производства стал коммунистическим, что для этого нужно иметь? Для этого нужно, чтобы собственность на решающие средства производства стала общественной, собственностью общества. Это произошло после коллективизации. Пока коллективизация не завершилась, у нас было как бы два экономических базиса. Один в городе – коммунистический. А другой в деревне – частный, и частнокапиталистический в том числе. После коллективизации возникла единая *общественная собственность* или *собственность общества*, но в двух формах. В городе в виде государственной собственности или собственности государства рабочего класса. А в деревне в виде собственности кооперативов. Но в деревне была и государственная собственность – на средства производства, сосредоточенные в машинно-тракторных станциях. Та новая техника, которая поступала в деревню, она оставалась в собственности государства. И в деревне были представители рабочего класса, сосредоточенные в машинно-тракторных станциях. Наличие этих машинно-тракторных станций, наличие в руках рабочего класса решающих средств производства, которые используются в сельском хозяйстве, обеспечивало подчинение и сельскохозяйственного производства, как и промышленного, тоже общественным интересам. А как определить, какая собственность имеет место? По названию? Если написано «общественная собственность», это значит общественная собственность? Нет. Козьма Прутков писал: «Если на клетке слона написано «буйвол» – не верь глазам своим». Если написано «общественная собственность», а отдельные члены общества используют ее в

своих интересах, то эта собственность – частная. Поэтому весь вопрос в том – подчинялось ли производство в целом общественным экономическим интересам или нет.

Общественные интересы в современную эпоху выражает рабочий класс, который не может улучшить свое положение, не улучшив положение крестьянства и интеллигенции. Возможно ли улучшение положения рабочего класса, если его не лечат или не учат его детей? Невозможно. Возможно ли улучшение положения рабочего класса, если село захиреет и не будут производиться самые необходимые предметы потребления, предметы питания? Невозможно. А для того, чтобы представить себе не что хочет тот или иной рабочий, а что *выгодно* рабочему классу, нужно определить, что способствует улучшению его положения. Объективно улучшение положения рабочего класса способствует улучшению положения и крестьянства, и интеллигенции. А вот эти два социальных субъекта могут улучшить свое положение и без улучшения положения рабочего класса. Например, крестьянство может улучшить свое положение за счет повышения цены на хлеб, а жизненный уровень рабочего класса при этом упадет. За счет рабочего класса может улучшить свое положение относительно немногочисленный слой интеллигенции.

Подчеркнем, что вопрос не в том, о чем думает тот или иной рабочий, и не в том, о чем думают представители крестьянства и интеллигенции. Вопрос в том, каковы их экономические интересы. Так что же такое экономические интересы? Прежде всего обратим внимание на то, что слово интерес используется в разных науках по-разному. Что понимается под интересом в психологии? Если вы сейчас на меня смотрите, то я предмет вашего интереса, то есть вы сконцентрировали свое внимание на мне. Интерес в психологии – это просто концентрация внимания на каком либо объекте или удовлетворении каких-либо потребностей. Поэтому говорят: «Я интересуюсь пением, я интересуюсь чтением, я перестал

интересоваться рисованием». То есть это субъективные интересы, выражение воли человека, правильно? Раньше интересовался, теперь не интересуюсь. Раньше Вы мне были не интересны, а теперь наоборот – Вы мне особо стали интересны. Или говорят: интересная женщина, интересный мужчина – что хотят сказать? Что они – интересно рассказывают? Нет, просто привлекают к себе внимание, вот и все. Какое управление в языке имеет эта категория? Интерес *к* чему-либо, интерес *к* кому-либо. Эта категория, будучи категорией психологии, не имеет ничего общего с категорией экономических интересов. Потому что категория *экономические интересы* характеризует не сознание человека, а его бытие. Это такая характеристика экономического бытия, характеристика положения людей в системе производственных отношений, которая показывает, что им выгодно. Иными словами, *экономические интересы – это такая характеристика положения людей в системе производственных отношений, которая показывает, какие действия или изменения их положения в системе производственных отношений улучшают их положение и в какой мере.* Не что я думаю по поводу того, что мне выгодно, а что улучшает мое объективное положение, независимо от того, что я по этому поводу думаю. То есть в понятии экономических интересов нет ничего от психологии и ничего от сознания. Это сугубо объективная характеристика положения людей в системе производственных отношений. Например, что выгодно потребителю? Чтобы то, что он потребляет, было хорошего качества. Или вам выгодно, чтобы это было плохого качества, нет? Другой пример. Некоторые наивные люди спрашивают, когда им повысят зарплату. Что такое зарплата? Рабочий продает капиталисту свою рабочую силу, то есть способность к труду. Заработная плата – это цена рабочей силы. Что выгодно покупателю рабочей силы? Что ему объективно выгодно в силу того, что он покупатель? Купить рабочую силу как

можно дешевле. Отсюда ясен ответ на вопрос о том, когда повысят зарплату. Правильный ответ – никогда. Ну, как может по своей инициативе покупатель, ни с того, ни с сего, взять и повысить цену на то, что он покупает? Некоторые думают, что капиталисты плохие. Да нет, они просто нормальные покупатели, которым не может такое в голову прийти, чтобы взять и повысить цену на то, что они покупают. Поэтому, как правило, повышение заработной платы является результатом того, что рабочие как продавцы рабочей силы для успешной борьбы за ее повышение объединяются в союз продавцов. Кстати, союз продавцов рабочей силы одной и той же профессии соответственно и называется – профессиональный союз. Это своего рода монополия продавцов рабочей силы, которая способна противостоять монополии ее покупателей.

В общественной жизни многое можно понять, если заниматься изучением объективных экономических интересов. Со всяким изменением положения людей в системе производства связаны их экономические интересы. Одни изменения более, другие менее выгодны. С одними изменениями связаны коренные изменения экономического положения, с другими – побочные и сиюминутные. Соответственно различают борьбу за коренные интересы и за побочные, сиюминутные. С этим различием связано известное определение оппортунизма. Оппортунизм от какого слова? От английского слова оппотьюнити, что в переводе на русский означает возможность. Дескать, человек делает, что может, и большего от него ни желать, ни тем более требовать нельзя. Так почему же оппортунистов клеймят как изменников коренным интересам класса на том основании, что они приносят эти интересы в жертву побочным и сиюминутным? Да потому, что борющиеся за интересы своего класса должны все время выходить за свой предел, развиваться. А если они будут делать только то, что *сейчас* могут,

они не смогут помочь или даже помешают борьбе за коренные интересы класса.

Развивающиеся люди все время делают то, что не умеют. Ученые, например, должны добывать все время новое, то есть то, что не знают. Но это, так сказать, философская трактовка вопроса. А экономическая и политическая какая? Оппортунист удовлетворяет какие-то свои интересы, но не коренные. В.И. Ленин довольно интересно определял оппортунизм. Он писал, что оппортунист не предает своей партии, не отходит от нее, он искренне и усердно продолжает служить ей. Но его характерная черта – податливость настроению минуты, неспособность противостоять моде, беспринципность и бесхарактерность, принесение коренных интересов движения в жертву побочным и сиюминутным. То есть он делает нужные, хорошие, полезные вещи, в том числе и для партии, а коренные вопросы не решает. Оппортунистов надо в какой партии искать? В своей или чужой? В своей. Оппортунист – это оскорбление или нет? Да нет, очень трудно не быть оппортунистом. Вот человек хочет что-либо хорошее написать, что-то важное и большое сделать, а тут накатываются всякие текущие дела, полезные и нужные, они все время накатываются, а вы думаете – эх, хорошо бы вот «Науку логики» прочитать или другие гениальные произведения, да ведь некогда же. Так всю жизнь и некогда. Одни все время читают только мелкие вещи и становятся мелкими людьми, а другие читают великие вещи и становятся великими людьми. А как еще иначе? Тут по-другому не получается. То есть оппортунизм это не столько вина, сколько беда, если мы боремся со своим оппортунизмом, а бороться с ним нелегко. То есть это проблема – вечное противоречие. Мы его и разрешаем. Трудно его разрешать, но надо. Хотя не получается решать всегда в пользу коренных интересов, иногда приходится в пользу сиюминутных.

Обратимся снова к рассматриваемому примеру наличного бытия – к наличному бытию коммунизма. Что должны сказать про него диалектики? Раз это наличное бытие коммунизма, значит, в нем есть что? Его небытие. А что такое небытие коммунизма, скажите, пожалуйста? Какое там было ничто? Боролись какие два главных уклада? Коммунистический и капиталистический, буржуазный. Значит, могу я сделать вывод, что при коммунизме после переходного периода, в наличном бытии коммунизма есть и его небытие. Как вы думаете, знали это люди, которые законно радовались, построив социализм? Да, вступили в коммунизм. Он стал наличным бытием. А в наличном бытии есть его небытие. Так что тем, кто коммунизм как наличное бытие построил, необходимо не почивать на лаврах, как это началось с хрущевского периода, а развивать неполный коммунизм в полный, борясь с небытием коммунизма в коммунизме. Но это особая борьба, не похожая на борьбу в переходный период. Потому что то, что является не внешним отрицанием, а отрицанием в чем то, нельзя просто хирургически вырезать. Аппендицит можно вырезать. Но бюрократизм, например, разве можно вырезать? А бюрократизм относится к небытию коммунизма в коммунизме. Ведь в чем природа бюрократизма? В подмене государственных интересов личными интересами чиновника, которые отнюдь не во всем совпадают с интересами посетителей.

Таким образом, если мы будем как обществоведы рассматривать коммунизм, мы не будем представлять его лишенным отрицания и, следовательно, лишенным противоречий. А противоречий без борьбы не бывает. Коммунизм, возникший по окончании переходного периода, – это такой, который во всех отношениях в экономическом, нравственном и умственном несет отпечаток того строя, из которого он вышел? И вот такой коммунизм с капиталистическим небытием, коммунизм, вышедший из капитализма и содержащий в себе капиталистическое небытие,

называется социализмом. Социализм, следовательно, – это не полный, не развитый, не зрелый коммунизм. То есть такой коммунизм который еще только вышел из капитализма и во всех отношениях – экономическом, нравственном и умственном носит отпечаток того строя, из которого он вышел. А если бы он такой отпечаток носил только в экономическом отношении, то поскольку экономика – это основа общества, то, значит, он носил бы такой отпечаток и в нравственном, и в умственном отношении. В чем проявляется этот отпечаток? Во-первых, в том, что непосредственно общественной природе социализма противоречит товарность как отрицательный момент экономики социализма. Во-вторых, хотя как наличное бытие коммунизм – это строй социального равенства, строй бесклассовый, но неравенство уничтожено еще не полностью и не полностью уничтожено деление общества на классы. Социальное неравенство остается между мужчиной и женщиной, между городом и деревней, между людьми физического и умственного труда. Социализм – это бесклассовое общество, в котором классы полностью еще не уничтожены. Отсюда ленинская диалектическая формула социализма: ***социализм есть уничтожение классов***. Если коммунизм – это бесклассовое общество, значит, незрелый коммунизм это незрелое бесклассовое общество, то есть такое, в котором еще деление на классы полностью не уничтожено. Оно во многом уничтожено, но не полностью. Это одно из выражений и проявлений того, что социализм – это неполный коммунизм.

После переходного периода от капитализма к коммунизму возникает бесклассовое общество, но как наличное бытие с небытием. А в чем небытие бесклассового общества? В том, что классы еще полностью не уничтожены. Как об этом сказать, и чтобы не получилось, что социализм якобы классовое общество? Те, кто Гегеля читал, могут это сделать. Вот почему Ленин, который штудировал «Науку логики» в 1914 году, в «Великом

почине» и записал, что социализм есть уничтожение классов. В чем диалектическая природа этой формулы? Если социализм – это уничтожение классов, то, следовательно, социализм – общество бесклассовое. То есть деление на классы и социализм – это противоположности. Либо деление на классы в своем развитии уничтожит социализм, либо социализм в ходе своего развития уничтожит деление на классы и станет полным коммунизмом. Мы должны констатировать, что происходивший в Советском Союзе с начала 60-х годов процесс возвратного классовообразования уничтожил социализм. А почему это произошло? В том числе и потому, что сидевшие на самом верху первые и генеральные секретари представляли социализм в корне ошибочно – как классовое общество. Ну, если оно классовое то и развиваться ему надо помогать как классовому. Вот оно и развилось до антагонистических классов. Нечего поэтому удивляться, откуда взялись бедные и богатые, нищие и бомжи.

Это многоликое небытие коммунизма мы можем представить в разных ипостасях, в зависимости от того, противоречия каких сфер общества будем рассматривать в низшей фазе коммунизма. Но после вышесказанного, я думаю, понятно главное: если это коммунизм в первой фазе, то в нем есть его отрицание, его Небытие. Отсюда противоречие между коммунистической природой социализма и его отрицанием, связанным с его выхождением из капитализма. То есть антикоммунизм в коммунизме есть в первой фазе? Есть. Это пассивное такое небытие или тоже борется? Такого не бывает, чтобы одна сторона противоречия боролась с другой, а другая пассивно ожидала, когда ее поборют. Противоречие – это единство и борьба противоположностей, причем единство лишь относительно, а борьба абсолютна. Коммунизм борется с отпечатками капитализма. А отпечатки капитализма что, не борются с коммунизмом? Это точка зрения полуслепого человека, слепого на один глаз, если я

вижу только, что я борюсь, и не вижу, что со мной тоже борются. В таком положении находились люди, построившие коммунизм, и вместо борьбы за перерастание социализма в полный коммунизм с противоположными тенденциями как ни в чем не бывало продолжавшие рассуждать сначала о строительстве коммунизма, а затем, что социализм у нас уже развитой, хотя понятие социализма именно в том, что это неразвитый, незрелый, неполный коммунизм. Если мы откроем книжки по истории Советского Союза, то почти везде написано что, построив социализм, в СССР стали строить коммунизм. Так ведь за переходный период был построен коммунизм, зачем опять его строить? Оттого у нас все время была стройплощадка? А на стройплощадке всегда стекла, камни, грязь. Пойдите на любую стройплощадку и увидите, что это такое. И бесконечный долгострой вряд ли должен вызывать положительные эмоции. А тут еще и перестройка! М.С.Горбачев чем знаменит? Тем, что он построенное призвал перестраивать. А вы еще не перестроились? Надо перестроиться. Вот достигли вы прекрасного, нет, это прекрасное надо переделать. А когда вы прекрасное переделаете, что будет? Безобразное. И вот этим знаменит Михаил Сергеевич, что он хорошее пустил на уничтожение. Что у нас медицина лучше стала или хуже, чем была? Хуже. А наука? Лучше стали жить ученые? Думают, как прожить. А культура как? Ну, а про образование уже нечего и говорить. Министерство образования и науки, сокращенно Минобразин, у нас работает над тем, чтобы не было образования. Как не вспомнить тут то, что Ленин писал о перестроечном зуде: *«У нас ужасно много охотников перестраивать на всяческий лад, и от этих перестроек получается такое бедствие, что я большего бедствия в своей жизни и не знал... Не перестраивать, а, наоборот, помочь надо исправить те многочисленные недостатки, которые имеются в советском строе и во всей системе управления, чтобы помочь десяткам и миллионам людей»*.¹ Горбачевская

---

¹ В.И.Ленин. Полн. собр. соч. Т. 44, с. 326.

перестройка на деле оказалась перестроем – изменением общественно-экономического строя, переходом от коммунизма к капитализму, а сам Горбачев показал себя живым воплощением небытия коммунизма при коммунизме, антикоммунистом на посту генерального секретаря коммунистической партии.

Значит, антикоммунизм при социализме есть как его небытие. Если капитализм – это товарное хозяйство, то коммунизм – нетоварное. Это непосредственно общественное хозяйство. Но социализм – это коммунизм в первой фазе, непосредственное бытие коммунизма как его наличное бытие, ставшее как результате снятия своего становления. Поэтому в нем есть небытие непосредственно общественного хозяйства. Это товарность. Она, конечно, не в виде отдельного товарного производства, наличное бытие одно – коммунистическое, непосредственно общественное, но товарность в нем есть, и она является отрицанием непосредственно общественного коммунистического производства.

Что значит непосредственно общественное? Это значит, что не посредством обмена, а *непосредственно* продукт выступает как общественный продукт. А в товарном производстве частный продукт посредством обмена становится общественным. Таким образом, социалистическое производство как наличное бытие – непосредственно общественное производство, а в нем есть его небытие – товарность. Поэтому взять курс на рынок, чего добился Горбачев, означает взять курс на небытие непосредственно общественного производства. И когда пришли к рынку, то есть превратили непосредственно общественное производство в товарное, не стало непосредственно общественного производства и началось уничтожение общественной собственности – приватизация. Придумал ведь Чубайс – дать каждому по ваучеру и тем самым сделать его соучастником уничтожения общественной собственности. Если человек получил ваучер, он тем самым как бы совершил акт отказа от своей собственности. На что? На все – на

землю, на недра, на нефть на газ, на все богатства страны. А за ширмой ваучеризации путем залоговых аукционов ничтожное меньшинство присвоило народное богатство. Вот Абрамович, он что – великий изобретатель, инженер, организатор производства? Есть такой в интернете рассказ, как Владимир Владимирович собрал олигархов – Ну, господа олигархи, вы понимаете, что за столь короткое время законным путем так сильно разбогатеть невозможно. Значит, вы – назначенные олигархи. А раз так, – и ведите себя соответственно, вот как Абрамович, например, который обогревает Чукотку. А вот гражданин Ходорковский решил, что он не назначен, что он якобы сам так много сделал, такую мощную империю сделал нефтяную. Теперь он шьет левую варежку под Читой. Кто хочет шить правую варежку? Желающих нет. На этом наше заседание считаю закрытым.

Где в наличном бытии небытие? Оно не налицо, но оно в нем. Где отрицание коммунизма, являющегося снятием своего становления, имевшего место в переходный период? Оно не налицо, но оно в коммунизме. А это удивительно, что в коммунизме есть отрицание коммунизма, удивительно? Для человека, не привыкшего к восприятию диалектических истин, может быть, и удивительно. Но разве удивительно, что наши недостатки, то есть наше отрицание, наше небытие – в нас, а не в других людях. Где родимые пятна капитализма в коммунизме искать? В коммунизме и искать, не в капитализме же их искать. Что вы все время капитализм критикуете, займитесь своим делом. Ну, а если люди, большинство людей не видят в коммунизме капиталистического, то этот невидимка действует, не встречая сопротивления и должен взять вверх. Он и взял.

Коммунизм – планомерное хозяйство? Да. А стихийность в нем есть? Есть. И это связано не только с тем, что при составлении планов все познать и запланировать невозможно, да и не нужно. Дело в том, что план – это директивное выражение общественных

интересов, а в экономике действуют и другие интересы, следование которым разрушает планомерность. Значит, эта стихийность является отрицанием планомерности? Стихийность есть при коммунизме, в его первой фазе, или только планомерность? Да есть, сколько угодно. Абсолютной планомерности вообще не может быть, она и при полном коммунизме будет в какой-то мере.

В книгах про СССР можно прочитать, какой была хорошей система социалистического управления. Это коммунистическое управление? Да? Не совсем, правда, поскольку оно государственное. А слово «государственная» прямо говорит, что это система правящего с помощью государства класса. И управляет этот класс в борьбе с тем, что противоположно этому классу, с мелкобуржуазностью, которой подвластны многие члены общества, в том числе передового класса, и состоящие у него на службе чиновники. Так в этой системе социалистической, в системе планового, централизованного управления, в ней небытие есть или нет? Есть. Карьеризм есть? Есть. Иногда называют систему централизованного управления бюрократической. Это неправильно. Система не бюрократическая, но в ней есть бюрократизм. Причем бюрократизм – это не нарыв, который можно вырезать, а болезнь, которую нужно долго лечить. Как эту болезнь излечить? А вот будет социальное равенство, будет всеобщее участие в управлении, отомрет государство, государственное управление превратится в общественное самоуправление, – не будет и бюрократизма. А если есть государство, то есть и бюрократизм. Бывают государства без соответствующих государственных болезней? Не бывает. Это как бы профессиональная болезнь.

Хорошо было бы, если вышесказанное люди понимали раньше. Но так удобно жизнь не устроена. Имеет место отставание сознания от бытия. Вот, например, в 1986 году у меня вышла книга, которая называется «Планомерное разрешение противоречий развития

социализма как первой фазы коммунизма», где я доказывал, что тенденция к разрушению социализма, его уничтожению – это тоже объективная тенденция. Книгу мою долго не выпускали, на целый год задержали, товарищ Михлин, заместитель главного редактора Издательства Ленинградского университета, начал доказывать, что она против Программы партии и против Конституции, из чего следовало что меня надо исключить из партии и посадить в тюрьму. Но я, вооружившись диалектикой, боролся с этим Михлиным весьма успешно, преодолел попытки заволоклить издание путем затягивания редактирования. Довольно интересная была история, и мне на своем опыте удалось усвоить, что при социализме идет довольно острая борьба, и поэтому расхожее представление, что нет никакой борьбы при социализме, оказалось совершенно неверным. Я отказался от срывавшего выпуск редактора, и главный редактор Н.А.Захарова завершила редактирование моей книги. Очень хорошо шла работа, она человек толковый. В 1986 году вышла книга, в 1987 году я защитил докторскую диссертацию на философском факультете Ленинградского университета, меня вызвали для доклада в Высшую аттестационную комиссию, затем ВАК меня направила на перезащиту в Институт философии АН СССР, где я успешно перезащитился, и в 1989 году ВАК присвоила мне степень доктора философских наук. Короче, я доказал, и это официально признано признано, что есть объективная тенденция к уничтожению социализма в самом социализме, и к 1995 году, когда я получил ученое звание профессора, эта объективная тенденция, которую упорно не желали замечать, будучи ослеплены ревизионистской концепцией развитого социализма, социализм все-таки разрушила.

Многие люди эту негативную тенденцию чувствовали, но в теории это долгое время выражено не было, что демобилизовало и партию, и страну, и народ в целом. К сожалению, в идеологии господствовали метафизика и механицизм. Многие экономисты с

подачи Абалкина пытались построить хозяйственный механизм. Но кто-нибудь видел механизм с головой? Не бывает механизма с головой. Зато бывают безмозглые головы, которые хотят крупные общественные проблемы решить, не обращаясь к диалектике.

Почему порядочные люди проигрывают в жизненной борьбе? Как вы думаете, почему? Потому, что не учитывают, что жизнь – это борьба. Порядочные люди относятся к подлецам, как к порядочным людям. А подлецы – к порядочным людям? Как к подлецам. А как надо из этой ситуации выйти? Порядочные люди должны относиться к подлецам, как к подлецам. Тогда порядочные люди будут выигрывать. Но это большая школа. Знаете, как трудно так себя вести? То есть надо вместо того, чтобы улыбаться подлецу, взять его за шиворот и выкинуть. Так это порядочные люди сплошь и рядом делать не умеют. Пользуясь этим, подлецы отвоевывают себе позиции. Но ведь если общественные противоречия разрешаются борьбой, что нужно делать? Бороться. Другого способа победить нет. И очень часто мы наблюдаем, что люди хорошие проигрывают. Как я это ему скажу, да как я ему это сделаю? А тот у него отбирает, забирает, при этом грубит, хамит – и его не останавливают. Вывод очень простой. К подлецам надо относиться, как к подлецам. Простой запоминающийся вывод. А нас чему нередко учат, да еще со ссылкой на авторитеты? Говорят, чтобы вы относились к другим так, как вы бы хотели, чтобы они относились к вам. Я к нему хорошо отношусь, а он взял палку и меня по голове ударил. А религия дальше учит – если вас ударили по одной щеке, подставьте другую. Жалко нет третьей, а то бы порекомендовали еще и третью подставить. И перед лицом этих рекомендаций и советов беззащитными оказываются те, кто диалектику учил не по Гегелю.

Приведенные примеры иллюстрируют то обстоятельство, что всеобщие категории, даже такие простые, как становление и наличное бытие, могут служить и служат одним из инструментов

решения теоретических и практических социальных проблем. Вооружившись знанием того, что результатом снятия становления является наличное бытие, мы в отношении каждого общественно-экономического строя должны строго различать период его становления и его историческое наличное бытие. Был период становления капитализма, и в наличном бытии капитализма мы можем усмотреть следы его выхождения из феодализма. Что, разве не ведут себя некоторые капиталисты как бары? Да у нас даже при социализме некоторые из называвших себя коммунистами вели себя как бары, так чего удивляться тому, что капиталисты ведут себя как бары. И чтобы им объяснить, что он не барин и что есть законы капиталистического общества, которые в том числе защищают и интересы наемных работников, рабочим приходится вести стачечную борьбу. В Англии принятия обуздывавшего отдельных капиталистов фабричного законодательства добились не забастовками, там тогда еще не организовался рабочий класс настолько, чтобы самому себя защищать. Капиталисты поняли, что если они хотят получать прибавочную стоимость, надо чтобы не вымер тот рабочий класс, который они эксплуатируют. Сначала запретили брать на работу малолетних детей, если родители возражают. Но по-прежнему процветали детский труд и безработица взрослых, поскольку детям за тот же труд платили вдвое меньше, а взрослых старались на работу не брать. Многие семьи рабочих жили только за счет детского труда, и капиталистам нетрудно было получить согласие родителей на привлечение к работе их малолетних детей. Тогда ввели закон против родителей, которые отдают своих детей на работу, и только тогда эксплуатация детей прекратилась. Таким образом, при капитализме, после завершения переходного периода от феодализма к капитализму можно в капиталистическом наличном бытии найти капиталистическое небытие, связанное с выхождением капитализма из феодализма. Кстати, мелкая

буржуазия, в первую очередь крестьяне, может рассматриваться как небытие капитализма. Это и не наемный рабочий, и не капиталист, это мелкий хозяйчик, работающий на рынок. Одному из сотни, может, удастся выбиться в капиталисты, стать настоящим буржуа, а остальным девятью из десяти предстоит опуститься в ряды наемных рабочих. И то, что и сегодня в буржуазной России, при монополистическом капитализме некоторые мечтают о возрождении мелкого бизнеса, пропагандируют так называемую самозанятость, говорит лишь о том, что при капитализме в общественном сознании сохраняются следы позднего феодализма. Что такое мелкий бизнес? Вот вы купите козу и будете молоко продавать – это мелкий бизнес. Это не значит, что вы построите комплекс на тысячу голов, и у вас там себестоимость молока будет три рубля и будете иметь большую прибыль. Нет, вы будете с этой козой спать, потому что надо смотреть, чтобы она не сдохла и не погибли козлята. И на поддержку умирающего, вытесняемого в ходе капиталистической конкуренции мелкого бизнеса продолжают выбрасываться государственные деньги. А вот если вы почитаете «Капитал», то в нем написано, что с развитием капитализма для того, чтобы начать современное капиталистическое производство надо все больше и больше средств. То есть минимальный капитал, минимальный, который позволяет начать современное капиталистическое производство, с развитием капитализма увеличивается. И вот, как дети малые, сейчас занимаются чиновники на самых разных постах тем, чтобы за счет налогоплательщиков разводить то, что является небытием капитализма. Рассуждают про некий средний класс. Что такое средний класс? Средний – это и не богатый, и не бедный, никакой. А как можно класс выделять, по какому принципу? По положению в производстве или по доходу? По потреблению будем судить или по месту в системе производства? Что является коренным? Мы же разбирали вопрос об экономических интересах и знаем, что они

определяются не только уровнем доходов, а в целом положением в производстве. В одну кучу сваливаются высокооплачиваемые рабочие и интеллигенты, мелкие буржуа, менеджеры и маленькие капиталисты с доходом такого же размера, как у вышеперечисленных категорий. И вот мы всех в кучу соберем и скажем, что это средний класс. Смешаем это все в голове и назовем средним классом. Что от этого – настоящих классов не будет? Все равно будут. Есть буржуазия, есть рабочий класс, а есть всякие переходные слои. И есть мелкая буржуазия, которую стесняются называть мелкой буржуазией. А почему? Мелкий буржуа – это не маленький буржуй. Это вообще не буржуй. Это мелкий хозяйчик, работающий на рынок. С одной стороны, это трудящийся, с другой стороны, как мелкий хозяйчик он мечтает выбиться в люди, стать настоящим хозяином, капиталистом. Как мелкий буржуа он есть лишь капиталист в себе, в потенции.

Давайте уйдем еще глубже в историю человечества. Когда закончился переходный период от рабовладения к феодализму, разве при феодализме не было отпечатков предыдущего строя, разве не пытались некоторые феодалы убивать своих крепостных, как будто это их рабы? Это было? Было. В литературе есть масса тому свидетельств.

А при рабовладении были отпечатки первобытнообщинного строя? Ну, как им не быть тогда, если еще и сейчас есть отпечатки первобытнообщинного строя в виде довольно широко распространенной клановости.

Вывод: если мы начнем смотреть на историческое движение общества, то в этом движении истории, помимо конкретных ситуаций, которые могут и должны быть охарактеризованы категорией наличного бытия, выступающего как результат снятия становления, мы увидим и крупные исторические этапы, которые называются: наличное бытие первобытнообщинного коммунизма, наличное бытие рабовладения, наличное бытие феодализма,

наличное бытие капитализма, наличное бытие коммунизма, вышедшего из капитализма.

В Петербурге в 2011 году прошел большой праздник, посвященный падению крепостного права, была проведена конференция в Мариинском дворце. На ней лейтмотивом звучало, что в 1861 году мы освободились от рабства. Почему от рабства? От рабства Соединенные Штаты Америки освободились в 1865 году. А у нас-то освобождение произошло не от рабства, а от крепостничества. Что, не знают об этом люди, которые были на конференции? Говорят: от рабства. Почему от рабства? Это тоже впечатление, но уже на сознании людей, живущих в нынешнем капитализме. Все-таки рабство и крепостничество – это же разные понятия, и они очень сильно отличаются. У нас при крепостничестве Санкт-Петербург был построен – это сегодняшний исторический центр города, и этот исторический центр активно функционирует и одновременно охраняется как культурное наследие. Разве это все при рабстве было построено? Нельзя такими словами бросаться. Не при рабстве, а при крепостничестве. Рабы бы такие сложные архитектурные сооружения не построили. Рабы построили водопровод в Риме. А вот Исаакиевский собор не рабами построен, а крепостными, более свободными людьми.

С учетом сказанного выше мы можем сделать вывод, что категория наличного бытия как результата снятия становления – это та категория, которая в совокупности с другими позволяет нам истинным образом описывать этапы исторического движения.

СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ

Давайте продолжим логическое разворачивание категорий диалектики. Мы рассматривали наличное бытие и усмотрели в нем *небытие*. Есть разница, что рассматривать: *бытие*, в котором есть небытие, или *небытие*, которое есть в бытии. В последнем случае мы имеем *небытие, принятое в бытие так, что конкретное целое имеет форму бытия*. И вот когда мы делаем это небытие самостоятельным предметом рассмотрения, то это уже будет не просто небытие, а *определённость*. ***Небытие, принятое в бытие так что конкретное целое имеет форму бытия, называется определенностью***. Отметим, что слово *определенность* редко встречается в литературе. Мы там чаще встретим определение, признаки, свойства и что угодно, а определенность – нет. Видимо, потому, что это более простая категория. Берем книгу. Страница какого цвета? Белого. Но она зачернена. А можно сделать наоборот, на черном листе писать белым. Берем учебную доску. Доска зеленая, пишут белым. Для определенности. А если зеленым по зеленому писать? Белым по белому? Гегель говорил, что в абсолютном свете так же ничего не видно, как в абсолютной тьме. Вот философия, говорят, серым по серому излагает. Сова Минерва, которая олицетворяет философию, вылетает в сумерки. Поэтому какой-то яркости в самом философском исследовании, такой яркости, которую ожидают, открывая философскую книгу, люди не обнаруживают. Философские богатства – всеобщие и не выступают как разноцветное наличное бытие. Эти богатства прежде всего сущностные, внутренние, они не блещут вовне, до них надо еще добираться. Если вы какой-нибудь цветок разрежете, чтобы проникнуть в его внутреннюю природу, то там вряд ли вы

обнаружите что-либо внешне красивое. Философия изучает всеобщее, которое есть во всем, а конкретные проявления этого всеобщего изучают конкретные науки.

Итак, определенность. Мы эту категорию назвали и ею заинтересовались. Это какой интерес? Психологический. Заинтересовались, то есть сделали предметом своего отдельного, специального рассмотрения. То есть взяли определенность изолированно, саму по себе. Например, если объект нашего изучения – умный человек, то ум – это его определенность, и мы эту определенность человека делаем предметом специального рассмотрения, то есть берем изолированно, саму по себе. И вот ***такая определенность, которая берется изолированно, сама по себе, называется качеством.*** Иногда люди с апломбом пишут, что пользовались качественным анализом, но это означает лишь, что они пользовались самым простым, самым примитивным инструментом, хотя и совершенно необходимым. Если исследование проходило только на качественном уровне, то не только до сущности, но даже до количества не дошли, а ведь количество, как отмечал Гегель, – это более глубоко понятое качество.

Возьмем теперь для рассмотрения то, до чего мы логически дошли, то есть качество. Раз мы его взяли, то оно есть. А раз оно есть, то оно бытие. А какое бытие? Наличное, потому что оно не чистое, которое было в начале. Мы знаем, что наличное бытие есть результат снятия становления, в котором есть не только бытие, но и ничто. Наличное бытие поэтому служит масштабom для понимания односторонности качества, взятого только как безразличное бытие. Надо его взять как бытие в противоположность ничто и как ничто в противоположность бытию. И вот ***качество, взятое как бытие в противоположность ничто, называется реальностью.*** А ***качество, взятое как ничто в противоположность бытию, называется отрицанием.*** Одно и то же качество можно выразить

и как реальность, и как отрицание. Я вот сказал, что вы умный человек, но могу сказать, что вы не дурак. И вы с этим не поспорите, правда? Хотя я думаю, что каждый предпочел бы, чтобы про него сказали умный, чем про него сказали бы, что он просто не дурак. Потому что если я вас так начну представлять, что вы не дурак, никого не убили, ничего не украли, никому никакой гадости не сделали и буду долго рассказывать, перечисляя одни лишь отрицания, то после этого, возможно, от вас люди отойдут и не будут с вами больше здороваться. Хотя я вроде бы вас только хвалил. Не, не, не... Поэтому мы не должны путать реальность и отрицание, хотя это одно и то же качество, выраженное по-разному. Толстый значит не худой, если взять вопрос о фигуре. Отсюда и дилемма – раздобреть или похудеть. Вы видели толстых и злых? Очень редко. А чего им злиться, они хорошо покушали, в хорошем настроении. А худые – вечно голодные, думают, как бы съесть кого, а тут и вы как раз подвернулись, он, конечно, съесть вас не может, но вцепиться в вас хочется ему явно. Тем не менее, все хотят похудеть. В порядке шутки худых надо бояться, потому что где-нибудь худой нападет на тебя обязательно. Добрые, толстые вряд ли нападут, они же раздобрели. Наука выяснила, что для того, чтобы фигуру сохранить, нужно есть, иначе ее не сохранишь.

Теперь оставим шутки, и возьмем реальность и отрицание по отдельности и будем их рассматривать. А что нам делать? Что есть, то и рассматриваем, если мы последовательно движемся. Сначала рассматриваем реальность. Что мы прежде всего скажем про реальность? Что она есть. Берем реальность и получаем, что реальность есть. Значит, она бытие. А какое бытие? Понятно, что не чистое, а наличное бытие. У нас выбор небогатый. У нас пока рассмотрены только чистое и наличное бытие, вот и все. А наличное бытие есть результат снятия становления, значит, в нем есть небытие, то есть отрицание. Следовательно, в реальности есть отрицание. А если возьмем отрицание, то, значит, оно есть,

следовательно, оно бытие и тоже наличное. То есть в реальности есть отрицание, а в отрицании есть реальность. То есть различие между реальностью и отрицанием *снято*, то есть отрицается с удержанием. Это различие есть лишь в *снятом* виде, через свое отрицание, будучи удержано посредством своего отрицания.

Вот мы говорим: «снятое молоко». Это молоко? Вроде бы молоко, но с отрицанием. Вам какое молоко: цельное или снятое, то есть пропущенное через сепаратор, который отделил от него сливки? Сейчас много видов молока. Цельное – это с ним ничего не сделали. Восстановленное, – это значит, что его превратили в порошок, потом добавили воды и размешали. И говорят: пейте. Одно время в Государственной Думе был такой разговор, что установят технический регламент, согласно которому восстановленное молоко будет называться молочным напитком. Но это дело фактически заблокировали наши капиталисты, дескать, как же мы его тогда будем сбывать, если напишем «молочный напиток»? Нет, будем писать молоко. Вот и сок для детского питания делают аналогичным образом. Думаете, яблочный сок прямо из яблок делают? Нет. Его делают из яблочной пасты или концентрированного яблочного сока путем добавления воды. По принципу: «Надо чтобы нам было дешево делать, а вам дорого покупать». Дескать, мы красивую сделаем упаковку, например, нарисуем там двадцать восемь томатов и напишем, что вот именно из этих томатов сок сделан, хотя сделан он из томат-пасты и воды, этот томатный сок.

Один мой коллега работал директором Сосновского молочного завода, он мне объяснил, как над молоком трудятся на молочном заводе. Вот прибывает на завод цельное молоко, оно пяти-шести процентов жирности, поскольку коровы неграмотные и не знают, что надо давать однопроцентное молоко, рекомендуемое продавцами молока для желающих похудеть. Потом идет процесс сепарирования, это по производственной терминологии, а по

философской терминологии процесс снятия. То есть молоко как бы остается, но все сливки из него вытекают через сепаратор в отдельные емкости, и остается однопроцентное молоко, то есть молоко одного процента жирности. Потом вам будут объяснять, что очень полезно это однопроцентное молоко, из него делают однопроцентный кефир – пейте. Это еще не все. А дальше начинается уже технологическое волшебство. Вы какое любите молоко? Два с половиной процента – это нормализованное. Не путайте только нормальное, то есть цельное, и нормализованное. Чтобы получить нормализованное молоко, в однопроцентное добавляем те сливки, которые сняли с молока, чтобы жирность стала 2,5 процента. А если вы любите 3,5%, вам 3,5%, за большую цену. Ну, а для некоторых оставляем нормальное, то есть цельное молоко жирностью 6% за еще большую цену, такое тоже есть. То есть философская категория снятия как отрицания с удержанием широко используется, в том числе, и в молочной промышленности.

Так вот, различие между реальностью и отрицанием *снято*. Одновременно снято различие между наличным бытием и определенностью, потому что и реальность *есть*, и отрицание *есть* и каждое есть *наличное бытие*. И получается, что все имевшиеся различия сняты, нет отдельно реальности, нет отдельно отрицания, нет отдельно наличного бытия без определённости. А что есть? А есть только *определенное наличное бытие*.

Определенное наличное бытие – вот к чему мы пришли. Не просто *наличное бытие*, которое есть результат снятия становления. Нет. Теперь мы уже имеем *определенное наличное бытие*. А как короче? Гегель назвал и короче: «***налично сущее***». А что такое *сущее* в философии? Это то, что есть непосредственно, например, то, что есть непосредственно перед нашим умственным взором. Сейчас иногда судебные процессы проводят посредством телемоста, так что только на экране в суде присутствует тот, кого

надо держать в клетке, и хотя подсудимый при этом не есть *сущий*, считается, что он присутствует.

Вообще *бытие*, непосредственное бытие, то есть *сущее*, и *существование* – это три разные категории, которые не следует путать. ***Налично сущее*** – категория для обозначения определенного наличного бытия. На какие вопросы отвечает выражение «*налично сущее*»? Гегель хотел подчеркнуть, что в этой категории определенность и наличное бытие слились так, что их различие снято, и поэтому оно отвечает и на вопрос «Что?» и на вопрос «Какое?» Это что? – Налично сущее. Оно какое? – Налично сущее. Этот переход понятий характерен для диалектики. Вроде бы одно выражение, а отвечает и на один вопрос, и на другой. Вот она слитность эта и текучесть, которая есть в жизни.

Категорию определенного наличного бытия или налично сущего можно выразить еще короче – как «нечто». Взгляните на *нечто*. Отрицание, то есть определенность, прямо бросается в глаза, стоит впереди и при этом «нечто» всеми и всегда воспринимается как положительное, как бытие. Это и есть бытие, но бытие *определенное*. А где определенность? Она в нем. Это «не», с которого начинается слово «нечто». Однако оно не отдельно стоит. Если мы отделим «не» от «что», получим отрицательную форму «не что». Казалось бы, положительным должно быть «что», а здесь «нечто». А почему? Потому что *определенно* положительное, определенное наличное бытие. Вот говорят: «хороший человек». Слово «хороший» – это отрицание наличного бытия человека? Хороший и человек – это же разные категории. Человек может быть еще и не хороший. Поэтому «хороший» – это отрицание. То есть хорошесть – позитивное качество человека, оно его качество, но это не то же самое, что человек. Ум и умный человек, есть разница? Вы хотите, чтобы только вашим умом интересовались, а вами чтобы не интересовались, вместе с умом? Не слыхано, не видано, чтобы девушки хотели выйти замуж за

«Ум». А вот за умного человека – другое дело. То есть неотрывно от наличного бытия берется определенность, а когда она берется неотрывно от наличного бытия она уже не качество. Качество – это определенность, взятая изолированно, сама по себе. А мы уже имеем дело с определенностью в нечто, которая неотделима от наличного бытия.

Будем теперь заниматься категорией *нечто*. Обращаем внимание на то, что хотя в русском языке, когда говорят «ни», – это какое-то усиление или утверждение, а «не» – отрицание, категория «нечто» – это утвердительное, сугубо позитивное выражение. А вот ничто – сугубо отрицательное.

Итак, нечто. Что мы можем про него сказать? Прежде всего, что оно есть. Вот говорят, что трудно изучать «Науку логики» Гегеля. В чем трудность-то? Не бойся говорить «есть», когда что-либо есть. А дальше? Если оно есть, значит, оно бытие. Просто надо уметь делать выводы из того, что мы имеем. Какое это бытие? Наличное. Значит, оно результат снятия становления. Давайте вспомним логическую историю нечто. История начинается с того, что жило-было чистое бытие. Оно превратилось в ничто. Они друг в друга переходили, получилось становление. Становление сняло себя и стало наличным бытием. В наличном бытии обнаружилось небытие как его определенность. Эту определенность стали рассматривать изолированно, тогда она выступила как качество. Качество оказалось реальностью и отрицанием. И выяснилось потом, что каждое из них – тоже бытие и одно содержит свое другое. Следовательно, различие их снято. И есть только *определенное наличное бытие, налично сущее* или *нечто*. Вот она логическая история «нечто». История идет. И вот она дошла до того, что поскольку нечто есть, оно бытие. Бытие, но какое? Наличное. Оно есть результат снятия становления. Значит, нечто должно быть представлено как становление, а оно у нас как представлено? Просто как наличное бытие. Следовательно, нечто

должно выступить как становление, моментами которого являются два нечто.

В соответствующем месте «Науки логики» Гегеля можно найти очень интересную мысль, очень важную для историков и для тех, кто делает исторические прогнозы, – что вот нечто есть *в себе* становление, но оно еще *не положено* как становление. Иными словами, оно в дальнейшем развернется как становление, поскольку потенциально является становлением. И надо различать между тем, что есть *в себе*, и тем, что *положено*. Нечто как становление, моментами которого являются два определенных наличных бытия, два нечто, пока не положено. А в себе оно есть становление. Применяя эту диалектику к исследованию капитализма, Маркс показал в «Капитале», что капитализм есть в себе становление коммунизма. В себе – это не только в том смысле, что если его анализировать, в нем можно найти общественный характер производства, планомерность и другие противоположные капитализму моменты. Но это *в себе* надо понимать, что оно есть в себе как потенция, что оно потом развернется. Иначе непонятно, как Маркс мог сделать такой прогноз, который затем стал осуществляться и стали возникать коммунистические общества и государства. Есть ли еще пример подобного прогноза? Кто-нибудь, какой-нибудь философ сказал в период рабовладения что за рабовладением грядет феодализм? Или при первобытнообщинном коммунизме кто-нибудь на скале начертал, что скоро будет рабовладение? Никто не начертал. А вот, опираясь на метод Гегеля и Маркса, можно предсказывать развертывание в дальнейшем того, что пока еще не положено, но уже есть в себе.

То есть очень важно различать между тем, что есть в себе и тем, что положено. Сначала нечто есть в себе становление, но не положено как становление, а затем совершается логический и исторический переход к тому, что вначале имелось лишь в себе, то есть лишь потенциально.

Ну, а дальше как нам рассуждать логически, чтобы продвинуться вперед? Перед нами нечто. Мы выяснили, что оно есть в себе становление, моментами которого суть два нечто. Один момент – это само нечто, а другой назовем *иное*. Мы можем это сделать, так как знаем, что нечто, другое по отношению к нечто, тоже есть, хотя пока лишь в себе, не будучи положено. Оно есть как ничто, в отличие от нечто как бытия, и то нечто, которое есть как ничто, тоже требуется как-то назвать. Это другое нечто, про которое мы знаем, что оно есть, но есть в виде ничто, так и называется *другое* или *иное*.

Итак, имеются два нечто, а именно: нечто и *иное*. Как два нечто, еще не положенные как становление, они безразличны друг к другу, и безразлично, что брать за нечто, а что за иное. Каждое есть нечто, и оно есть иное по отношению к другому нечто. Таким образом, мы можем констатировать, что рассмотрено не только нечто, взятое само по себе, но и нечто по отношению к иному, равно как и иное по отношению к нечто. Что осталось рассмотреть? Осталось рассмотреть иное не по отношению к нечто, а по отношению к самому себе. Нечто мы рассматривали само по себе и из этого сделали вывод, что оно в себе есть становление. Иное рассматривали по отношению к нечто и нечто по отношению к иному. А иное само по себе мы еще не рассматривали. Значит, надо рассмотреть иное по отношению к самому себе. А иное, взятое само по себе, – это не иное другого нечто, а иное самого себя. Иное, взятое по отношению к самому себе, есть иное самого себя, то есть *иное иного*. Получаем, что *иное есть иное иного*. Над этим надо очень крепко подумать. Иное иного есть иное. Кто будет спорить? Никто. Значит, иное стало иным. В то же время иное иного есть иное же, то есть оно как было иным, так и осталось.

Итак, иное иного есть *иное*, значит, не осталось тем же самым. Иное иного есть иное, значит, осталось тем же самым. Диалектика, в отличие от формальной логики, не запрещает высказывать об

одном и том же прямо противоположные утверждения, которые мы получили. Иное иного есть иное – воистину диалектическая фраза. Есть в этом высказывании равенство иного с собой? Давайте посмотрим внимательно. Те же буквы, те же слова. На входе иное и на выходе иное. Согласимся, что это одно и то же. А теперь еще раз прочтем слово *иное*. Иное означает не одно и то же.

Вывод. И вывод будет двоякий. Что в ином есть момент равенства с собой, и в ином есть момент неравенства с собой. Мы только что убедились в их наличии. Другое дело, что мы могли бы сейчас не обратить на полученное противоречие особого внимания, удивиться и пойти дальше. А в чем отличие диалектического подхода – мы не торопимся с противоречием расстаться, а мы его рассматриваем очень внимательно и обстоятельно. Мы остановились на том, что есть два момента иного: равенство иного с собой и неравенство иного с собой. Но ведь иное есть нечто. Поэтому можно сделать вывод, что в нечто есть момент, определяемый как равенство нечто с собой, и момент, определяемый как неравенство нечто с собой. Слово моменты мы употребляем по отношению к нераздельным в одном. Это моменты одного и того же нечто, которое есть единое, нераздельное. Значит, нечто есть единство равенства с собой и неравенства с собой. Теперь надо назвать эти моменты. ***Момент равенства нечто с собой называется в-себе-бытие.*** Это первый момент нечто – его в-себе-бытие. А момент неравенства нечто с собой называется бытие-для-иного. Эти названия сначала кажутся какими-то немножко диковатыми. Но это только сначала. Ведь нужно изобразить диалектические мысли, их движение. Почему бытие-для-иного, а не иное? Да потому что, становясь иным, нечто остается тем же самым. Момент неравенства с собой мы можем назвать «иное»? Нет. Это лишь бытие-для-иного. К иному переход не совершался, а речь идет лишь о моменте нечто. Когда мы говорим, что Иванов стал совсем другим человеком, мы при этом осознаем, что другим

человеком стал Иванов, то есть стал другим, оставшись Ивановым, то есть осознаем, что это тот же самый человек. То есть нельзя сказать: «для иного». Надо сказать: «бытие-для-иного». Это бытие того же самого нечто для иного. Ну а равенство с собой как выразить? Сначала кажется диким слово «в-себе-бытие». Но если подумать? Про человека, который неравен себе, говорят: «он не в себе» или «вышел из себя», про человека, который возвращается в равенство с собой, говорят, что он «приходит в себя». Значит, равенство с собой естественно выразить как в-себе-бытие. Так что этот термин вполне согласуется с обычным словоупотреблением. Гениальность Гегеля в том, что он пытается найти такое обозначение для категорий, которое бы согласовывалось с обычным словоупотреблением. Вышел из себя, не в себе, пришел в себя. Ну, если я не в себе, то, значит, я не равен самому себе, а вот сейчас я пришел в себя, то есть я опять такой же. А если я, оставаясь собой, при этом все же становлюсь иным, например, пополняя свои знания, следует сказать, что я есть бытие-для-иного. То есть мы, осознавая нераздельность моментов нечто, таким словоупотреблением подчеркиваем, что, становясь иным, человек остается самим собой.

И вот *такое нечто, которое есть единство двух своих моментов – равенства с собой и неравенства с собой, нечто, которое есть единство бытия-в-себе и бытия-для-иного, называется изменяющимся нечто*. Если теперь задуматься над тем, а что мы понимали под изменяющимся, то вряд ли найдется хоть кто-нибудь, кто понимал бы нечто изменяющееся как только равное самому себе или как только неравное самому себе. Только равное самому себе понимают как неизменное, а только неравное самому себе как переход от одного нечто к другому. Если нет равенства с собой, разве можно говорить, что *оно* изменяется? Это тогда переход от одного «оно» к другому, которое не «оно». То есть, как еще понять изменяющееся? Как еще можно выразить

изменение? Гегелю удалось выразить изменение как противоречие, и в этом его гениальность.

Мы собираемся изучать и понимать общество как изменяющееся или как неподвижное, мертвое? Как изменяющееся. Теперь мы знаем, что такое изменение и можем общество правильно понимать и изучать. Мы изучаем социальную действительность как изменяющуюся. А изменение – это обязательно равенство с собой и неравенство с собой. В одну и ту же реку можно и нельзя войти два раза. Почему можно два раза? Потому что раз вошел и два вошел. В то же время река уже не та, уже течение изменилось, русло изменилось, поэтому и нельзя. Вот поэтому в одну и ту же реку и можно войти, и нельзя войти. Что-нибудь есть не изменяющееся? Кто может привести пример того, что не изменяется? Никто. Какой бы объект вы ни рассматривали, он изменяется, он и равен, и не равен себе в одно и то же время.

Можно сказать и по-другому – если что-то не изменяется, то это абстракция. А что такое абстракция? Это отрывание одной стороны противоречия от другой и искусственное превращение этой стороны в некое самостоятельное целое. Вот, например, взяли человеческое сознание, оторвали от человека и в виде бога поместили на небо. И вот это будет неизменная сущность, которая всегда есть. Он думает о вас, у него есть хороший план вашей жизни. Как приятно знать, что есть кто-то, кто все время думает и заботится о вас, как пастырь о своей пастве. Хотя моральный облик бога не может не смущать. Во-первых, он запретил Адаму и Еве знать, что добро, а что зло. А то, дескать, вы будете, как мы, боги, хотя какие боги, если многобожие уже преодолено, и бог понимается как единственный? Так какой у него план был? У него был план, чтобы мы не различали, что добро, а что зло, были как животные, как овцы или бараны. И что получилось с этим планом на счет нас? Змея вдруг появилась. Не известно, специально ее создал бог или она ему не подчинялась. Он всемогущ, но змея

вообще не послушала его и убедила Еву, а Ева Адама съесть яблоко. И они вкусили от дерева добра и зла. Это плохо или хорошо, что они теперь знают что хорошо, а что плохо? Вот детям всем объясняют, что такое хорошо, а что такое плохо. Это повторение того же самого греха, если это грех. Если нам наши родители объясняли, что добро, а что зло, то наши родители такие же злодеи, как Адам и Ева. И тоже их надо наказывать, чтобы они в поте лица своего ели хлеб свой. А они и едят его в поте лица своего. То есть у бога план сделать так, чтобы мы были как животные и не знали, что добро, а что зло, не осуществился. И он подозреваемых в нарушении его плана к чему приговорил? Сначала к смертной казни. Он так и сказал: Кто съест яблоко, тот умрет. А потом? Потом смертную казнь заменил пожизненными принудительными работами. Причем ответственными за грехи первого поколения людей сделал и все последующие поколения. Кто Библию читал, Ветхий завет, тот помнит, как бог требовал при исполнении его воли не щадить ни беременных женщин, ни младенцев. При всем своем всемогуществе бог допустил такое явление, как падший ангел, который превратился в дьявола. И мы видим, что даже в религии через абстракцию равенства бога с собой прорывается и фиксируется в Библии отражающее жизнь его неравенство с собой.

Правильность допускает одностороннее рассмотрение. Но с точки зрения разума нельзя говорить только о равенстве с собой или только о неравенстве с собой. Надо одновременно брать оба момента. И никакого объекта, кроме выдуманного абстрактного, нет, который бы был только равен себе. А абстрагироваться от неравенства объекта с собой всегда могу. Всегда можно взять одну сторону – или сторону равенства, или сторону неравенства. Если кто-то о каком-либо историческом объекте будет писать как о неподвижном, то это правильно или неправильно? Правильно. Но не истинно. Почему правильно? Потому что это хотя и

одностороннее знание, но знание. Есть это? Есть. Но ведь объект меняется? Это тоже есть и тоже правильно. Было одним, стало другим, было такое государство, стало иное, Это правильно? Правильно. Был Наполеон, который выступил против монархии, а потом стал сам монархом. Это правильно? Правильно. А то, что это тот же самый Наполеон, это тоже правильно. Это он же? Он. То есть если мы будем брать только одну сторону – это тоже правильно. Это допустимо. Но это одностороннее, абстрактное рассмотрение, и оно как метод, как промежуточный момент в исследовании, вполне допустимо. Но если это венец исследования, это искажает действительность. Истина есть соответствие понятия объекту. Если мы взяли такое понятие, которое объекту не соответствует, а именно объект противоречив, а мы взяли его не противоречиво, значит это не истина. И каждый человек противоречив. Потому и говорят, что в каждом человеке есть не только божеское, но и дьявольское. Или говорят, что дьявол нас подговаривает, подзуживает. А на самом деле всякий человек противоречив, и наряду с тем, что его характеризует как положительного, у него есть недостатки, которые суть его отрицание в нем самом. Те люди, которые успешно борются за свое позитивное против недостатков, это хорошие люди, порядочные. А те, кто не смог с отрицанием в себе человеческого побороться, тот подлец или негодяй, у которого негативное стало целым, а позитивное начало – только лишь момент, и благодаря этому моменту он ловко втирается к порядочным людям в доверие.

Изменяющееся нечто – это великая категория. Благодаря ей человечеству удалось на все посмотреть как на единство двух моментов. Все, что представлялось неподвижным, мертвым, все заиграло и стало пониматься подвижным. Благодаря диалектике стало осознаваться, что все противоречиво, все в себе содержит противоречие. На вопрос, каковы примеры противоречий, можно ответить, что все есть примеры противоречий, противоречива и вся

социальная жизнь, и прошлая, и настоящая, и будущая. Все есть равенство с собой и одновременно неравенство с собой.

Образование, например, в чем состоит? В том, что когда вы учитесь, вы, с одной стороны, все время равны самому себе, поскольку ведь *вы* же учитесь, вы же не перестаете быть тем, кто вы есть, и, с другой стороны, вы все время другой или другая, поскольку у вас все больше и больше знаний. И, наоборот, если человек, сколько бы лекций ему ни прочли, и сколько бы он книг сам ни прочел, остается только равным самому себе, это означает, что бесполезны были все занятия, никакого обучения не происходит. В то же время, если кто-то успешно обучающийся настаивает на том, что у него нет равенства с собой, он уже другой человек, можно предложить ему сменить имя и паспорт.

Возьмем науку. В чем состоит научное исследование – находить то, что является новым. А что является новым? Это то, чего еще никто не знает, правильно? Почему говорят «открытие»? А потому что ничего о нем не знали люди, пока какой-либо ученый для человечества его не открыл. Это открытие для всех. Он сделал открытым то, что было закрытым для человечества. Открывший сделал то, чего до него никто не сделал. Он открыл это и для себя, проявив свое неравенство с собой, свое бытие-для-иного. Но, выступив как бытие-для-иного, он остался тем же ученым, что выражается категорией его в-себе-бытия. Лобачевский, например, открыв неевклидову геометрию, остался Лобачевским. Кто-нибудь до Менделеева создал периодическую таблицу элементов? Никто. Так что, Менделеев после того, как он это свое открытие сделал, продемонстрировав неравенство с прежним Менделеевым, который еще этого не знал, что он не Менделеевым стал? Так он равен самому себе? Равен. Хотя Менделеев не один и тот же до открытия своей таблицы и всемирно известный Менделеев после открытия таблицы. Видите, что он не равен самому себе? Не равен. Так он равен самому себе или не равен? И некоторые люди, которые не

освоили азы диалектики, так вот и болтаются, переходя от одного утверждения к другому, будучи не в состоянии взять их в единстве. То говорят: «равен», то: «не равен». Вроде бы равен, а вроде и не равен. А надо сказать и понять, что и равен, и не равен одновременно.

С позиций формальной логики должно быть или А или не А, третьего не дано. Либо А, либо не А. Однако здесь мы имеем и А, и не А одновременно. При этом, когда мы рассуждаем, выводя из одной категории другую, мы пользуемся логикой формальной. То есть диалектическая логика включает в себя формальную. Но если мы начали рассуждение с противоречивого, например, со становления как противоречивой категории, то если формально логически правильно рассуждаем, мы должны опять прийти к противоречию, что и наблюдаем, рассматривая категорию изменяющегося нечто. И вот когда мы говорим, что материя движется, то мы имеем в виду, что материя, во-первых, находится в становлении, будучи единством возникновения и прехождения и, во-вторых, что материя изменяется. Материя вечно изменяется. То есть она все время равна самой себе, иначе она бы не оставалась материей, и она все время не равна самой себе. Но оттого, что материя породила свой цвет – мыслящую материю, разве она перестала быть материей? Не перестала. Если мы из всей материи берем *людей, то есть животных общественных, трудящихся, говорящих и разумных*, то видим, что вместе со своими отношениями люди образуют социум, то есть общество, которое также изменяется, а не остается неподвижным. При этом в зависимости от способа производства, на котором оно основано, общество меняет свою форму, выступая как первобытнообщинный коммунизм, рабовладение, феодализм, капитализм, коммунизм. И поскольку в России капитализм, постольку он тоже постоянно изменяется, не оставаясь только равным самому себе, но при этом остается капитализмом.

Вот выступает руководитель КПРФ Зюганов: «Надо изменить курс». А разве не может быть так, что, когда вы измените курс, он останется прежним? Или говорят: «Надо провести реформы», то есть изменить то, что есть. Но у нас и так все, что есть, изменяется, в чем проблема? В чем идея? А идея – давайте перестраивать, как говорил Горбачев. Давайте. А в чем идея? А чтобы все время было не такое. А оно и так все время не такое, в чем тут мысль? В том, что люди подумают, что им что-то такое хорошее говорят. А что хорошего в этом? Надо бы спросить: вы собираетесь дворец в хлев перестроить или хлев в дворец? Выяснилось, что дворец в хлев. И во главе такой перестройки и стоял Горбачев, добиваясь, чтобы она была доведена до конца. То же самое и с реформированием, на что особенно нажимал Ельцин. Что означает курс на реформы? Курс на то, чтобы форма менялась. То есть форма может постоянно меняться, а разрушительное содержание политики может оставаться неизменным. Есть какая-нибудь глубокая мысль в том, чтобы все время становиться иным? Может быть такая: «Надо чаще меняться!», как призывают рекламные плакаты в метро или «Мы хотим перемен», как поется в расхожей песенке. А что означает выражение «Курс перемен или курс реформ»? Корабль плывет, а цель корабля – плыть, представляете? Форму или облик менять очень не трудно, может быть, поэтому за эти выражения хватаются люди, не вникающие в содержание и не способные обеспечить действительно прогрессивные изменения. Вот рубашку поменяйте и форма будет уже другая. Заколку другую поставьте, – тоже другая форма. Нет проблем.

Отсюда вывод, что изменение – важная категория, но она сама по себе не говорит ничего о содержании изменения. Например, какие изменения может нести модернизация сама по себе, о которой столь же много сейчас говорят, как ранее говорили о перестройке и реформировании? Модернизация – от иностранного слова «модерн». Модернизация – это осовременивание. Но это

осовременивание по-разному может проходить, по-разному осуществляться. Можно решать задачу создания новой техники и технологии, превосходящей самые передовые мировые образцы, а можно гнать в другие страны сырье и закупать на вырученные деньги там то, что еще может считаться современным, но что для стран-производителей уже представляет вчерашний день. В последнем случае мы со своей модернизацией будем плестись в хвосте у других, более развитых стран. Одежду, например, ее производители с помощью формирования моды намеренно делают несовременной. Она вдруг «вышла из моды», потому что продали то, что вы сейчас купили, а с вас еще надо деньги взять, поэтому то, что вы надели, надо объявить несовременным, немодным. Так одно время была мода на потертые ботинки. Сначала сделают ботинок, потом его долго трут на специальном круге, чтобы он выглядел потертым, как будто человек долго-долго ходил, задевая одной ступней за другую, а потом лакируют. Они лаковые и стертые одновременно. Разумеется, дорогие. Или джинсы сейчас делают, местами белые, как будто человек куда-то вляпался или все время садился на асфальт, а теперь в них ходит. Это очень модно. А если вы пойдете просто в синих джинсах, это не модно. Или джинсы специально кладут и стреляют в них, в эти джинсы, шариками маленькими, чтобы они были новыми и одновременно потрепанными. А самый писк моды, чтобы джинсы были рваными.

Мода – это форма. Форма чего? Форма изменения. Измененное же в данном случае – это богатый человек, но одетый, как бедный, в рваные джинсы, к которым идут золотые цепи или серьги. Вроде как из богатых, но за бедных. Или из бедных, но стал богатым. Это тоже изменение. Подобно моде и абстрактная модернизация или осовременивание. Если у нас что-то не современное, не надо работать над тем, чтобы по качеству опередить другие страны, а надо взять и купить у других стран то, что они приготовились снимать с производства. При этом деньги соответственно

направить не своему производителю на обновление, а иностранному, чтобы наше отставание от передовой техники и технологии усугубить и закрепить. Газ, нефть продать и затем корабли купить у французов, машины купить у немцев, итальянцев, китайцев, корейцев, не важно, у кого купить, главное не вкладываться в развитие отечественного производства, у кого-нибудь купить, а самим превратиться в людей, обслуживающих трубу. Сырую нефть и газ гнать в Европу и покупать разные современные товары – это можно называть модернизацией. У передовых стран покупать, а самим превращаться постепенно в отсталую. Вот выйдет, например, президент США и сядет в американский автомобиль, чтобы поехать на парад, выйдет французский премьер – на французской машине поедет, выйдет немецкий – на BMW поедет. А наш после модернизации? Хочет – на американской машине поедет, хочет – на французской, хочет на немецкой, только не на своей. Так в свое время ездили марионеточные руководители колониальных стран. Мы купим в Италии пистолеты «Беретта», купим израильские разведывательные беспилотники. А чтобы и танковая промышленность наша перестала быть современной, не будем закупать новые танки у нашей промышленности, тем более, что производством танков теперь у нас занят один лишь нижнетагильский «Уралвагонзавод». В случае чего купим у немцев. Они же должны были научиться, поняли, что мы лучший танк в войну делали. Надо у них купить. И тоже будет современно.

Люди темные, то есть те, которые не заразились этим лозунгом – абстрактной модернизацией, они думают, что надо запланировать выпуск самых лучших в мире образцов и сконцентрировать на реализации этих планов силы и средства, чтобы выйти на высший мировой уровень, как мы в свое время сделали первыми лучшие в мире космические корабли и первыми запустили в космос и спутник, и человека. И сейчас пока еще больше всего запусков

пилотируемых кораблей у России. В России за 2010 год 32 запуска, в США – 16. Ну, не успели «осовременить» мы эту отрасль. Планировать надо не просто современное сделать, а в перспективе самое лучшее в мире, то есть не то, которое сейчас современное, а то, которое будет самым лучшим через пять и через десять лет. Что для этого надо делать? Научные исследования и разработки нужно проводить и не обязательно в Сколково. Люди из Дубны и Троицка говорят людям из Администрации президента: «Скажите, что вам нужно сделать, мы сделаем». Об этом есть блестящий доклад в интернете заместителя директора Института прикладной математики РАН в г. Дубна под Москвой Георгия Малинецкого. Когда мы делали самые лучшие в мире танки, мы шли на опережение, не такие делали, какие есть в Германии, не такие, какие есть во Франции, а такие, каких нет ни во Франции, ни в Германии. Такие, какие превосходят их по целому ряду параметров, на голову. Но даже если мы все время будем работать на опережение, не факт, что мы во всем будем опережать другие страны, ведь за границей давно работают на опережение, стремятся разрабатывать и выпускать не современные изделия, не изделия сегодняшнего дня, а те, которые будут самыми лучшими через пять-десять лет. И в итоге что-то мы сделаем более высокого уровня, а что-то они. Но если мы будем закупать или делать просто современные продукты, мы все время будем плестись в хвосте у других, более развитых стран. А на первый взгляд кажется, как хорошо – модернизация. Так что изменение изменению рознь.

С красивыми словами вообще надо быть поосторожней. Например, постмодерн как можно понимать? Можно как суперсовременное, а можно так, что раньше это было современно, а сейчас уже нет – бывший модерн, постмодерн. Или еще такой красивый термин – постиндустриальное общество. Было индустриальное, потом пришел Ельцин, промышленность, то есть индустрию, разрушил, и общество стало постиндустриальным.

Зато информационным – легко по интернету получить информацию о том, какие продукты перестали производить и какие заводы в интересах иностранных конкурентов разорили и закрыли. Информации у нас много, а вот со знаниями хуже. Уровень образования падает. Зато нам говорят, что у нас будет экономика знаний. Неужели не будет ни экономики, ни знаний?

То есть люди действительно просвещенные должны быть очень чуткими к словам, точно употреблять понятия и понимать, что если человек говорит, что у него цель – реформы, это может значить, что он не знает, куда плыть. Вот наш министр обороны приплыл куда? Давайте, говорит, изменим облик нашей армии. А облик – это внешний вид. Изменяется внешний вид нашей армии, береты все наденут, от которых в США освобождаются. Вместо того, чтобы заниматься в первую очередь усовершенствованием наших вооружений и во главу угла поставить снабжение армии всем необходимым, говорят больше об изменении облика, и в этом преуспели. Или, например, милиция российская уже внешний вид поменяла. У нее теперь точно новый облик. Была милиция, стала полиция. И некоторые очень важные люди, которым положено знать, когда у нас в России образовалась милиция, не знают, что решение об упразднении полиции и образовании народной милиции приняло буржуазное Временное правительство в феврале 1917 года, ликвидировав департамент полиции и корпус жандармерии. После социалистической революции народная милиция стала рабочей. А вот полицейские на территории России появились в войну, и народ окрестил их «полицаями». И если кто-то вдохновился этим, то это модернизацией называется? Это больше похоже на вытаскивание, за отсутствием содержательно нового, залежалого исторического старья. Зато тот, у кого есть большая фабрика по производству одежды, может получить очень крупный и выгодный заказ, чтобы всех милиционеров переодеть в полицейскую форму. Неплохие доходы получают и те, кто будет

перекрашивать милицейские машины в полицейские. А всего расходы на переименование милиции в полицию составят около 12 миллиардов рублей. Это называется «умная экономика». Это движение вперед? Нет, это лишь бытие-для-иного. И что, если милиционеров переименовать в полицейских, исчезнет их в-себе-бытие и они уже совсем не будут равны самим себе? Или если налоговых полицейских переименовали в наркополицейских, то их равенство с собой улетучилось и утвердилось лишь их неравенство с собой? Плохие были бойцы с налоговыми преступлениями, а стали отличными бойцами с наркотрафиком? У нас что, наркоопасность упала или выросла? Это все изменения. Но можно ли рассматривать изменение облика или названия как прогресс в содержании? Как модернизацию – да. Если у вас кепка или фуражка не современная, наденьте современную кепку или фуражку, можно берет. А что в голове? «Ну, чего захотели. Этим мы не занимаемся». А мы вот занимаемся. В облике и названиях ничего нового у нас нет, по старинке собираемся знания передавать, видимо отстаем. Раньше Гегель передавал, когда был профессором Берлинского университета, Кант передавал в Кёнигсберге. И мы, современные профессора, ведем себя совершенно несовременно – всю жизнь передаем знания. И, видимо, несовременны студенты, которые знания хотят получить. Лучше бы шапку одели четырехуголку, да черную мантию, тогда, быть может, стали бы модернизированными студентами.

То есть рассмотрение категории изменения заставляет нас о многом подумать. И примеры изменений можно приводить и разбирать бесконечно, поскольку нет ни одного примера неизменяющегося нечто. Ни одного. Все изменяется. Все. И материя изменяется, и сознание изменяется. Все находится в процессе изменения.

Ранее мы выяснили, что все находится в процессе становления. Все есть и возникновение, и прехождение. Результат снятия

становления, то есть наличное бытие, выступает сначала как спокойное бытие, но наличное бытие, ставшее определенным наличным бытием, то есть нечто, является изменяющимся, то есть равным самому себе и не равным самому себе. Отсюда и взгляд на материю и на ее отражение в сознании у нас должен быть как на изменяющиеся и только как на изменяющиеся. Нет никакой неподвижной материи. Мы можем, конечно, остановить мгновение, сделав мгновенный снимок какой-то части материи. Но это будет именно *снятие*, то есть отрицание с удержанием. Это будет правильность, но не истина. Хороший фотограф ищет такое выражение у человека, которое выражает его сущность, плохой просто делает снимки того, что было. Он не учитывает, что моменты равенства с собой и неравенства с собой есть во всем, и надо их уметь отличать.

На этом тему изменяющегося социального нечто мы не можем считать законченной. Потому что все, что мы будем дальше рассматривать, в себе содержит *изменяющееся нечто*, точно так же, как все содержит в себе *становление*. Хотя следующая тема, которую мы будем рассматривать, называется «Социальное развитие». Заранее можно сказать, что развитие – это изменение. Но не всякое изменение – развитие. Мы будем заниматься некоторой разновидностью изменения. То есть мы не бросим изменение, ссылаясь на то, что развитие есть нечто более высокое, чем просто изменение. Но поскольку это более высокое стоит на более простом, оно и более высокое. Изменение идет за становлением. А из всех изменений мы выбираем то, что является развитием.

Всякое ли изменение можно считать развитием? Нет. Давайте начнем с отрицания. Какое изменение нельзя считать развитием? Деградацию можно считать развитием? Например, наркоманы явно деградируют, причем быстро. С одной стороны, наркоман не может без наркотиков жить, но деградирует при этом так, что ради того,

чтобы добыть наркотик, он готов пойти сначала на воровство, а потом и на убийство, лишая других жизни и быстро теряя свою. То есть наркоман находится в процессе изменения – был хороший человек, стал никто и умер. Он есть и в-себе-бытие и бытие-для-иного и все, что относится к изменению вообще, применимо к падению человека, который стал наркоманом. Но сам ли он стал наркоманом? Или наркомания есть одно из выражений и проявлений буржуазного характера общества? Человек же не рождается наркоманом, к наркотикам его приучают гонящиеся за сверхдоходами наркодельцы. Наркотики относятся к такому виду веществ, которые первое что делают, – уничтожают сопротивляемость организма к их употреблению. Все наркотические вещества обладают таким свойством. Вот вы такой волевой, да? Съешьте для начала вот это, раз вы такой волевой. Оно паразит вашу волю, и далее вы уже остановиться не сможете. Поэтому есть люди пьющие или непьющие. Мало пьющие – большая редкость, поскольку мало пьющие чаще всего переходят в категорию просто пьющих, а пьющие весьма нередко становятся спившимися. Алкоголь – это ведь тоже наркотик. Как и никотин. Реклама зовет: «Курите легкие сигареты». В чем их легкость? А в том, что их легко продать, потому что тяжелые вы не купите, а легкие купите. А легкие от тяжелых по своему действию почти ничем не отличаются, что разъяснил главный санитарный врач России Геннадий Онищенко, третий человек у нас в России. У нас в России три главных человека – президент, премьер и главный санитарный врач Онищенко. За рубежом, конечно, больше всего боятся Онищенко. Он определит, что в продукции вашей страны оказались тяжелые металлы, и все – ваша свинина или ваше вино в Россию не пойдут, и вы потерпите громадные убытки.

Как действуют наркодельцы? Приходят в школу, дают школьникам таблеточки. Бесплатно – попробуйте. Дали. Попробовали. А потом хотят еще. Еще дали. Опять хотят. Опять

дали. А потом уже не бесплатно. И вот уже по официальным данным 30% школьников употребляют наркотики, или, по крайней мере, их употребляли. Сначала давали, давали бесплатно, а теперь несите деньги, и покупайте. А уже не покупать – не может. Значит, он будет покупать у тех самых наркоторговцев. Сначала на деньги, которые мама и папа давали на конфеты и игрушки, на книги и завтраки. А потом? А потом у папы и мамы найдет, где они деньги хранят. А потом? А потом пошел на улицу, спрашивать у людей – нет ли у них денег. А потом уже с ножом. А потом через некоторое время сам же и умрет. И все эти этапы идут друг за другом очень быстро, долго наркоманы не живут. И деградация наркомана – тоже пример изменения. Есть тут и равенство начавшего принимать наркотики человека с собой и его неравенство с собой, и его в-себе-бытие, и его бытие-для-иного.

Производство, продажу и потребление наркотиков мы бы назвали реальностью общества или его отрицанием? Общество – это реальность, а наркоугроза – это его отрицание, то есть это то, с чем общество борется и что борется с обществом. И общество выступает двояко – и как целое, и как свой собственный момент – как антинаркотический момент, противоположный наркотическому моменту. Но люди без философии не могут сформулировать это правильно. Они говорят о наркорреальности, и тогда общество уже предстает не как реальность, а как отрицание, то есть как уже проигравшая битву с наркоугрозой сторона.

Приведенный пример однозначно показывает, что не следует путать деградацию с развитием. Но это еще не определение развития. В дальнейшем мы определим, что такое развитие. Сейчас же мы констатируем, что далеко не всякое изменение может быть названо развитием, хотя умирание человека можно выразить как развитие его смертельной болезни. В дальнейшем мы будем выяснять, какие бывают концепции развития, и разбирать их, чтобы отличать истинное, научное понимание развития от ненаучного, но

перед этим давайте попытаемся в порядке повторения обозреть уже изложенный материал.

В чем отличие диалектической логики от других наук? В других науках мы думаем о каких-то конкретных предметах и с помощью наших мыслей пытаемся найти истину. В диалектике же, в диалектической логике мы предметом рассмотрения делаем сами мысли, выраженные с помощью языка. Мы думаем о мыслях, обдумываем те мысли или те категории, в которых эти мысли выражаются. И вот чтобы закрепить понимание категории *изменение*, следует проследить ее связь с более простыми категориями. Потому что, когда мы берем категорию в связи с другими, она не может выпасть из нашей памяти и берется такой, какая она есть, то есть не только как результат без движения к нему, но как результат, взятый вместе с процессом движения к этому результату. А если категория берется одна, сама по себе, изолированно, то легко забыть ее значение, и тогда будет логический провал, не позволяющий двигаться дальше. Чтобы таких провалов не было, нужно опосредствование. Нужно связывать одни категории с другими. И вот мы немного повторимся, ведь повторение – мать учения, тем более что это не такой простой материал, чтобы он так сразу наскучил, скорее он не сразу понятен.

Мы начали с чистого бытия, усмотрели его переход в чистое ничто и чистого ничто в бытие. Получили движение исчезновения бытия в ничто и ничто в бытии – становление. Становление есть благодаря разности бытия и ничто. Но в становлении эта разность исчезает, а вместе с ней исчезает и становление. Становление как беспокойное единство бытия и ничто снимает себя и становится спокойной простотой – наличным бытием. Наличное бытие – это результат снятия становления. Становление было беспокойным движением исчезновения бытия в ничто и ничто в бытии, затем

предстало как единство возникновения и прехождения, сняло себя и превратилось в спокойное и простое наличное бытие.

Затем обнаружилось, что наличное бытие простое только налицо, а в нем есть становление, поскольку наличное бытие есть результат снятия становления. И поскольку в становлении есть не только бытие, но и ничто, последнее выступило как небытие. Если бы мы наличное бытие взяли и просто бы на него смотрели, то ничего бы, кроме простого и спокойного, в нем бы не обнаружили. А мы начали исследовать, применяя такой логический метод, какой по существу является историческим. Мы стали выяснять, откуда же это самое наличное бытие взялось, как оно возникло. Этим и занимаются историки. То есть, беря любой процесс, объект, они начинают выяснять, откуда он появился, каковы его исторические корни. Так что в своем логическом движении мы по сути дела идем, пользуясь историческим методом, и он же – логический и диалектический, потому что диалектический метод – это исправленный исторический, исправленный в том смысле, что мы здесь изучаем не зигзаги и отклонения, которые всегда неизбежно случаются, а изучаем закономерный ход движения. И вот мы начали выяснять, что мы можем сказать про наличное бытие, когда мы на него смотрим. Если мы смотрим на него впервые, только начинаем его изучать, мы можем сказать только то, откуда оно произошло, правильно? И мы записали такую формулу, что наличное бытие есть результат снятия становления. Ведь разность бытия и ничто в становлении исчезает, а становление есть благодаря этой разности, значит и становление исчезает. А исчезанием, отрицанием становления, которое есть беспокойное единство бытия и ничто, является спокойная простота. И вот это спокойное и простое бытие есть результат снятия становления. А снятие мы понимаем, как отрицание с удержанием, не как растаптывание того, что было до этого и превращение его в ноль, а как отрицание с удержанием. Так всякий следующий строй

является отрицанием предыдущего общественно-экономического строя, вбирая в себя те богатства, в том числе и духовные, которые созданы в рамках предшествующей формации. Мы пользуемся достижениями рабовладельческого строя Древней Греции? А как же. Без древнегреческой культуры и науки нельзя и мыслить себе нынешнюю науку и культуру. А достижения рабовладельческого Древнего Рима, они разве сейчас не присутствуют в снятом виде? В снятом виде присутствуют. Не непосредственно. Непосредственно у нас сейчас новая буржуазная Россия. А в снятом виде в ней содержатся достижения всех предшествующих формаций и даже более высокой – коммунистической. Поскольку в снятом виде наличное бытие содержит в себе становление.

Как правильно представлять себе цепочку категорий? Некоторые говорят – нарисуем схему. Вот чистое бытие, потом чистое ничто, потом становление, возникновение, прехождение, потом наличное бытие и что получается? Рядом категории поставлены. Но они же не рядом стоят, а одна из другой вытекает, и каждая предыдущая в последующей содержится. Поэтому если мы берем категорию какую-то, то это что такое? Это она и вся цепочка категорий, которая к ней привела и в ней содержится. Как вообще поступает настоящий историк? Он берет современность и смотрит, что к ней привело. Если он вообще не берет современность, то он занимается тем, чего нет. А если он изучает современность, не беря ее как результат предшествующего развития, то тогда он по сути дела современности не знает. Как можно понять без истории современность? Никак. Это ясно уже на таких простых категориях, которые мы изучаем, казалось бы, далеких от таких конкретностей, которыми занята голова любого историка. Ибо в этих всеобщих категориях отражается всеобщее движение. И оно есть в любом исследовании, если таковое научно. А если оно не научно, то человек отказывается от поисков истины и просто мнение высказывает. Каждый выскажет свое мнение, и что

вы будете делать с этими мнениями? Допустим, у меня есть мнение, что до Луны 6 километров. Вас мое мнение устраивает? Это мнение, знания у меня нет такого. Мы обращаемся к науке, надеясь получить знание или мнения? Гегель говорил, что надо мнение возвысить до знания, а не опускать знание до мнения. Мнений много, а знание одно. Потому что знание – это истина, а истина есть соответствие понятия объекту или соответствие объекта своему понятию. Если наше понятие изучаемому объекту не соответствует, значит, истины у нас нет. Ну, а если соответствует, тогда какое же тут мнение? Это уже не мнение, а знание истины, и у человека, который эту истину знает и убедился в том, что это истина, это не просто мнение, а это уже знание и еще и убеждение. Убеждение. Он не просто знает. Он убежден, что это так. И убежден не потому, что ему это в голову ни с того, ни с сего втемяшилось, и он это просто бездумно повторяет, а потому, что он достиг соответствия понятия исследуемому объекту и убедился, что таковое действительно имеет место.

Категория наличного бытия, демонстрируя налицо одно лишь бытие, вначале ничего не говорит нам, кроме того, что есть спокойное и простое. Возьмем для примера экзамен. Налицо это что такое? Вы приходите в красивой одежде, сидит экзаменатор, вы сдаете ему зачетку, получаете вопросы и отвечаете на них. Но на самом деле тут выясняются знания, они же не налицо, и их выяснение – это процесс. В понятии экзамена заключено не выяснение того, мимо чего прошли студенты, а выяснение того, что они усвоили. То есть экзамен – это испытание. Человек прошел испытание, выдержал экзамен. Выдержал, а не просто что-то сдал тому, у кого это есть. И готовясь к экзамену, каждый должен для себя решить, он будет держать экзамен или сдавать. Донести знания до экзаменатора и сдать их ему, будто после экзамена они уже больше не понадобятся, или выдержать экзамен, проверить

прочность своих знаний и с этими знаниями пойти в дальнейшую жизнь.

И каждый предмет, который нам представляется как спокойное и простое, мы, руководствуясь диалектической методологией, должны рассматривать как результат предшествующего движения. Вот мы видим здание исторического и философского факультетов Санкт-Петербургского государственного университета. Сразу вопросы: «А когда оно было построено? А кто его создавал? А зачем? Вот аудитория. Почему она наклонная, а сейчас редко когда делают такие? Что, раньше дураки были, не могли горизонтальной сделать? Или, наоборот, понимали, что лучше, когда все видят преподавателя и преподаватель всех видит, и акустика хорошая. Или надо делать так аудитории, чтобы надо было кричать или устанавливать микрофон?»

Старые дома стоят. А если мы хотим узнать, какой дом новый, то надо узнать, какой упадет. Упал, значит, новый. У нас столько новых домов упало, и не слышно, чтобы кого-нибудь за это серьезно наказали. Зимой в Петербурге «война» идет. В физический или социальный процесс вступают глыбы льда, падающие с домов и убивающие людей? Это просто стихийное бедствие или городом так управляют и распоряжаются? Кто-то вообще должен смотреть, чтобы в городе над прохожими не нависали глыбы льда? Видимо, некогда смотреть, надо переодевать милицию в полицию, и машины, на которых написано милиция, перекрашивать.

Мы стремимся к истине, хотим иметь знания, а не верить просто на слово, правда? Если речь идет о вере, то одни верят, что бог есть, другие верят, что бога нет. Это тогда совсем другая постановка вопроса. У нас наука или не наука? Наука. А есть в Петербурге христианский университет. Пожалуй, там совсем другая постановка вопроса. Считается, что есть бог, и верующие в это верят. Тех, кто раньше верил, а потом перестал, верующие называют отступниками. А тех, кто раньше не верил, а теперь на

церковные праздники свечи держит, как некоторые государственные руководители, забывшие об отделении государства от церкви, народ называет подсвечниками. Потому что они не имеют никакого отношения к религии, а заигрывают с религией из конъюнктурных соображений. А вот прогрессивные буржуазные деятели эпохи Просвещения выступали с самой острой критикой религии и церкви.

Какое бы мы ни взяли наличное бытие, оно есть результат снятия своего становления. В содержании категории наличного бытия – все предшествующие категории: и чистое бытие, и ничто, и становление, и моменты становления возникновение, и прехождение, все они в ней. И логический переход к наличному бытию связан с отрицанием беспокойного единства бытия и ничто. Диалектически рассматриваемая категория – это вся цепочка предшествующих категорий, да еще и не по отдельности взятых, а взятых в процессе движения более простой к более сложной. Вот как надо понимать содержание категории. Это относится и к каждому человеку. В каждом как результате присутствуют давшие ему жизнь и воспитавшие его родители. Можно сказать, что в каждом родившемся есть его родители. В нем. Потому что он есть результат. В каждом человеке в снятом виде содержатся его родители, бабушки, дедушки и все предшествующие поколения. А его воспитание состоит в том, чтобы он еще и всю культуру в себя впитал, знания, которые имеет человечество к этому времени.

В порядке шутки можно сказать, что изучающие диалектику становятся подозрительными людьми. Подозрительными. Подозрение – это что такое? Вот зрение видит только то, что на поверхности, что выступает как наличное бытие, правда? Но есть то, что скрыто от зрения, что под зрением, и вот это, что непосредственно не видно, я *подозреваю*. Причем я подозревать могу и хорошее, и плохое, правда? Я вот подозреваю, что читатель этой книги освоит диалектику, что в этом плохого? Подозреваю и

даже почти уверен. Последовательные логические ступени познания получили отражение в юридической практике и юридической науке. Бывает, что человека задерживают для выяснения личности, если у него нет с собой паспорта. По этому основанию больше чем на три часа задержать гражданина нельзя. Начнут по компьютеру пробивать, спросят адрес, попросят назвать, кого еще знаете. Начнут проверять, соответствуют данные или нет. Но больше чем три часа для выяснения личности вас задержать не могут, даже если у вас нет паспорта. Вторая ступень – задержание по подозрению в совершении преступления. По подозрению в совершении преступления гражданина могут задержать и заключить в следственный изолятор временного содержания – СИЗО. Сколько можно там человека продержать без предъявления обвинения? По подозрению в совершении тяжкого преступления – не более десяти суток, и потом у вас, я подозреваю, есть намерения скрыться и я больше вас уже никогда не увижу. Вот чтобы вас второй раз увидеть здесь, то я лекции могу читать для вас в СИЗО.

Подозрение есть, но обвинения еще нет. Но через десять дней вам должны предъявить обвинение или отпустить. Если вы только подозреваемый, вы человек со всеми правами, а в СИЗО содержитесь временно. Но если вам предъявлено обвинение, то вы уже не подозреваемый, а обвиняемый, и если следователем выбрана мера пресечения – содержание в СИЗО, то вы там будете находиться, если мера пресечения не будет изменена, до снятия обвинения следствием или судом. Вы имеете право вместе со своим адвокатом знакомиться со всеми материалами дела, чтобы знать, в чем вас обвиняют. На суде вы уже будете в статусе не просто обвиняемого, а подсудимого и, может быть, докажете, что следователь был неправ, тогда вы будете не осужденным, а оправданным. Имеются случаи, когда человек находится два с половиной года в СИЗО как обвиняемый и еще два с половиной года как подсудимый, когда уже идет судебный процесс. И вот

закончатся 5 лет, справедливость восторжествует, вас тут же в зале суда судья освободит, и прокурор от имени государства принесет вам извинения. То есть путь познания правды и справедливости может оказаться долгим и тернистым.

В юридической науке и практике есть и другие интересные категории, которые характеризуют ступени познания. Например, есть следствие, а есть дознание. Следствие – это определение виновных и степени их вины по подозрению в крупных преступлениях. А если имеется подозрение в совершении более мелких преступлений, за которые закон устанавливает небольшие сроки лишения свободы, то такими уголовными делами занимаются уже не следователи, а дознаватели. Слово *дознание* с точки зрения логики допускает двойное толкование: с одной стороны, вроде еще знания нет, а до знания есть лишь подозрение или обвинение, с другой стороны, можно считать, что основные знания получены и для передачи дела в суд кое-что еще надо *дознать*. Чем не диалектическая категория! Но содержится в Уголовно-процессуальном кодексе РФ.

Сказанное подтверждает, что следует строго различать то, что есть *налицо*, и то, что есть *в* наличном бытии. Так, в наличном бытии мы различили небытие, и вот это небытие сделали предметом специального рассмотрения. Например, если вы – человек хороший, но у вас есть недостаток, то это ваше небытие в вас. Есть люди без недостатков? Нет таких людей. И недостатки, говорят, есть продолжение достоинств.

Небытие, имеющееся в наличном бытии, или, другими словами, *небытие, принятое в бытие так, что конкретное целое имеет форму бытия, называется определенностью наличного бытия.*

Если теперь мы будем специально рассматривать эту определенность, то есть брать ее отдельно, изолированно от наличного бытия, то *такая определенность, которая берется*

изолированно, сама по себе, есть качество. Так определяется в «Науке логики» качество.

В литературе имеется много рассуждений про качество, особенно в его сравнении с количеством. При этом качество нередко противопоставляется количеству как нечто более важное и высокое, тогда как на самом деле качество – более простая категория, чем количество, которое всегда является количеством какого-то качества. К примеру, вы настаиваете на производстве высококачественных и, соответственно, очень дорогих пальто. Но что вы скажете тем, кто не будет иметь никакого, если будет решено производить высококачественные пальто, но меньше, чем число нуждающихся хотя бы в каком-либо пальто? Некоторые говорят – не важно количество, важно качество. Если я в пальто, мне, может быть, это и не важно. А если я без пальто, то мне важно, чтобы было такое количество, при котором я тоже получу пальто, у нас, в конце концов, не экватор. Говорят – не важно, что будет мало мяса, важно, что качество будет хорошее. Если мясо будет хорошего качества, но только олигархи будут есть это мясо, нас это устроит? Мы за олигархов будем, конечно, рады!

Как только мы качество логически оторвали от наличного бытия, взяли изолированно от него, про это качество нельзя сказать, хорошо оно или плохо. Дальнейший процесс логического движения состоит в том, чтобы преодолеть этот отрыв. На это прямо указывает Гегель, замечая, что качество еще не отделилось от наличного бытия, правда, оно уже и не будет никогда от него отделяться. То есть определенность можно взять изолированно, но только условно, вопреки тому, что она от наличного бытия не изолирована. Как мы можем изолировать качество? Допустим, имеется порядочный человек. Разве можно его порядочность брать изолированно от этого человека? Можно так сделать? Можно качество вырывать? Когда мы его логически отрываем от наличного бытия, мы отдаем себе отчет в том, что качество еще не

отделилось от наличного бытия, правда, оно уже не будет от него отделяться. Как это доказывается? Что мы про качество можем сказать? Что оно есть. А раз оно есть, то оно бытие. Какое бытие? Наличное, потому что не чистое же. А наличное бытие есть результат снятия становления, значит, в нем есть становление, а в становлении есть ничто. Так вот мы нашли ничто, и вот это самое ничто, наличие этого ничто в наличном бытии нас ставит в такое положение, что мы не можем ограничиться рассмотрением качества как только безотносительно положительного. Мы должны рассмотреть его как бытие в противоположность ничто, и как ничто в противоположность бытию. И тогда мы получаем, что качество надо брать не просто как качество, а как *реальность* и *отрицание*.

Теперь мы уже знаем не просто качество, а знаем его как реальность и отрицание. То есть надо отличать реальность и отрицание. Например, высокий значит – не низкий. Это одно и то же качество, но взятое сначала как реальность, а затем как отрицание. Правящий класс, когда начинается революция, про революцию говорит, что это беспорядок, то есть представляет ее как отрицание имевшего место общественного порядка. Для революционного же класса революционный порядок есть реальность, а попытки сохранить или вернуть прежний порядок выступают как отрицание революции силами реакции. Чтобы быть объективными в оценке исторических событий, надо всегда смотреть, что здесь выражает позитивное начало бытия, а что выражает негативное. И если негативное состоит в отрицании чего-то негативного, тогда оно выступает как позитивное. Когда две различные группы одного и того же правящего буржуазного класса борются между собой, но одна опирается на реакционные силы мировой империалистической буржуазии, навязывающей всему миру свое господство, как это имеет место на Ближнем Востоке, то это не революция, поскольку общественно-экономический строй не меняется. Та группа, которая победит, совершит не революцию, а

переворот, хотя и будет выступать как реальность, подавляя свое отрицание. Грубо говоря, если одни других перестреляли, то те, кто победили, порядок установили. А те, кого перестреляли, выходит, порядок нарушали. Тем, кто навел порядок, перестреляв своих противников, осталось только закрепить и прикрыть содеянное всенародным голосованием. Проводят голосование, и всегда большинство голосует за тех, кто противников перестрелял и победил. Когда США побомбят какую-нибудь страну, они всегда очень торопятся скорее провести выборы, чтобы легализовать содеянное.

Или давайте вспомним, как было организовано у нас «принятие» ельцинской так называемой Конституции. Сначала танки стреляли по высшему законодательному органу страны, а потом гражданам на референдуме было предложено ответить на содержащий угрозу вопрос, принимаете ли вы Конституцию Российской Федерации. У нас ведь не голосовали ни за какой проект Конституции, хотя проектов известных было несколько. Был проект комиссии Румянцева, был тот проект, который сейчас выставляется как конституционная реальность, был проект Собчака, был проект Жириновского и был проект Слободкина. Никакие проекты на голосование просто не ставились, поэтому ни за какой проект никто и не голосовал. А что поставили на голосование? Только что стреляли из танков по Белому Дому, а теперь ставится вопрос: «Вы принимаете Конституцию Российской Федерации?» А что такое Конституция – это та, которая была до голосования, все остальное – проекты. И никакого отношения к принятию новой Конституции вопрос о том, принимает ли Конституцию гражданин, не имеет. Потому что ни один из проектов не был поставлен на голосование, и ни один из проектов новой Конституции Конституцией не является. Вы принимаете Конституцию? Если вы не принимаете, то вы вообще против

действующего Основного закона страны. А какой тогда действовал Основной закон? Конституция РСФСР.

Впрочем, принципиально новые законы обычно устанавливаются в ходе революций, контрреволюций, войн или других насильственных действий. Буржуазные законы во Франции появились когда? Когда революционная буржуазия, среди которой были такие уважаемые люди, как Марат и Робеспьер, отрубили с помощью гильотины много голов. По закону рубили или без закона? Разве был закон рубить головы? А какая была законность до этого? Феодальная, которая защищала феодальную знать. Как наша буржуазия к этому насильственному попранию феодальных законов относится? Положительно, потому что демократы. У нас сейчас демократическое общество? Демократическое. Так что если вы в Петербурге пройдете по улице Марата, погуляете по набережной Робеспьера, вы лучше поймете, важно различать реальность и отрицание или не важно, важно ли знать, что является реальностью, а что отрицанием. Без этого не определить, какой политический деятель в истории был положительным героем, а какой отрицательным.

Вот сколько спорят, скажем, по фигуре Сталина. Как определить, каким он был политическим деятелем – положительным или отрицательным? На сегодняшний день после десятилетий попыток, начиная с хрущевских времен, представить Сталина отрицательной политической фигурой, в общественном мнении, которое мы, конечно, не отождествляем со знанием, возобладала точка зрения, что Сталин в целом – позитивная фигура в истории России. Чтобы не остаться на уровне мнения, хотя бы и правильного, нужно рассматривать тот класс, выразителем интересов которого и вождем был Сталин. А Сталин не только у гроба Ленина поклялся осуществлять диктатуру рабочего класса, но и оставался на деле верен этой клятве. Но ведь у рабочего класса были недостатки? Было в нем отрицание или он был сугубо

положительным без отрицательного? Маяковский писал, например: «Класс – он тоже выпить не дурак». Рабочий класс, будучи в целом революционным классом, имеет в себе отрицание? Например, мелкобуржуазность в рядах рабочего класса была, которая выражалась в стремлениях дать обществу поменьше и похуже, а взять побольше и получше? Разве не было таких явлений со стороны рабочих? Или рабочие только брали Зимний и активно участвовали в Гражданской войне и строительстве коммунистического общества? В целом рабочий класс – прогрессивный, революционный, с его движением связано улучшение положения всех трудящихся, но в нем есть и его отрицание, и об этом не следует забывать.

Берем теперь авангард рабочего класса – коммунистическую партию. Это не значит, что авангард рабочего класса состоит только из рабочих. Авангард класса состоит из тех, кто: а) должен выяснять научно объективные интересы класса; б) вносить сознание этих интересов в класс и в) организовывать класс на борьбу за его коренные интересы. Ленин разъяснял, что сам рабочий класс в силу своего положения не может выработать пролетарскую идеологию, он занят материально производительным трудом, и только отдельные выдающиеся рабочие могут прийти к диалектическому и историческому материализму самостоятельно, как дошел до диалектического материализма кожевник Иосиф Дицген. Поэтому в партии есть выходцы из других классов. Известно, например, что Энгельс – фабрикант, Маркс – буржуазный интеллигент, Ленин – дворянин с 16 лет. Но в авангарде рабочего класса были и не столь последовательные выразители и проводники интересов рабочего класса. И вот когда мы берем авангард класса, разве в этом авангарде все только позитивно и нет отрицательных явлений? В каждом отдельном человеке есть, а если они вместе образуют авангард, то уже и нет? Вы верите в это? Но мы на вере не стоим. Мы знаем, что в каждом

налицо или в целом позитивном есть негативное. Вот говорили, что партия – это Ум, Честь и Совесть нашей эпохи. Это верно было по отношению к большевистской партии. Но означает ли это, что бессовестности и глупости у тех или иных членов партии вовсе не было? Ленин в одном из писем замечал, что не только кадеты и эсеры, но и немалый процент большевиков не умеет думать, а только заучивает и повторяет слова. Идем дальше. Берем высший орган партии – съезд. На съезд посылают худших или лучших? Лучших старались, по крайней мере, посылать. Так если собрались лучшие из партии, разве у них, кроме правильных, нет негативных, неправильных позиций? Есть. Тогда берем один из результатов работы съезда – съезд избирает Центральный Комитет. Центральный Комитет – это выражение революционности рабочего класса, прогрессивной роли его как самого передового. Но давайте вспомним одно из последних писем Ленина к съезду большевистской партии, в котором он разбирает и оценивает качества членов ЦК. Для Троцкого характерен небольшевизм, Пятаков страдает административным отношением к делу, Бухарин вроде бы любимец партии, считается теоретиком партии, но никогда не учился и никогда не понимал вполне диалектики, поэтому его теоретические воззрения с очень большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, Сталин негативных политических и идеологических оценок не получил, но слишком груб. Так что и Центральный Комитет большевистской партии содержит в себе свое отрицание. И вот мы берем, наконец, генерального секретаря. Кстати, наименование должности «генеральный секретарь» тогда не с большой буквы писалось. Если человек большой, его должность обычно пишется с маленькой буквы, если обычный – его должность пишется с большой. Сталин был генеральным секретарем, а Брежнев – Генеральным. И вот мы берем теперь генерального секретаря ЦК ВКП(б) товарища Сталина. У ЦК, значит, в который съезд отобрал лучших из

лучших, есть и отрицательные качества, а у его генерального секретаря Сталина отрицательных черт нет? А в целом как ЦК, так и его генеральный секретарь являлись выразителями и проводниками интересов и воли рабочего класса. Ясное дело, что кому не нравится рабочий класс и его руководящая роль, диктатура пролетариата, тому и Сталин не нравится. Ему не нравится рабочий класс, партия рабочего класса, соответственно, и съезд и Центральный Комитет этой партии и, естественно, генеральный секретарь. Это вполне логично. А если кто стоит на позиции рабочего класса или, по крайней мере, признает всемирно-историческую, прогрессивную роль рабочего класса, тогда он должен признать и прогрессивную роль Сталина.

Означает ли сказанное, что мы не можем указать на минусы в деятельности Сталина? Вовсе не означает. Можно указать даже на теоретические минусы. Вот, скажем, у Маркса и Ленина всегда говорилось, что коммунистическое производство, в том числе и на первой стадии его развития, – это производство не товарное, а непосредственно общественное. Как разъяснял Ленин в «Наказе от Совета Труда и Оборона местным советским учреждениям», даже в переходный от капитализма к коммунизму период государственный продукт, обмениваемый на крестьянское продовольствие, не есть товар в политико-экономическом смысле, во всяком случае, не только товар, уже не товар, перестает быть товаром. В «Замечаниях на книгу Бухарина «Экономика переходного периода» В.И. Ленин писал, что недостаточно указать, что при социализме производится не товар, а продукт, надо добавить, что при социализме это «продукт, идущий в потребление не через рынок». Сталин правильно написал в работе «Экономические проблемы социализма в СССР», что средства производства при социализме не товары, а вот предметы потребления почему-то записал в товары. Эта двойственная, непоследовательная позиция Сталина выразилась и в том, что закон

стоимости он объявил законом социализма. А закон стоимости, согласно Марксу и Энгельсу, – это основной закон товарного хозяйства, а, следовательно, и его высшей формы – капитализма. И разве может основной закон капитализма быть законом социализма? Так что корни реакционного, губительного для социализма движения на рынок можно, к сожалению, найти в некоторых отступлениях от в целом выдержанной марксистско-ленинской позиции и у Сталина.

И какой в итоге мы получаем вывод? Мы получаем вывод, что Сталин в целом – объективно позитивная, прогрессивная фигура. Субъективно же он позитивная фигура для тех, для кого позитивными является социалистическая революция, ее движущая сила – рабочий класс, уничтожение частной собственности, построение социализма и развитие его в полный коммунизм. Для реакционеров же и врагов социализма Сталин – отрицательная фигура, понятное дело, а как же еще? Если я против диктатуры рабочего класса, неужели я буду выступать за того, кто ее осуществлял? Таким образом, мы приходим к выводу, что антисталинизм – это одна из форм антикоммунизма. Диктатура пролетариата – свобода для тех, кто стоит на позициях рабочего класса, а если кто стоит на противоположных позициях, какая же ему свобода? Это не свобода, это ужас, кошмар.

В вопросе о том, что является свободой, мы также должны стоять на научных позициях. ***Свобода – это господство над обстоятельствами со знанием дела.*** А когда над нами обстоятельства господствуют, это не свобода. А некоторые думают, что свобода сводится к возможности выбора, дескать, если я могу выбрать, выпрыгнуть мне в окно или повеситься, это уже свобода. Но не надо путать свободу и произвол. Если вам сделали стипендию 1100 рублей, то вы можете произвольно выбирать, как вам прожить на 1100 рублей, если прожиточный минимум 6 900 рублей, но свободой тут и не пахнет.

Выраженное философскими категориями всеобщее мы должны видеть во всяком конкретном, в единичном и особенном. Все исторические явления имеют какую-то особую форму в разных странах, в разные времена, при разных политических личностях, все совершается по-разному, но, с другой стороны, все имеет нечто всеобщее, выраженное с помощью всеобщих категорий, всеобщих законов природы, общества и мышления. Так любое наличное бытие есть спокойное и простое, но в нем есть небытие, которое есть его определенность, качество, и качество выступает как реальность и отрицание.

Еще раз в порядке повторения и подытоживания воспроизведем гегелевскую логику, которую надо не просто читать, а штудировать. Рассмотрим реальность и отрицание. Что мы можем сказать про реальность? Что она есть. А раз она есть, то *что* она есть? Бытие. Только что она была качеством, то есть определенностью, а выяснилось, что она – бытие, то есть что состоялось ее логическое превращение в бытие. Мы рассматривали качество, то есть определенность саму по себе, тем самым мы ее оторвали от наличного бытия, а выяснилось, что она есть бытие. А какое бытие? Наличное. Значит, неотделима оказалась эта реальность от наличного бытия. А раз качество есть наличное бытие, то что *в нем* есть? Становление. В становлении же, кроме бытия, есть ничто. Значит, в реальности есть отрицание. А про отрицание, как только мы его сделаем предметом рассмотрения, мы вынуждены сказать, что оно есть. А раз есть, то, значит, оно бытие и, следовательно, отрицание есть реальность. И что мы получаем? Мы вначале развели реальность и отрицание как не тождественные одно другому, а получилось, что они одно и то же. Это значит, что их различие снято. Что значит снято? Снятие – это отрицание с удержанием, то есть различие удерживается в этом отрицании, но оно снято, и налицо отсутствие различия.

Давайте теперь соберем урожай. У нас были по отдельности наличное бытие и качество, которое выступило как реальность и как отрицание. Теперь выяснилось, что реальность есть наличное бытие и отрицание есть наличное бытие и различие между ними снято. И одновременно снято различие между качеством и наличным бытием, поскольку качество оказалось наличным бытием. Все эти различия сняты. И вот *такое наличное бытие, от которого определенность неотделима, поскольку реальность и отрицание неотделимы друг от друга и от наличного бытия, такое наличное бытие – это определенное наличное бытие*. Не отдельно определенность и отдельно наличное бытие, а *определенное наличное бытие*.

Теперь мы имеем определенное наличное бытие. Эта категория называется еще «*налично сущее*». Гегель подобрал очень удачное выражение – налично сущее. Почему удачное? Потому что оно выражает одновременно и определенность, и наличное бытие. Налично сущее на какой вопрос отвечает? На два. Во-первых, на вопрос: «Это что?» Налично сущее. Во-вторых, на вопрос «Какое?» Налично сущее. Таким образом, имеем укороченное название определенного наличного бытия – налично сущее. Есть и еще более короткое название. Почему при прочих равных желательно иметь и более короткое название? Прежде всего для того, чтобы легче усвоить. Зачем обязательно длинное выражение в голове держать, если можно данную категорию удержать в кратком выражении? В самом кратком выражении определенное наличное бытие или налично сущее называется *нечто*. Частица «не» пишется вместе с «что». Нечто – это позитивная категория? Позитивная. И при этом впереди стоит «не». Мы считаем ее позитивной категорией, хотя написано «не». На примере этой категории особенно ярко видно, что человеческая мысль привыкла оперировать с категориями, в которых хотя и имеется отрицание, наличие этого отрицания отнюдь не делает весь предмет отрицательным. Точно так же, как

наличие у человека недостатка, отнюдь не делает его плохим человеком. Но если в человеке верх возьмут его недостатки, то это уже не будут недостатки, они будут, наоборот, в целом характеризовать человека как отрицательного, а для него отрицательными будут какие-либо положительные качества, которые будут выступать как его недостаток. Если чего-то не хватает подлецу для того, чтобы считаться законченным подлецом, так это устранения тех положительных качеств, которые у него еще остались.

Затем мы должны были взять в качестве предмета рассмотрения *ничто*. Что мы можем знать про то, что только еще взято для рассмотрения? Мы знаем, что оно есть и откуда или из чего оно произошло. Раз нечто есть, оно, следовательно, бытие. Какое? Наличное. А в наличном бытии, поскольку оно есть результат снятия становления, есть ничто. Значит, нечто должно быть взято как становление, моментами которого являются два нечто. Должно быть взято. А взято оно? Пока нет. А как это выражается? Так, что нечто есть *в себе* становление. Человеку, непривычному к философской терминологии, это может быть непонятно. Что значит есть *в себе*? Это значит, что потенциально есть, еще не развернулось. Например, кто такой студент? Студент есть в себе, то есть в потенции, специалист.

Нечто есть в себе становление и, следовательно, нечто должно развернуться как становление, моментами которого уже будут не просто бытие и ничто, а два нечто, два определенных наличных бытия. Но это есть лишь в себе. А Гегель говорит, что надо различать между тем, что есть в себе, и тем, что положено, то есть тем, что уже развернулось. Нечто есть в себе как становление, но еще не положено, еще не развернулось как становление. Вот если мы возьмем зерно и будем исследовать, то в нем обнаружим зародыш, из которого потенциально может вырасти колос. Зерно – это колос в себе, но зародыш в колос еще не развернулся. Или вот

про осень говорят, что это пора грустная. А почему грустная? Когда почки образуются – весной или осенью? Почки на деревьях образуются осенью. Листья отчего падают? Они падают потому, что их выталкивают образующиеся почки, которые есть в себе листья. Деревья сбрасывают на зиму то, что зиму не переживет, а почки мороза не боятся. Ничего им не сделается зимой, им морозы нипочем. Да, надо различать между тем, что есть в себе, и тем, что положено. Но то, что еще не положено, но есть лишь в себе, все равно уже есть. В неразвернутом виде оно есть.

Раз нечто есть в себе становление, значит, нечто должно развернуться в становление, моментами которого являются два нечто. Одно из них, олицетворяющее бытие, называется нечто. А нечто, олицетворяющее ничто, по другому должно называться. Это *другое* или *иное*. Что является противоположностью нечто? *Другое*. А можно сказать: «*иное*».

Теперь, следовательно, имеется нечто и иное. Но раз нечто пока есть лишь в себе становление, нечто и иное пока присутствуют не в единстве. Есть нечто, и есть иное. Но ведь иное это тоже нечто. И по отношению к этому иному, взятому как нечто, то нечто, с которым мы имели дело, это иное. Можно сказать, безразлично, что считать нечто, а что считать иным. Каждое есть нечто, и каждое при этом есть иное по отношению к другому нечто. Раз нечто и иное не положены еще как моменты становления, они не положены еще как единство противоположностей, и поэтому безразлично, какое из этих двух нечто называть «нечто», а какое «иное».

Обратим теперь внимание на то, что сначала мы нечто рассматривали само по себе, затем нечто по отношению к иному и иное по отношению к нечто. Осталось рассмотреть иное по отношению к самому себе.

Логически мы подошли к тому, что будем рассматривать иное, но не как иное по отношению к нечто, а как иное по отношению к

самому себе. Иное по отношению к самому себе это что? Это иное самого себя, то есть иное иного. А что такое в рассматриваемой ситуации иное иного? *Иное иного есть иное.*

Давайте обдумаем, какие выводы можно сделать из утверждения, что *иное иного есть иное*. Логическое содержание данного утверждения позволяет сделать два вывода. Первый – что иное как было, так и осталось иным, иное иного есть иное же. То есть можно констатировать *равенство* иного с собой. Но если по-другому на это утверждение посмотреть, получаем, что иное иного есть иное, другое, не такое. Получаем вывод о *неравенстве* иного с собой. Но ведь иное – это нечто. Тогда имеем два противоположных вывода про нечто или один диалектический в двух предложениях, что нечто содержит в себе два момента: равенство с собой и неравенство с собой. А моменты неотделимы друг от друга, когда берешь один, в нем уже светится другой, противоположный. Когда я говорю, что иное иного как было иное, так и осталось иным, это воспринимается с недоверием, так как через равенство с собой высвечивается неравенство с собой. Точно так же, когда я говорю, что иное иного это другое, не такое, хотя и иное, это тоже воспринимается с недоверием, хотя это содержится в самом понятии «иное», поскольку став иным, оно же осталось тем же самым. Это единство противоположных утверждений и выражает то, что равенство с собой и неравенство с собой – это два момента одного нечто. То есть нечто есть единство двух своих противоположных моментов – равенства с собой и неравенства с собой. И эти моменты нечто имеют в диалектике свои названия.

Нечто – очередная всеобщая категория. Все есть нечто. Есть что-нибудь, что не нечто? Государство – это нечто? Нечто. Общество – нечто? Нечто. Политические, исторические деятели – нечто? Нечто. Институты общественные, государственные – нечто? Нечто. Материальные остатки умерших цивилизаций, черепки, которые добыли археологи, – это нечто? Нечто. А что не нечто?

Как раньше мы говорили, что все есть бытие, все есть ничто, все есть становление, все есть наличное бытие, все имеет свое качество, выступающее как реальность и как отрицание, так теперь мы можем сказать, что *все есть нечто*.

Итак, нечто есть единство двух своих противоположных моментов – равенства с собой и неравенства с собой. Про моменты мы с вами помним, что это неотделимые друг от друга, то есть нельзя говорить об одном, не имея в виду и другой. Нет никаких отдельных друг от друга равенства с собой и неравенства с собой. Есть и то, и другое. И вот это в выражении «иное иного есть иное» очень хорошо выражено. Это неотделимые друг от друга два противоположных движения, которые должны быть взяты в неразрывном единстве. Непременно в единстве одно с другим. Осталось только вспомнить, как называются эти моменты. Момент нечто, означающий его равенство с собой, называется «в-себе-бытие». А момент нечто, означающий его неравенство с собой, называется «бытие-для-иного».

Приведем пример «бытия-для-иного». Вот есть такое понятие – компрадорская буржуазия. Компрадорская буржуазия – это наша буржуазия? Если я нашу беру буржуазию и в ней начинаю различать разные противоположные моменты, выделяю компрадорскую буржуазию, которая свою прибыль получает от разрушения отечественного производства в интересах иностранного капитала, почему же она не наша-то? Вам она не нравится? Ну и что, все равно наша она. Наша. Вот нам свои недостатки не нравятся. Но они же все равно наши, не чужие. А мои недостатки – во мне, а не в ком-нибудь другом. Берем нашу буржуазию. Нашу. В нашей буржуазии берем тех, кто пытается, эксплуатируя рабочих, выполнять свою историческую миссию. А какая историческая миссия у капиталиста? Развивать производительные силы. Если он производительные силы развивает, он не перестает быть эксплуататором и, наоборот,

будучи эксплуататором, он может развивать производительные силы, даже если он непосредственно не ставил такой задачи. Это объективный процесс. Ведь капитал – это самовозрастающая стоимость, а не самоубывающая. А капиталист, не развивающий, а уничтожающий производство – это капиталист, не отвечающий своему понятию, шантрапа, жулик, мошенник, гнать которого надо поганой метлой, и предприятие которого необходимо национализировать немедленно, не дожидаясь никакой социалистической революции, потому что он не отвечает критерию, который предъявляется к капиталисту. Капитал – это самовозрастающая стоимость, возрастающая. А у нас что? Один завод закрыли, другой завод закрыли, третий закрыли. Общество превращается в постиндустриальное, когда индустрия оказывается в прошлом. Будем сидеть у трубы, гнать за границу нефть и газ и все будем закупать за границей. Тапочки скоро будем закупать за границей. И вот этому процессу уничтожения отечественного производства сильно способствует деятельность компрадорской буржуазии, которая получает прибыль не от развития отечественного производства, а от его уничтожения.

Например, Выборгский ЦБК в Ленинградской области был новейшим, мог делать любые образцы бумаги, он успешно конкурировал с крупнейшими бумажными комбинатами Европы, но его довели до такого состояния, что он может делать теперь только обои. Конкуренты вряд ли поскупятся бы заплатить много денег тому, кто это сделал, ибо это им экономически выгодно. Так если есть люди, которые готовы платить, то есть и такие люди, которые готовы получать. Образовался целый слой буржуазии, которая получает свою прибыль от уничтожения отечественного производства. Преуспевающий олигарх Дерипаска, например, больше всего прославился своей деятельностью по уничтожению Горьковского автозавода и снятием с производства пользовавшейся в России неизменным спросом автомашины «Волга». Это бытие-

для-иного. Бытие-для-иного и те, кто на всех углах твердит, что в этой стране было, есть и будет всегда все плохо. Это наши люди. Наши. Это наши люди, они всю жизнь будут здесь жить и всю жизнь будут охаивать и оплевывать свою Родину. Дескать, вот у них там все хорошо, а у нас все плохо. Мы ничего не можем сделать, а потому не надо и браться. И этим людям бесполезно приводить данные о том, что Россия в 2011 году совершила 32 пилотируемых запуска в космос, а США только 16, и до 2015 года космонавтов на международную космическую станцию будут доставлять только российские космические корабли. Нашим экономическим и политическим конкурентам очень нужны такие люди, которые бы в России жили и доказывали, что Россия развиваться не может.

Так вот компрадорская буржуазия – это такая буржуазия, которая свою прибыль получает от успехов конкурирующего с отечественным иностранного капитала. Есть и такая буржуазия, которая занимается развитием отечественного производства до тех пор, пока ей не предложили больше денег за его уничтожение. А много ли среди капиталистов тех, кто откажется от большей суммы ради меньшей? Поэтому компрадорская и не компрадорская буржуазия находятся в единстве, представляют собой моменты, а не просто разные части буржуазии. Компрадорская буржуазия активно лоббирует закупки иностранных самолетов, оставляя без средств для развития отечественное самолетостроение. Берутся компрадоры и за уничтожение ведущих предприятий отечественного кораблестроения, что особенно ярко проявилось в попытках вытеснить с занимаемой территории строящие атомные подводные лодки Адмиралтейские верфи. Есть и государственные чиновники, всю помогающие нашим компрадорам. Чем ехать для заключения контракта на Урал, в Нижний Тагил или Ижевск, им больше нравится отправиться для закупки иностранной продукции во Францию или Италию. Ну, чего там в Нижнем Тагиле хорошего,

чтобы ехать туда в командировку, чтобы давать заказ на танки, если можно поехать в Израиль или Германию? А кто нам будет запчасти в случае военного конфликта поставлять? Петр I ездил на Запад. Но он там плотничал, чтобы узнать, как здесь в России строить корабли. Он создавал Российский флот или собирал деньги, чтобы купить флот за границей? А вот Горбачев вполне подпадает под категорию бытия-для-иного. Он лучший немец и худший русский. Будучи президентом СССР, он вел линию на уничтожение СССР. Его преемник Ельцин занялся уничтожением России. К бытию-для-иного вполне можно отнести радиостанцию «Эхо Москвы», хотя эта радиостанция выражает позицию бытия-для-иного с отдельными исключениями. Например, там регулярно предоставляют слово известному публицисту-патриоту главному редактору газеты «Завтра» Александру Проханову, как бы демонстрируя, что их бытие-для-иного находится в единстве с его в-себе-бытием.

А в-себе-бытие это что такое? Это равенство с собой. Каждый, кто читает эту книгу, равен самому себе или нет? Есть кто-нибудь, кто не равен самому себе? И в то же время каждый не равен самому себе. Если бы читатель этой книги дочитал до этих строк и по-прежнему был бы только равен себе, это бы означало, что чтение прошло зря. Кто виноват? Автор, разумеется. Я пытаюсь быть не равным самому себе, чтобы не остались только равными самим себе читатели, а продвинулись бы в понимании категорий социальной философии. А если читатель только не равен самому себе, то того, кто начал читать эту книгу, вообще уже нет. И если у вас, дорогой читатель, допустим, фамилия Петров, а вы стали совсем другим, то не надо прятаться за ту фамилию, которая раньше была, вы теперь другой человек. То есть если мы неравенство с собой абсолютизируем и оторвем от равенства с собой, то получается ерунда.

Те моменты нечто, которые мы сейчас рассматриваем, к чему относятся? Ко всему. Возьмем Российское государство. Советский Союз – разве это была не историческая форма существования Российского государства? Была царская Россия, свершилась революция, и от России отпали Финляндия и Польша. Если после установления в России Советской власти думали, как назвать Советскую Россию, – то ли РСФСР, то ли Советский Союз, и, в конце концов, решили назвать Советский Союз, то разве от выбора такого названия не стало России? СССР – это историческая форма существования Российского государства. Название другое! А если человек меняет фамилию, разве он не тот же человек? После контрреволюции 90-х годов территория России и население уменьшились почти вдвое, но Россия же не исчезла. И даже когда был придуман раскалывающий Россию на отдельные субъекты федеративный договор, Россия не перестала быть единым централизованным государством. В чем был смысл ельцинского федеративного договора с превращением областей единого государства в субъекты, которые как бы соединились в Российскую Федерацию? Чтобы начать процесс разделения России на карликовые государства со своими законами и правительствами. Но не получилось. В том числе и потому, что Путин помешал, он очень сильно помешал этому процессу, и можно его за что угодно критиковать, но это выдающееся достижение Владимира Владимировича. Он эти тенденции распада России самым жестким образом пресек.

Таким образом, мы с вами сделали важный и интересный вывод – всякое нечто есть единство в-себе-бытия и бытия-для-иного. Как называется такое нечто? *Изменяющееся нечто*. Или, как сейчас говорят, – а вы что подумали? Вы как бы назвали? А как вы понимаете *изменяющееся нечто*? Только так и можно понимать. Если нечто только не равно самому себе, почему тогда оно изменяется? Нет уже этого «оно». Все время разные, разные,

разные «они». Просто разные совершенно нечто, не связанные друг с другом. Если нечто изменяется, то оно есть и равенство с собой, а неравенство с собой выражается как раз в единстве неравного с равным. Поэтому древнегреческий философ Гераклит и писал, что мы входим в одну и ту же реку и не входим в одну и ту же реку одновременно. Мы входим в одну и ту же реку, но за то время, пока мы входим в нее, в ней все уже поменялось, и вода и русло немного, поэтому, входя в одну и ту же реку, мы входим не в одну и ту же реку, чего некоторые люди, которые не знают диалектики, никак не могут выразить. Говорят, например, что нельзя два раза войти в одну и ту же реку. Как же нельзя? Можно войти в одну и ту же реку и в то же время не в одну и ту же. А если некоторые деятели считают, что два раза нельзя войти в одну и ту же реку, значит, надо в разные входить. Ну, если я один раз войду в Охту, а другой раз в Неву, это не будет два раза в одну и ту же реку, это будет по одному разу в разные реки. Однако смысл любого диалектического высказывания в том, что в нем в единстве удерживаются прямо противоположные утверждения.

Ясно, таким образом, что такое изменяющееся нечто. Это равное и неравное себе нечто одновременно. То есть мы познали абсолютную истину в этом вопросе. Если нас спросят, что такое изменяющееся нечто, мы ответим, что это нечто, которое есть равенство и неравенство с собой одновременно. Что тут непонятного? Не думаю, что надо добиваться титаническими усилиями, усилиями умственной воли сохранения этой категории в нашем сознании, усвоенные категории должны сами сохраняться в силу той внутренней связи, которая между ними есть, если усваивается сама эта связь.

Итак, мы знаем, что такое изменяющееся нечто. Это нечто как единство двух своих моментов – бытия-в-себе и бытия-для-иного. Но если эти моменты в единстве, то в каждом из них есть момент своего другого. Можно, следовательно, сделать вывод, что во

в-себе-бытии есть также бытие-для-иного. Не может быть такого, чтобы два момента находились в единстве друг с другом и не было бы взаимопроникания. В каждом моменте есть его иное, значит, во в-себе-бытии есть и бытие-для-иного. И наличие во в-себе-бытии бытия-для-иного противоречит определению в-себе-бытия. Но это уже противоречие самого в-себе-бытия. В-себе-бытие борется против этого бытия-для-иного внутри себя и выступает поэтому как момент в-себе-бытия, момент равенства с собой во в-себе-бытии, противостоящий бытию-для-иного во в-себе-бытии, то есть как бы внутри себя очищающийся от него. Так, например, партия рабочего класса противостоит буржуазии, но оказывается, что в партии рабочего класса есть и те, кто в том или ином вопросе тянет руку буржуазии, уклоняется в буржуазном направлении, и партия рабочего класса сохраняет себя тем, что от этих уклонистов себя очищает. Или наоборот, если взять буржуазную партию, там оказываются люди, которые симпатизируют рабочим, и буржуазия стремится изгнать их из партии.

Во в-себе-бытии мы обнаружили бытие-для-иного. Следовательно, в-себе-бытие противостоит бытию-для-иного во в-себе-бытии. Такое в-себе-бытие – это как бы ядро ядра. И вот *такое в-себе-бытие, которое противостоит во в-себе-бытии бытию-для-иного называется в-нем-бытием или просто «в»*. Приведем пример, чтобы было понятней. Вот у нас есть недостатки? Есть. Это наше отрицание в нас. И нас без этих недостатков нет. Мы же не можем себя распилить пополам и сказать, что вот это – положительная наша часть, вот она какая большая, а вот это – отрицательная наша часть, видите, какая маленькая. Это аппендицит можно вырезать, а с недостатками надо бороться. Что из нас надо изъять, чтобы осталось только хорошее? Такой операции не получается. Борясь со своими недостатками, я отрицаю в себе свое бытие-для-иного, но я не могу его так отрицать, чтобы его вообще не было, я просто все время его

отрицаю, все время себя очищаю. Вот я все время борюсь против своих недостатков. Вы против своих недостатков боретесь? Удалось вам победить? И мне не удастся, но борьба идет успешно, но так, чтобы их вообще не стало, не получается. Если у кого есть такие результаты, кто полностью излечился от своих недостатков, тот пусть сообщит об этом, потому что это величайшее достижение, – такое не видано, не слышано. Другой пример. Можно ли победить бюрократизм так – поймать всех бюрократов и утопить, чтобы не было никогда бюрократизма? Так могут думать люди, которые не понимают, что бюрократизм – это определенность, некоторое отрицание государственной деятельности, отрицание ее в ней самой, а речь ведут о законченных бюрократах. Бюрократ – это уже воплощение бюрократизма, таких воплощений не так уж и много, а бюрократизм – это широкое явление, болезнь, которая есть у очень многих чиновников. Это не нарыв, который надо вырезать, а болезнь, которую приходится очень долго лечить. И главное средство, главное лекарство от бюрократизма – это всеобщее участие в управлении государством. Для буржуазного государства это вообще невозможно. Для социалистического возможно, если всеобщее участие в государственном управлении обеспечено организационно через Советы, избираемые по фабрикам и заводам, и материально, через увеличение свободного времени.

Таким образом, *момент нечто, состоящий в отрицании во в-себе-бытии бытия-для-иного или утверждении во в-себе-бытии в-себя-бытия с отрицанием бытия-для-иного, называется в-нем-бытием или, как отмечает Гегель, просто «в».*

Теперь мы, следовательно, знаем в нечто три момента. Не только в-себе-бытие и бытие-для-иного, но и в-нем-бытие или просто «в». Где есть эти моменты, в чем? Во всем. Если в человеке, то его бытие-для-иного – это его недостатки. Если в государстве, то

его бытие-для-иного – это государственные болезни: бюрократизм, карьеризм, ведомственность, местничество, коррупция. Коррупция – это выражение государства или это отрицание государства? Отрицание. Мы, говорят, с ней боремся. А как вы с ней боретесь? А так, что мы смягчаем за нее наказание. Это уже бытие-для-иного в самом в-себе-бытии, то есть с коррупцией вроде бы и борются, но в этой борьбе есть и другая, противоположная борьба, раньше конфисковывали имущество у взяточников и сажали их в тюрьму, а теперь, если взяточник взял сто взяток и на одной его поймали, то он за последнюю заплатит в несколько раз больше и свободен, уголовной ответственности нет. Если бы я был коррупционером или сочувствовал коррупционерам, я бы обязательно дал каким-либо партиям в их избирательные фонды много денег, чтобы они провели такие законы. Например, о гуманизации борьбы с коррупцией. Я-то раньше по темноте своей думал, что гуманность – это когда к людям, к большинству людей гуманизм проявляется. Нет. Оказывается, гуманизм надо проявлять к тем, кто ограбил, убил, взял взятку, вот к ним. Тех, которых убили, все равно уже нет, а есть убийца. Надо ему теперь наказание смягчить. Вот маньяк, он 60 человек убил, их уже нет, тех людей, а есть живой человек, который их убил, давайте к нему проявим гуманизм и не будем его приговаривать к смертной казни. И не приговаривают, поэтому каждый преступник знает, что может вас убить, и государство ему гарантирует, что смертную казнь за это он не получит. Темные люди считали, что смертную казнь должны отменять господа убийцы, и тогда не надо будет применять смертную казнь. Если никто никого не убивает, никого и не приговаривают к смертной казни. Оказывается, нет, пусть они нас убивают, а государство смертную казнь к убийцам применять не будет. Вот такие мы демократы и гуманисты. А если у вас есть деньги, много денег, ваша жизнь дороже, и вы можете нанять себе частных охранников. Наше бытие-для-иного равняется на США,

ну, так и равнялось бы, ведь в США есть смертная казнь. Вот какие мысли приходят, если дойти до категории в-нем-бытия. Но если зафиксировать ее место в системе категорий диалектической логики, – это важная категория, без которой не понять, что такое *определение*.

В изменяющемся нечто обнаружилось три момента. Каков дальнейший ход рассуждений? Какая логика дальше может быть? Давайте вспомним, что такое нечто. Это определенное наличное бытие. А мы чем пока занимались? Бытием, бытием, бытием. Бытие-в-себе, бытие-для-иного, в-нем-бытие. Но ведь нечто – это не просто наличное бытие, а *определенное* наличное бытие. А определенность неотделима от наличного бытия. Значит, все, что мы выяснили для бытия, то есть наличие в нем в-себе-бытия, бытия-для-иного и в-нем-бытия, все можно отнести и к определенности.

Теперь остается только собрать плоды, можно сказать, трудов наших необычайных. А именно, берем определенность. Раз теперь мы заинтересовались отдельно определенностью, она выступает как изолированная определенность, как качество. Как только мы ее берем одну, саму по себе, то есть изолированно от наличного бытия, она подпадает под категорию качества. Так вот берем *качество, которое есть в себе в простом нечто*. Чтобы было понятно, что здесь сказано, надо вспомнить, что такое в-себе-бытие. Это равенство с собой. Следовательно, мы берем *такое качество, которое сохраняется, остается равным себе в изменяющемся нечто*. И берем его в единстве с другим моментом нечто – с в-нем-бытием. То есть не такое качество, которое сегодня есть, а завтра его уже нет, а такое, которое удерживается и сохраняется в изменяющемся нечто. То есть качество, которое есть в себе в нечто. Берется такое качество, которое, во-первых, сохраняется в изменении, и, во-вторых, находится в единстве с в-нем-бытием. А что значит в единстве с в-нем-бытием? Что оно

противостоит бытию-для-иного во в-себе-бытии, а раз оно находится в единстве с бытием-для-иного, то оно в себе противится переходу в иное, сохраняет и удерживает себя в изменении. В результате имеем *качество, которое есть в себе в простом нечто и находится в единстве с другим моментом этого нечто – с в-нем-бытием – определение*. То есть определение – это качество, которое в изменении сохраняется и противостоит иному. Например, если кто порядочный человек, то он порядочный не только тогда, когда нет никаких испытаний, а порядочный при любых испытаниях.

Итак, определение есть качество, которое есть в себе в простом нечто и находится в единстве с другим моментом этого нечто – в-нем-бытием, то есть не просто безразличное равенство с собой, нет, это такое качество, которое не только есть в себе, то есть сохраняется, но и активно противостоит своему переходу в иное, наоборот, оно восходит к иному и на него влияет, а не само легко поддается влиянию. Хотя, конечно, нетрудно понять, что если нечто влияет на другое, значит, другое влияет на нечто. Например, адвокаты защищают преступников и поэтому находятся в самой тесной связи с преступным миром, среди адвокатов тоже появляются преступники.

Теперь мы знаем, что, кроме определенности, имеется более сложная категория – *определение*, то есть качество, которое есть в себе в простом нечто и находится в единстве с другим моментом этого нечто – в-нем-бытием. Это научное диалектическое определение определения. Но если вы сейчас откроете любую рядовую книжку или словарь, где говорится об определении, то прочтете, что определение – это совокупность признаков, свойств и т.д., как мешок, в который накидали всего, все это собрали и назвали определением.

Мы теперь уже на такой стадии, что различаем определенность и определение. Напомним, что определенностью называется

небытие, принятое в бытие так, что конкретное целое имеет форму бытия – и все. А мы дошли до определения, которое по сравнению с определенностью – гораздо более сложная категория. Например, *определенность* человека – это просто наличие мочек на ушах. Берем животное, как только мы обнаружим у него мочку, сразу вывод, что это человек, нет мочки – не человек. Это определенность. Единственная беда в том, что люди могут в аварии побывать, лишиться не только мочек, но и целиком ушных раковин, а мы их еще и из людей вычеркнем. Нехорошо получается. А *определение* человека? Гегель говорит, что определение человека есть мыслящий разум. И что тогда можно сказать про человека, который потерял разум или попросту сошел с ума? Кто он тогда такой? Человек, который не соответствует определению человека. Гегель, когда уже дошел до понятия, пишет, что дурной человек – это человек, не соответствующий своему понятию. Если определение человека – ум, а он дурной, то как раз главного, что выражается в определении, у него нет, хотя все остальное у него есть. Энгельс развил гегелевское определение человека, развил в том смысле, что он не перечеркнул и не противопоставил ему ничего, а еще выделил некоторые моменты, с этим связанные, связанные как раз со становлением разума, потому что этот разум становится, во-первых, благодаря тому, что человек есть общественное животное, а не просто животное. Во-вторых, трудящееся животное. В-третьих, говорящее. И, в-четвертых, разумное. Труд создал человека. Из труда возникла необходимость в развитии знаковых систем. Разумным стал человек потому, что он общественный, трудящийся и говорящий. Но он не просто говорит, он может выразить в понятиях мысль и передать ее другому человеку, а если я могу говорить как попугай, но выразить мысль и передать ее другому человеку не могу, то я, значит, не человек или не вполне человек, то есть дурной человек. Отсюда определение человека: *человек есть животное общественное, трудящееся,*

говорящее и разумное. Но это определение. А для определенности достаточно наличия мочек на ушах. Тех, кто с ума сошел, лишают права голоса, то есть их даже и политически не признают вполне за человека. Более того, если сумасшедший зарезал человека, его не сажают в тюрьму, он не подлежит уголовному наказанию. По иронии истории у нас и семья Ельцина была заранее освобождена от уголовного наказания, что делается только по отношению к тем, кто не отвечает определению человека.

Определение определения мы получили, взяв качество только как в-себе-бытие, а что можно сказать про определенность, которая есть лишь бытие-для-иного, противопоставляется определению, но есть та же определенность, что и определение. ***Такая определенность, которая есть лишь бытие-для-иного,*** это что такое? Вот тут дороги переводчиков «Науки Логики» Гегеля в фундаментальном собрании сочинений Гегеля и других изданиях разошлись. В собрании сочинений Гегеля ***такая определенность, которая есть лишь бытие-для-иного, называется характером.*** В других изданиях эта определенность наличного бытия безосновательно называется свойством. Однако категория свойств в системе категорий «Науки логики» появляется только во второй книге «Науки Логики» – в Учении о сущности. Здесь же речь может идти лишь о характере. Если у меня есть определение мое как человека, то оно проявляется по отношению к другим людям как мой характер. Если человек хороший, то это определение получит свое выражение и воплощение в характере этого человека, в его отношениях с другими людьми. А если человек – подлец, то в характере его это тоже обязательно проявится, то есть как внутреннее, выступающее вовне. Вообще нельзя внутреннее рассматривать как отделенное от внешнего, поэтому Гегель говорит, что через характер можно проникнуть в определение и изменить его. Мы многократно убеждались в этом, видя, как путем реформирования, то есть путем изменения формы, в корне

изменяли содержание или уничтожали его. Поэтому нужно, чтобы у нас зрение было философски подготовлено, то есть чтобы мы все моменты изменяющегося нечто видели и различали.

Одна и та же определенность выступила теперь двойко: как определение и как характер. Мы различаем, что есть определение, а что есть характер, имеем две разные категории. Но это одна и та же определенность, выступающая то как определение, то как характер. Одна и та же определенность, если она берется как в-себе-бытие в единстве с в-нем-бытием – определение. А если она берется лишь как бытие-для-иного, то это характер.

Мы рассмотрели не так уж много категорий. Но если человек знает, что такое определение, он уже очень много знает. Понятно, что определение выражается через характер. А поменяв характер, можно поменять и определение. То есть обратное движение тоже возможно. Вот Горбачев организовал изменение содержания политической системы через изменение формы, через перестройку. Надо, говорил он, перестроиться. Вы еще не перестроились? Так надо перестроиться. Перестраивались, перестраивались, перестраивались, потом поняли, что на деле перестроить означает изменить строй, осуществить *перестрой* как переход к другому общественно-экономическому строю. Был один строй – стал иной. Вроде бы только форму меняли, а получилось, что в корне изменилось все содержание. А ведь и вообще изменения идут через форму прежде всего.

Вернемся, однако к рассмотрению определения и характера. Что мы можем и должны прежде всего сказать про рассматриваемое определение? То, что оно есть. А это значит, что оно бытие. А какое? Наличное. И не просто наличное бытие, а определенное наличное бытие или нечто. То есть что мы получили? Что определенность – это нечто. Вроде того, как сейчас говорят, ну, это нечто. Определенность – это нечто. С определенностью разобрались. Берем теперь характер. Что мы можем вначале сказать

про характер? Что он есть. Значит он что? Бытие. Какое? Определенное наличное бытие, то есть нечто. И что получилось? Два определенных наличных бытия, два нечто, и они в единстве, причем одно из них – определение, а другое – характер. Они не изолированные, как выше были нечто и иное, а будучи по разному определенными, находятся в единстве. Два нечто, одно выступает как определение, а другое как характер, и они в единстве. Одна и та же определенность выступает и как определение, и как характер. То есть имеет место *качественное инобытие*. В единстве находятся два нечто, по отношению друг к другу качественно иные. И можно уже сделать вывод, что если раньше мы говорили, что нечто есть *в себе* становление, то теперь нечто уже *положено* как становление, моментами которого являются два нечто, составляющие качественное инобытие. *Нечто теперь положено как становление, моментами которого являются два нечто*. Определение переходит в характер, характер переходит в определение, одно нечто переходит в другое. Таким образом, мы теперь получили такой инструментарий, который позволяет видеть, как меняются все общественные явления, все общественные институты, как одни переходят в другие, качественно иные. И происходит это вроде бы и незаметно. Так что не следовало бы успокаивать себя тем, что у нас, дескать, построен социализм и что эта победа окончательная. Социализм может внешне незаметно перейти в качественно иной строй – капитализм. Мы видели, что в СССР этот переход произошел под громкие лозунги типа «Развернутое строительство коммунизма», «Больше социализма!» и «Вся власть Советам!». Переходный период к коммунизму и состоял в строительстве коммунизма, так что опять строить коммунизм вместо того, чтобы развивать его на собственной основе и освободиться от следов капитализма – означает топтаться на месте. Когда социализм построен, больше его быть не может, поскольку по окончании переходного периода других укладов уже нет, и социализм не мука

и не крупа, которой можно подсыпать больше или меньше, он является неполным коммунизмом и должен развиваться в полный коммунизм. Советы в СССР отвечали своему понятию как органы, формируемые через трудовые коллективы, только до 1936 года. Поэтому лозунг «Вся власть Советам!» в период горбачевско-ельцинской контрреволюционной перестройки означал ликвидацию руководящей роли партии рабочего класса и переход к буржуазному парламентаризму. Перестройка оказалась качественным изменением общественно-экономического строя и реставрацией в России капитализма.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
СОЦИАЛЬНАЯ ФОРМА ДВИЖЕНИЯ МАТЕРИИ.....	26
СОЦИАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ.....	67
СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ.....	108

Научное издание

Михаил Васильевич Попов

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАЛЕКТИКА.

Часть 1.

Подписано в печать 12.01.2012. Формат 60x84 1/16

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл.печ.л. – 8,5. Заказ №

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии Невинномысского института

экономики, управления и права (НИЭУП)

357191, Невинномысск, ул. Зои Космодемьянской, 1

Лицензия ИД № 03184 от 10.11.2000